

Самый лучший
фамилиар

Типичная история для плохонькой литературы — ты умер и попал в другой мир. Казалось бы, самое время стать доблестным воином или могущественным магом, но переродился ты в кота. Причем лысого кота, и этот кот является собственностью молодой неопытной ведьмочки. Впереди решение множества задач, встречи с людьми, волшебниками и призраками, борьба с комком кошачьих инстинктов, познание тайн магии и перемещений между мирами. И сделки с демонами, если нужен десерт.

Самый лучший фамилиар

Глава 1. Добро няжаловать

Помню, как я умер.

Быстро это не было.

Ехал от друга. Жил он в новострое, на последнем этаже — пятнадцатом. Стояла последняя летняя ночь, 31 августа, порядка уже полуночи. Впрочем, из лифта неба было не видеть. Странный лифт, спускался так медленно, с надоедливой мелодией.

На пятнадцатом вместе со мной в очаг химически-белого света шагнул еще незнакомец. Спутанные сальные волосы, ветровка с Микки Маусом. Ехали молча. Я стоял у стенки, он у дверей. На двенадцатом начал он.

— Ты знаешь, у меня есть друг.

Мне было плевать на этот раздражающе тонкий голос. Мне было интересно, словлю ли я с своего состояния похмелье — завтра в универ, на парах будет плохо.

— Он иногда говорит со мной.

Ой, вообще весело. Наткнулся на сумасшедшего. Немного страшно, но алкоголь шепчет, чтобы я был спокоен. Послушаю его.

— Он говорит, что паромщик. Странный, но паромщик. Говорит, что отправляет людей в путешествия по другим мирам.

Может, обдолбанный. Что он до меня докопался?

— Никогда не хотел увидеть другие миры?

Не.

— Он просит, чтобы я отправил тебя в путешествие.

Одиннадцатый этаж. Незнакомец кинулся на меня, вдавив в стену. Что-то ледяное обожгло живот. Больно.

Сполз по стене, прижал руки к животу. Глянул. Руки багрово-красные.

Горячо рукам. Лицу холодно. Безумец с крошечными зрачками прижимает к щеке окровавленное лезвие обычного ножа.

— Милый мой, я сделал так, как ты хотел. Он идет в путешествие...

Как больно. Мои ноги бьют по стали новенького и такого медленного лифта. Могила на двоих. Холодно.

— Как ты и просил, до позвоночника. Артерия, да. Да почему мне знать?

— Ты должен был прочесть атлас. Они должны уходить быстро.

Странный шепот. Холодно. Слишком яркий свет. Со всей силы жму на живот. Закрываю рану. Холодно.

Девятый этаж. До первого так далеко.

Безумец самым натуральным образом баюкает нож. Деревянная рукоять, хищное лезвие, символ, царапающий глаза. Холодно, как же холодно.

Не получается закрыть, лежу в луже, и еще холодно. Как же, твою мать, холодно.

Закрыв глаза — слишком яркий свет. В ушах пищит, по лицу бегают не мурашки, а муравьи. Не рано? Я еще не умер.

— Давай быстрее, ему холодно.

— Закончу, хорошо. Он уже почти умер, но хорошо, раз ты так хочешь...

Что-то обожгло живот еще раз. И еще. Больно и холодно. Ужасающе холодно.

Не доехал до четвертого этажа.

Первое, что помню — теплое молоко. Глаза не открываются. Да и фиг с ними, главное, молоко рядом. Из чего-то мягкого и теплого. Рядом сучат лапками братья и сестры. Теплые. Бьемся за молоко. Иногда пищим, пробуем голоса.

Подполз к мягкому, на ощупь. Присосался. Наполнил живот молоком. Отполз спать. Смыть, повторить.

Долго так время провел. В какой-то момент теплое и мягкое пропало. Долго звал маму, но она не приходила. Тогда пришлось открыть глаза, найти длинное тело матери и подковылять к нему. Вкусно и тепло. Все просто — ешь и расти.

Это было невероятно простые недели жизни. Жаль, недолговечные. Скучаю по этим временам.

Со временем, мои лапы окрепли. Я выбирался из пахнущего деревом ящика, падал на пол, каждый раз. Исследовал этот странный мир. Помню эти моменты плохо, наверное, это из-за того, что мозг имел совершенно иное строение. Мыслил образами и запахами, абсолютно без слов. Помнил только, как ушел из ледяного белого света.

Четыре деревянных столба. Сверху пахло хлебом и еще чем-то съедобным, но странным. Высокая плоскость с соломой — было трудно забраться. Мягко, но по другому. Двухногий розовый сигнал. Собственно, все. Ну, еще ящик с мамой и братьями-сестрами. Два брата, три сестры. Проще меня, так чувствовал. Будто я больше понимаю.

Незаметно я начал проводить больше времени вне ящика. Тогда рядом появилась миска с мелко рубленным, розовым мясом. Ел и урчал, шутливо сражаясь с братьями и сестрами за еду.

Когда почти перестал заходить в ящик, мама куда-то пропала. И весь дом. Меня куда-то отнесли, и я долго сидел на ужасном холоде. Звал маму, но она не отвечала. Ни братьев, ни сестер. Хотел уйти, но холодные прутьики мешали мне.

Ненавижу холод.

Сидел, ничего не оставалось. Еды нет, голодно, очень холодно. Мама не отвечает.

Подошла черная двухногая. Лицо розовое, сама черная. Зубы скалит, пищит что-то. Слышу звяки, меня вытаскивают. Теперь меня держит черная. Она теплая, и мне стало хорошо.

Долго куда-то несет. Ну и пусть, главное, что тепло. Она очень странно пахнет. Какая-то сухая трава, кислый запах чего-то, запах старости, еще *чужой* запах. Еще пыль. Чихнул.

Пришли в тепло. Куда-то пошли. Тут холодно, почти темно, что-то светится на полу. Меня опустили на камень, в центр света. Тут тепло, так что останусь тут. Еще б еды дали.

Двухногая протягивает лапу. На пальце кровь. Поранилась, слижу уж, так и быть.

Двухногая отошла. Что-то протяжно поет. *Чужие* слова.

Мой мозг выворачивает наизнанку. Болитболитболит. И тут...

Я ВСПОМНИЛ ВСЕ.

И от осознания того, что я жив, захохотал.

— НЯ-ХА-ХА-ХА-ХА!

Девушка сидела на полу с круглыми глазами.

После того, как прошел восторг от осознания того, что я жив, а не сдох в том лифте, я обнаружил несколько проблем.

Первая. Воздух озонирован, и такое чувство, что я будто бы ослеп, но не ослеп. Чувство

очень странное, но разберемся с этим потом.

Второе. Я не человек.

Не, серьезно. Смотрю вниз, и вижу чье-то странное тело. Голое, с морщинистой розовой кожей в серых разводах. Лапы похожи на кошачьи. Почему-то этот, мягко говоря, шокирующий факт не слишком сильно меня тревожит. В таком случае, с решением этой беды можно повременить.

Третье. Я в каком-то подвале, нахожусь в центре круга, словно сделанного из сиреневой неоновой подсветки. Но это не неон.

Четвертое. Тут есть девушка. Судя по лицу, насмерть перепуганная. Сидит у дальней от меня стены.

Пятое. Болит голова. И ужасно хочется есть.

Будем разбираться в порядке важности.

— Девушка, здравствуйте.

— П-привет.

Девчушка как девчушка. Лет шестнадцать навскидку, черные кудряшки, одета в черный халат. Испугана, жметесь к стенке.

Удивительно. Я непохож на человека, но я говорю. Говорю, и она меня понимает.

— У вас нет анальгина?

— Ч-чего?

— Ну, обезболы?

— ...

— От головы таблетки?

— Таблетки?

Свет, исходящий от кружков на полу, медленно тухнет. Оказалось, в комнате есть три свечки. Запах озона перебивает запах тлеющих фитилей.

— Хорошо, другой вопрос. Что я такое?

Девушка продолжала пучить на меня глаза. Ну ладно, теперь-то я никуда не тороплюсь.

Я находился в просторной, но очень пустой комнате. Небольшой столик в углу, вентиляционная решетка около пола, да два высоких подсвечника около деревянной толстой двери. Пол каменный, стены каменные, потолок деревянный. Пахнет...

И тут я понял. Здесь было невероятное число запахов. Как человек, даже не дизайнер, отличит оттенки цвета, так я чувствовал все запахи.

Царил запах электричества. Немного примешивалась гарь от маслянисто-белых свечей. Я вдохнул поглубже... Старое дерево потолка... Древние камни, пропитанные странным *чужим* запахом. От девушки пахло... как ни странно, девушкой, еще мылом, травами, отчего-то старостью, дымом и страхом. Жесть.

— К-как... — девочка очнулась. Ура. — Я т-тебя к-купила... Н-на рынке... Красивая странная крыска...

— Крыса?! Голая?! Ладно, это потом... А для чего купила-то? Явно ведь не для того, чтобы я тут сыр грыз.

— Ну... — она замялась. — Вообще, я хотела сделать фамилиара.

Я демонстративно похлопал себя по бокам.

— Кажется, у тебя вышло. По крайней мере, теперь я могу говорить, понимать происходящее.

— М-мистер крыса... Фамилиары не разговаривают...

Внезапно в разговор вмешался третий. Его голос донёлся из кованой решетки у пола комнаты, грубые хриплые раскаты сопровождались запахом дыма и тем самым *чужим* запахом.

— Лира, что произошло? Почему пахнет странным котом?

— Гальза, все нормально, наверное...

— Выбегай из комнаты, я изгоню то, что ты сделала.

Что?! Мне не нравится идея с изгнанием! Подозреваю, что мне это совершенно не пойдет на пользу.

— Уважаемый господин-из-за-решетки, прошу, не надо торопиться с изгнанием, или как вы там сказали. Я не желаю зла вашей... хозяйке?

Решетка фыркнула, и из нее вылетел крошечный клуб дыма.

— Она лишь внучка моей хозяйки. И что ты такое?

— Ну, судя по всему, я крыса. Без шерсти.

— Крыса? А пахнешь, как кот. — кажется, некий мужик из-за решетки мне не поверил.

— Гальза, постой, он действительно похож на странного и немного уродливого котенка. Честно говоря, если не смотреть на отсутствие шерсти, он неотличим от котенка, — девушка, которую решетка назвала Лирой, помолчала. — Я намерена вывести его из круга и поговорить.

— Лира, мне ли тебе говорить, что фамилиары не разговаривают?

— Но может, это будет кто-то вроде Ранфа?

Решетка замолчала. После долгой паузы он пророкотал:

— Возможно, это какие-то особенности вашей крови. Что ж, выводите его из круга. Но помни — одно мое слово, ты выбегаешь из комнаты, и я топлю поганца в дыме.

— Я не собираюсь рисковать собой.

Кивнув своим словам, девушка решительно шагнула ко мне.

А она здоровенная.

Легко перешагнув через почти погасший круг, она аккуратно взяла меня на руки. Тепло, пахнет мятой, ещё парой каких-то неизвестных трав. Немного человеческой девушкой. Мне вдруг стало так хорошо, что я замурлыкал.

Стоп. Что за хрень рвется из моего горла? Почему я вибрирую? Как я вообще это делаю?

— Подлизываешься?

— Я... я не знаю, я никогда не был котом.

Ну хоть не крысой. Ненавижу крыс.

С трудом, но мне удалось побороть мурлыканье.

Лира открыла плотную и тяжёлую дверь, выйдя из комнаты. Мы оказались в коридорчике, оклеенном темными зелеными обоями, в конце которого была лестница вниз.

Подвал оказался чердаком.

Оглушительно пахло медом. Напротив нас была ещё одна дверь, покрытая резьбой. Из-за нее доносился громкий неясный гул.

Девушка, не мешкая, спустилась по лестнице. Внизу оказался ещё один коридор, уже вдвое длиннее. Вдоль стен тянулись ряды из нескольких дверей. Рассмотреть коридор мне не дали, так как Лира (должен ли я звать ее хозяйкой, если она меня купила?) просто спустилась на пролет ниже. Лестница наконец привела нас в комнату, которую я классифицировал как гостиную.

Зеленые обои с темными узорами поглощали свет, и без того скрадываемый

массивными шторами около двух внушительных окон. Цветы и растения в кадках — частично усохшие, частично живые и здравствующие, на полу, подставках, подоконниках. Паркетный пол, прикрытый ковром коричневатого-неопределенного цвета. Чуток чадающий полусферический очаг, немного выступающий в комнату. Исполинский красный диван, древний и продавленный. Два таких же кресла. Стены украшены картинами: некоторые — с незнакомыми людьми в странных одеждах, некоторые — с пейзажами. Висела цветастая диаграмма какого-то слоёного пирога. Столик с стопкой книг и журналов. Столик поменьше, с чайником (а вот чайник видеть приятно, может, у них и чай найдется?). Пахло одной из трав, запах которой доносился от платья девушки, и дымом. Более слабо пахло выпечкой и, почти неуловимо, книгами и табаком. В углу комнаты стояло ростовое зеркало.

Это обостренное обоняние — очень странная штука, никак к ней не привыкну. Но, вообще, очень удобно.

Неудобными были странные, очень простые мысли, шедшие откуда-то из глубины меня — найди поесть, исследуй дом, составь свою территорию, отдохни. Думаю, это остатки инстинктов котенка, которым я был. А теперь я фамилиар. Если я правильно помню слово.

Черт. Насчёт слов. Это совершенно чужие слова, но я их понимаю. Очень странно. По звуку, даже строение предложений другое. Ладно, это пока неважно, понимаю и понимаю.

Девушка прошла мимо зеркала, и на мгновение я увидел себя. Лысый ушастый котенок примерно трех месяцев.

Хозяйка (немного оскорбительно для разумного) села на диван. Удивительно, но он не скрипнул. Меня она аккуратно поставила на столик с книгами.

Я уселся на деревянное покрытие, автоматически обернув хвостом (действительно похож на крысиный) ноги. Зевнул.

Мы молчали, рассматривая друг друга.

Хозяйка оказалась симпатичной. Лет шестнадцать-семнадцать, больше не дам. Курчавые черные волосы, зеленовато-серые глазки. А глазки-то подведены. Щепотка веснушек на переносице. Одета в что-то непонятное, то ли платье, то ли халат, угольно-черного цвета.

— Ты есть не хочешь? — спросила она меня.

— Не откажусь.

— Есть сливки. Еще где-то был кусочек мяса, но за ним надо идти.

— Не откажусь и от сливок, спасибо большое.

Девушка кивнула, подошла к столику с чайником, достала из-под незамеченной мною чашечки блюдечко, извлекла откуда-то фарфоровый молочник, плеснула сливок и поставила передо мной. Себе же она налила чая. Какое-то время мы просто пили, не зная, с чего начать. И да, мне пришлось лакать сливки языком. Это было неудобно.

— Итак, — начала она, когда сливки кончились. — Давай пообщаемся.

— Ну, давай, — кивнул я.

— Меня зовут Лира.

— Приятно познакомиться, а меня...

Тут в голове обнаружилась некая пустота. Я не помнил свое имя. Совсем. Напрочь.

— Чего с тобой, мистер кот?

— У меня что-то с памятью. Готовь поклясться, что у меня было имя.

— Вспомнить не получается?

— Ну... Начиналось на "п". Или "р"?

— Когда я, ну, купила тебя, то назвала Джаспером. Давай я пока буду обращаться к тебе так, — она замахала в воздухе ладошками, успокаивая меня. — Только до тех пор, пока ты не вспомнишь свое.

— Ну, ладно.

Джаспер так Джаспер. Я не против, имечко милое, самое оно для кота. Не Шавермик какой-нибудь, и ладно.

Обнаружилась другая проблема. Я не помнил очень многого. Я помнил, что был в другом мире и был человеком, у меня была сестра и родители, я умер от рук незнакомца с ножом в лифте. Но чем я занимался? Кем я был? Как я выглядел? Ничего не помню.

— Уважаемый Джаспер, простите за нескромный вопрос, но что вы такое?

— Хороший вопрос. Давай договоримся обращаться на "ты". Моему разуму лет двадцать, точнее не помню. И потом, ты меня купила. На рынке, правильно?

— С рук... — как-то смутилась Лира.

— И как ты умудрилась перепутать котенка с крысой?

— Не знаю, — развела руками Лира. — Никогда не видела голых котов. Продавец сказал, что это заморская крыса. Продавец — хозяин постоянного двора, и он рассказал, что один из постояльцев, волшебник, приехал с фамилиаром, крысой какой-то. После того, как жилец уехал в другой город, у того хозяина забеременела кошка. Родилось пять котят, четыре нормальных, а один — вылитый тот фамилиар. Это и был ты. Наверное, все же это был кот, а не крыса...

— Ну и хорошо, что купила, — я очень постараюсь концентрироваться только на положительных аспектах произошедшего со мной. Если думать обо всем плохом, то так можно и крышей поехать. — Благодаря твоему ритуалу я понимаю намного больше. На касательно твоего вопроса, то, думаю, это мне надо тебе его задавать. Я вообще был человеком...

Девушка меня перебила:

— Ты оборотень? Проклятый?

— Э? Нет! Какие оборотни?! Я был человеком в другом мире. Знаю, звучит странно, но это правда. Меня убили, а очнулся я уже тут. Был котёнком, ничего не понимал. Думал только о молоке и тепле. Собственно, это все, что я знаю.

— А ничего ты не скрываешь, кот? — где-то в этой комнате я не заметил ещё одну решетку вентиляции, и теперь некий Гальза меня оттуда допрашивает.

— Мне нет повода вас обманывать. Насколько я понимаю, вы можете меня с лёгкостью убить. Мне, знаете ли, невыгодно вам врать.

— Какой вежливый, — фыркнул Гальза.

— И что же мне с тобой делать? — Лира склонила голову набок.

— С этим можно разобраться. Главное, чтобы в твоих замыслах не было ведра с водой, — я дождался усмешки и продолжил. — Можешь ответить на несколько моих вопросов, хозяйка?

— Давай уж.

— Что такое фамилиар и чем он отличается от обычных животных?

— Волшебники и ведьмы проводят ритуал над различными животными. В результате животное становится несколько умнее, и через него можно, как сквозь себя, пропускать Мощь, — девушка выделила это слово особой интонацией. — Это позволяет использовать более мощные чары. Ну, или как в моем случае, проклятья.

— Чего?

— Чего «чего»?

— Какие ещё проклятья?

— Ну, я ведьма. Только закончила обучение, приехала к бабушке доучиваться.

— Ведьма. К бабушке. Доучиваться.

— Джаспер, что с тобой? У тебя глаза как стеклянные.

— А я вот огород копал... у бабушки...

Девушка вежливо дождалась, пока волна удивления схлынет. Тряхнув головой, я продолжил.

— А сейчас меня можно использовать в качестве фамилиара?

Лира усмехнулась, встала с дивана.

— Это легко проверить.

Она сунула руку куда-то в недра складок платья, достав оттуда какой-то сушёный листик. Ее худые пальцы шустро размяли его в порошок.

— Духи! Хочу, чтобы этот кот чихнул, когда делает шаг!

Неожиданно сквозь меня словно пропустили ток. Я дернулся всем телом, пропуская острые волны какой-то энергии.

— Получилось, Джаспер! Я пропустила меньше Мощи, но проклятье удалось! А еще ты действительно кот.

Меня эта выходка разозлила. Пропускать Мощь мне не понравилось. Я сделал шаг в сторону Лир с намерением царапнуть ее.

— Пчи!

— Ну вот, работает!

Все, теперь ее ничто не спасет!

— Пчи! Пчи! ПЧИ!

— Джаспер?

— Что ты наделала? Я даже подойти к тебе не могу! Пчи!

— Кажется, я намудрила с проклятьем. Тут, понимаешь, важна формулировка. Кажется, теперь ты чихаешь на каждом шаге, — в голосе девушки были как искренне извиняющиеся нотки, так и плохо сдерживаемые смешки.

— Пчи! Я заметил! Можно это развеять?

Девушка щёлкнула пальцами, и меня отпустило. Я сделал несколько пробных шагов, и чихов не последовало.

— Итак, ты ведьма, — сказал я, провожая глазами снова садящуюся девушку.

— Да, училась три года. Умею делать проклятья разных типов, от безобидных до очень опасных. Правда, Черного сертификата нет, но шляпу уже заслужила.

— Лира.

— Да?

— Ты же понимаешь, что я ничего не понимаю? Я кот! Это хуже ребенка! Я не знаю ничего! Вдруг этот мир вообще плоский?

Лира смутилась.

— С чего тебе начать объяснять?

— Где я вообще нахожусь?

— Самая окраина Асмина, города на юге Бравии. Бродячее поместье «Медоносный Призрак».

— Какой-какой призрак?

— Медоносный, — повторила Лира.

— А почему поместье бродячее?

Лира пожала плечами.

— Потому что может перемещаться между своими маяками. Сейчас, правда, мы имеем только один маяк, в пригороде Асмина.

— Перемещаться прямо целиком? — недоверчиво нахмурился я.

— Прямо целиком, — громогласно подтвердил Гальза.

— К слову, пока не забыла. Наш мир относительно можно назвать плоским.

Я охренел.

— Подожди! — девушка снова замахала руками. Очевидно, мои переживания отражались на моей... морде, — Плоским в том плане, что лежит в плоскости! Сам мир круглый!

Она взяла меня на руки (снова тепло и приятно пахнет) и поднесла к стене, где висела диаграмма слоеного пирога. Оказалось, это не слоеный пирог.

На желтоватом пергаменте были изображены семь разноцветных полосочек с картинками.

Первая, самая верхняя, выглядела как фамильная палитра, переданная отцом-художником сыну — бешеное смешение различных красок и оттенков, хотя преобладал бирюзовый, серый и малиновый. Краски складывались в вихри, спирали, спиральки. Следующий слой был черно-белым, состоящим из волнистых линий и набора странных значков. Третий был снежно-белым с синими фигурками людей. Четвертый слой был самым подробным — на нежно-зеленом фоне был изображен городок около башни. В городке ходили черные и серые человечки, а на башне стояли четверо более подробно выполненных человечка в смешных шляпках. Одна фигурка имела обычную, известную мне по картинкам в интернете ведьминскую шляпку. Следующий слой был огненно-красным, черным и серебристым, на фоне из языков огня десятки багровых силуэтов ковали что-то. Предпоследний слой был простым и одновременно самым притягательным — это был бездонный океан с едва уловимыми силуэтами странных морских существ. Последний слой был нарисован так, что у меня шерсть встала дыбом: в чернильной тьме, казалось, копошились тысячи разнообразных червей, змей и многоножек.

— Это Общность, — заявила Лира, дав мне полюбоваться. — Завихрения, Шум, Вьюга Солнце и Луны, Инферно, Последний океан и Червивое дно.

— Что это? — хрипло переспросил я. Картина меня поразила. Почему-то я знал, что это не оккультная схема. Эта картина обладает такой же силой, какой в моем мире обладает схема солнечной системы.

— Это наш мир. Мы с тобой находимся на плане Солнца и Лун. Тут живут люди.

Из-за дивана донесся голос Гальзы:

— Я галгара, из Инферно.

Я мог только кивнуть. Тем временем Лира продолжала:

— В каждом плане свои особенности, законы и Духи. Например, один из законов нашего мира — люди могут использовать энергии с других планов. На этом строится использование волшебства и колдовства, но не чуда и искусства гвоздя.

— Вот сейчас вообще не понял, — признался я. — Магия, колдовство — в моем мире это одно и то же. Способ обдурить человека.

— Ужас, Джаспер! — изумилась Лира. — У нас это четыре высоких искусства. Некоторым людям Духи дают силу того или иного плана. И мужчины, и женщины, обладающие таким даром, могут использовать волшебство, и различным образом использовать законы и правила нашего и других планов, их зовут волшебниками. Некоторые женщины могут отменять правила и создавать новые, но только для определенных объектов и явлений. Это искусство зовется колдовством, и использующие их — ведьмами. Некоторым же из людей Духи позволяют не обращать внимание на один непреложный закон. Этому искусству, чуду, не научить, и каждый, что может использовать такие обходные пути, зовется чудесником. В конце концов, некоторым мужчинам Дух Двух смертей дал часть своих сил, и эти люди могут призывать и изгонять, прибавать и отпускать. Это искусство гвоздя, и практикует его только Братство Медного Гвоздя.

— Как-то последнее немного отличается от остальных, — заметил я.

— Есть такое. Это самое молодое из искусств, ему чуть больше сотни лет. Оно просто не успело стать классическим. Волшебники, ведьмы, чудесники и, с недавних пор, вторые — мы охраняем и исследуем наш план.

— Вторые?

— Ну да, их еще медянщиками зовут, — уверенно кивнула девушка. Не найдя в моих глазах ни малейшего понимания, она пояснила:

— Ну, вторые — работающие с второй жизнью.

— Чего-о-о-о?

— Любой человек имеет две жизни. После первой смерти начинается вторая жизнь. Правда, вместо тела человек имеет туман. Это называется «призрак». Что с тобой? У тебя опять стеклянные глаза.

Я оказался в мире, похожем на слоеный пирог, в котором есть волшебники, ведьмы и призраки. Причем я тут кот. Лысый. Великолепно.

Тщательно подавляемые впечатления от становления котом, помещения в новый мир и самого настоящего вихря запахов вырвались из меня и погрузили меня во тьму.

В себя я пришел нескоро. Когда я открыл глаза, я находился на диване. Рядом со мной, обеспокоенная, сидела все та же Лира. От нее сильнее пахло табаком и старостью.

— Ты отрубился, — сообщила мне она.

— Я догадался, но спасибо.

— Никогда не видела котов, потерявших сознание.

— Все случается в первый раз, — философски отозвался я. — До этого утра ты не видела лысых котов.

— Я могу что-то для тебя сделать?

Хм. В ее голосе неподдельное участие, а лицо явно беспокойное. Приятно, что обо мне переживает симпатичная девушка.

— Лира, я могу попросить разрешения побродить по поместью? Мне нужно чуток побыть одному, подумать, что делать.

— Ну, ладно, Джаспер. Моя комната на втором этаже, первая слева, как поднимаешься.

— Ладно. Спасибо тебе, Лира.

— Не за что, — девушка улыбнулась и ушла. Я проводил ее глазами.

— Не думай, что я перестал за тобой следить, — тут же раздался из-за дивана рык Гальзы.

— Я помню. Слушай, ты же все прекрасно слышал. Я просто кот с хорошей

проводимостью. Ну ладно, разговаривающий. Как я, имея только лапки, смогу повредить твоей хозяйке?

Гальза хмыкнул.

— Моей хозяйке ты даже в ее нынешнем положении никак не повредишь. Внучку — поцарапаешь. Ну а мне перед хозяйкой за внучку отвечать. Она единственный рог мне оторвет. С нее станется какое-нибудь слово с меня содрать. Ну а Медоносной не понравится, если ты где-нибудь нагадишь.

— А как это поместьем может не понравиться то, что я где-то нагажу?

— Ты прислугу тут видел?

— Ну, пока еще нет.

— И не увидишь. Ее тут нет. За приборку и определенную часть готовки отвечает лично

Призрак.

— Но подожди... Поместье...

— Остынь, кот. Ничего тебе пока не скажу, а то опять отрубись.

Мне это не помогло бы, потому что я снова был на грани отключки.

Из ниоткуда в центре гостиной возник плотный ком серо-голубого тумана, из которого проступила фигура женщины. Так мне сначала показалось.

Эта женщина была наголову выше любого человека, что я видел до этого. Прибавьте к этому то, что я был котом. Высокая, худая, с длинными тонкими волосами, в очень старомодном платье. Постепенно фигура собралась полностью. Ощущения от призрака не передать — это был такой же человек, как и все виденные мной, но просто будто не имевший своего цвета.

Призрак медленно подплыла ко мне, и я замер от ужаса.

Призрак частично была насекомым. Человеческое худое лицо украшали четыре матово блестящих фасеточных глаза, слюдяные крылья топорщились за спиной, а из-под подола и сквозь прорехи платья вылетали призрачные же пчелы. Присмотревшись, я понял, что ее платье в некоторых местах покрыто сотами, сочащимися полупрозрачным серо-серебряным медом.

Медоносный Призрак подобралась ко мне на расстояние вытянутой руки. От нее пахло водой, дымом и медом. Я замер от ужаса.

Призрак протянула руку и погладила меня. Она. Была. Полностью. Материальна. Я почувствовал каждый палец на своей голове. Она погладила меня несколько раз, тихо мне улыбнулась и молча развеялась. Туман, составлявший ее, пропал в никуда — так же, как и появился.

— Кот! Кот! Ты чего молчишь? Что произошло? В комнате пахнет Медоносной! Ты жив, кот?

— Гальза, я в норме, — протянул я. — Она меня погладила.

Существо из Инферно ответил мне только после недолгой паузы.

— Ну, все обвинения с тебя снимаю. Если тебя погладила Медоносная, то ты не навредишь никому из нас.

Я не стал ему отвечать. Инстинкты внутри меня просили исследовать дом, и я не собирался им отказывать. Пожалуй, назову ту часть, что шлет мне такие приказы, Котом.

Первым делом я подскочил к зеркалу. Проблем с передвижением на четырех лапках нет, уже хорошо.

В зеркале на меня глянул лысый худенький уродец. Ну, вообще, кот. Все на месте —

большие уши, ярко-синие глаза, клыки, хвост и когти на пальцах. Только шерсти нет.

Неожиданным приступом заболела голова. Приступ длился недолго, но, схлынув, он оставил знание. В моем мире были такие коты, и порода называлась сфинксами.

Тот факт, что я сфинкс, я воспринял спокойно. Это лучше, чем быть крысой, и уж точно лучше, чем быть мертвым.

Вторым делом я обошел всю гостиную. Зеленая краска стен с узорами цвета старой меди на самом деле оказались обоями. Это свидетельствовало о высокой развитости промышленности. В какую эпоху меня вообще закинуло? Судя по интерьеру, век восемнадцатый-девятнадцатый.

От всех прочих вещей шел запах старины — смесь пыли и грибов. Мебель давненько не обновляли. Под диваном чисто выметено. За диваном действительно находилась решетка. Я только сейчас заметил, что решетка сделана из красноватой меди, и на ней есть резьба — нечто вроде распахнутого в крике искаженного лица. Оттуда веяло приятным теплом.

Кстати, сфинксы же постоянно мерзнут. Или тут тепло, или я какой-то неправильный сфинкс.

Выбравшись из-за дивана, прошелся по нему самому. Никаких изменений, кроме того, что место, где сидела девушка, слабо пахло ею. (Я ведь не похож на извращенца, да? То есть, я же кот. Это нормально, да?)

Перескочив обратно на столик с книгами, я начал рассматривать их. Плотные обложки, тисненные буквы. Некоторые пахнут старостью, некоторые — бумагой и типографской краской. От одной книги слабо пахло каким-то цветком. Несмотря на мое умение говорить, на чтение это не распространялось — названия книг были сделаны алфавитом, чьи буквы были похожи на странные корневые системы. Лапками я сдвинул пару книг. Неутешительный вывод — силенок у меня, как у котенка. Коим я и являюсь.

Чтобы перепрыгнуть на соседний столик, уже с чайником, мне пришлось поднапрячься. Кот заставил меня пару десятков секунд посидеть, повилять задницей, чтобы разогреть мышцы. Думаю, в делах кошачьей физиологии у Кота опыта побольше. Чайник уже остыл и пах больше теплой водой, чем травами, но запах мяты мне уловить удалось. Я нашел молочник, но, побоявшись его перевернуть, оставил его в покое.

Не найдя больше ничего интересного, я снова спрыгнул на пол и обследовал кресла. Одно было самым обычным креслом, а вот другое обладало густым запахом Лиры. (Нет, я определенно считаю себя извращенцем, когда думаю такими категориями. Запах приятный, но ничего более. Проклятье, как мне еще описать запах человеческой девушки?)

Беглый осмотр картин не дал мне ничего. На одной стене поля, леса, закаты и рассветы. На другом — люди. Примечательных портретов было только два: немолодая женщина в широкополой остроконечной черной шляпе с узкой полоской черной вуали и черным же пером, и молодой улыбчивый мужчина в белой с черным кантом шляпе, напоминавшей лодку.

Ничего интересного больше в гостиной не было, и я вышел в единственную дверь. Оказалось, там маленькая прихожая с лестницей, ведущей наверх. Это место я не заметил, когда меня проносили. Старый темный паркет, такие же похоронно-зеленые обои, два выключенных светильника непонятной механики. Из примечательного тут была только вешалка с плащом и водруженной на нее широкополой шляпой. Рядом стояла узкая металлическая корзина с торчащим из нее зонтиком. Все, как на подбор, угольно-черное. Беглое обнюхивание плаща подтвердило мои догадки — вещи принадлежат Лире.

Я обнаружил в комнате несколько дверей. Одна вела на улицу, поэтому я туда не пошел. Другая, чуть сбоку, была заперта или просто плохо поддавалась (прошу не забывать, что я всего лишь кот), поэтому и туда идти я отказался. Повернувшись в другую сторону, я обнаружил за лестницей еще одну дверь, причем не запертую. Там находилась кухня. Ничего необыкновенного: два очага, несколько столов для готовки, крошечная железная дверца, ледяная на ощупь — видимо, холодильник. Пахло дымом, мясом и медом. Я немного потыкался по дверцам шкафчиков, но оттуда мясом не пахло, поэтому, с сожалением, я покинул кухню.

На этом моменте мой внутренний Кот утихомирился, напоследок проворчав что-то о мягком диване. Я пошел в гостиную, залез на указанный диван и свернулся калачиком, что оказалось неожиданно удобно.

Бывало, конечно, что я читал фантастику про перемещения в иные миры и прочую лабуду... Но вот никогда не думал, что я сам стану одним из таких героев. Однако, даже так, по канонам жанра я должен быть героем с какой-нибудь уникальной способностью. Хотя особенность налицо — я кот. Лысый. Кот, который очень хорошо помогает проводить энергию одной молодой ведьмочке.

Естественно, что своей целью я поставлю возвращение домой. Если оно возможно, строго говоря. Меня перенесло не физически, а духовно, все же. Кроме того, тот нож я запомнил просто превосходно.

Еще я бы с удовольствием восстановил бы себе память. Я не против отзываться на Джаспера, имя неплохое, но все же было бы лучше оперировать своим. Кроме того, воспоминания могут дать мне какие-то преимущества.

Итак, необходимо как-нибудь узнать информацию по переходам в другие миры. Еще желательно посмотреть, можно ли будет вернуться не котом. Не то, чтобы меня не устраивало это тело, в конце концов, могло быть гораздо хуже, просто человеком мне все же привычнее. Ну или хотя бы шерсть вернуть.

С этой мыслью я и уснул.

Глава 2. Ты волшебник, Джаспер!

Проснулся я поздно ночью, от голода.

Было темно и прохладно, однако, я прекрасно различал все происходящее в комнате. Собственно, различать-то было особо и нечего, так как никого в комнате не было.

Голод крутил мне живот, и Кот наглым образом пытался вытеснить мое сознание. Как я это понял? По очень сильному желанию перевернуть на ковер молочник, что стоял на нижней полке чайного столика и вылакать все, что не впитается. Метод был варварский, и я помнил слова Гальзы насчет той, кто производит тут уборку. Вызвать гнев Медоносной мне очень не хотелось, поэтому я волевым решением отменил этот вариант. Но делать что-то было надо.

Развернувшись из калачика, я вспомнил, как потягиваются коты. Попробовал. Очень удобно, особенно с выпяченной задницей. Спрыгнув на пол, я прислушался к ощущениям.

Нет, новых запахов не было, и никто не появился. Дело было в моем теле. Появилось несколько новых ощущений, и их было не передать словами. Словно бы мои мышцы изменили растяжимость. Чтобы было удобнее, мне надо было сесть на задние лапы.

Попробовал. Стало удобнее. Подумав и прислушавшись к ощущениям, я еще и встал на задние лапы.

Охренеть. Я единственный в мире малыш-челокот. Челокоооот...

Я не испытывал ни малейших затруднений с прямохождением. На пробу я даже сделал несколько шагов. Было непривычно опираться на небольшие по площади лапки, но в целом...

И тут я заметил кое-что, что привело меня в восторг. Отстоящий большой палец! И пусть он был короткий, пусть коготь был охренительно длинным, но это была ладонь почти что привычной формы! Кот, мы с тобой эволюционируем! Да здравствуют инструменты, прямохождение и молочники!

С огромным трудом — все же он был тяжелым — я поднял молочник на столик, перенес с соседнего свое блюдо и налил себе сливок. О, этот сладкий вкус победы!

Неожиданно захотелось побегать и найти, на кого поохотиться. На крайняк чем-нибудь пошуршать. Пришлось затыкать Кота. В ответ Кот заявил, что, в таком случае, нам совершенно необходимо осмотреть остальной дом, а не только первый этаж. Вот тут я был с ним совершенно согласен.

Передвигаться решил пока на четырех лапах, так как мышечную память никто не отменял, и такой способ был мне пока что просто удобнее.

Я вышел в прихожую и долго поднимался по лестнице, в этом мне помогал тонкий ковер, которым она была покрыта. Не представляю, как тут убирается Призрак.

Темный коридор, совершенно без источников света — только два подсвечника, абсолютно пустые. В конце коридора окно с широким подоконником и кадка с раскидистым растением. В каждой из стен, образующих коридор, по четыре двери. От самой ближней, по левой стороне, пахло Лирой. Дверь напротив нее пахла старостью и табаком. Видимо, это была бабушка Леры.

Кроме Леры, постояльцев поместья я больше не встречал. Короткая прогулка по коридору с беглым обнюхиванием дверей (пыль, затхлость, немного мед) подтвердили мои догадки — кроме этих двоих живых людей в поместье нет. Будить Леру мне не хотелось,

поэтому я поднялся на пролет выше.

Третий этаж я бы классифицировал как мансарду, на это указывали характерные скаты крыши. Гула, который я слышал, сейчас не было, но медом пахло так, что этот запах вытеснял абсолютно любой другой. Дверь с резьбой не поддавалась мне, хотя я встал на «ноги» и с силой ее толкал. До ручки я не дотягивался даже в прыжке.

Обидно. Я, очевидно, не самый большой кот. Челокот-фамилиар.

Тут в первый раз я задумался о том, почему это моя крыша все еще сидит на своем привычном месте. Единственное, что приходило мне на ум, это гипотеза о том, что молодой человек нашего поколения имеет чрезвычайно гибкую психику вследствие того, что мы переполнены различной информацией, в том числе играми и фильмами. Я, конечно, больше люблю книжки читать.

С другой стороны, зачем мне сейчас беспокоиться о моей крыше? Строго говоря, она сейчас — наименьшая из моих проблем. Меня больше должно напрягать то, что я кот. Или то, что я попал в другой мир (будто бы герой дрянной фантастики). Или то, что я оказался связан с ведьмой. Или то, что я хочу в туалет. Но не крыша, моя кукушечка молодец и покидать насиженное место не собирается, за что я ей сильно благодарен. Еще и Кот шлет какие-то успокаивающие волны. Спасибо ему.

Но вот самая последняя из перечисленных проблем набирает обороты. Из этой проблемы, в свою очередь, вытекает еще куча проблем. Куда, каким образом и что мне за это будет? Просто в память врезались слова Гальзы о том, что Призраку я понравился. Но понравился ли? Призрака я видел, и доверия она мне не внушала — больно жутко выглядела. Кто-то скажет, мол, она же тебя погладила. Ну, да. А если к ним пойдет здоровяк с топором и в хоккейной маске и ласково их погладит, они что, не будут его опасаться? Вот то-то же.

Я спустился на первый этаж (последние пять ступенек кубарем, так как запутался в конечностях). Первым делом я подумал о том, что я все же кот, поэтому попытался выйти на улицу. Но мой рост и сила никак не изменились — дверь не поддавалась толчкам, а на ручке я мог разве что повиснуть.

К этому времени проблема становилась все более и более важной. Я принял решение найти в гостиной засохший цветок и попробовать проделать все там. Но...

Как только я отошел от двери, снова запахло медом, туманом и дымом. Призрак.

Я обернулся. Около двери снова стояла она — высокая, тощая фигура, покрытая сотами и ползающими призрачными пчелами. Пусть у ее глаз не было зрачков, но я был готов поклясться, что она смотрит прямо на меня. После пяти секунд напряженного обмена взглядами она махнула рукой, и неожиданно массивная дверь с легкостью, без скрипа, отворилась.

Я кивнул ей и, пробормотав «спасибо», шмыгнул мимо, на устланную камнями дорожку. Улица встретила меня тишиной, высокой травой, хороводом запахов и звездным небом. Удалившись в траву буквально на собственный корпус, я торопливо сделал свои черные делишки. Потом, в состоянии исступленного ужаса, спорил с Котом о том, что не надо все нюхать. Победил.

Выйдя из травы, я долго нюхал воздух. Пахло туманом, росой, травой, мокрой землей, откуда-то тянуло булочками, была пара запахов других котов...

Очень странные ощущения, с этим новым обонянием. Слово бы я вспомнил, что у меня есть конечность, которой я почти не пользовался, и теперь я вспоминаю, как ей работать. Плюс идет то, что это все же моя конечность, поэтому работать с ней было легко и

просто.

Пытаясь уловить больше запахов, я поднял голову (лицо или мордочку?) к небу. И вот тут кукушечка сделала небольшой рывок прочь, но все равно осталась.

На небе сияло сразу несколько лун. Подсчитал — восемь штук. Расположены ломаной линией. Все светятся и мерцают, но каждая своим оттенком желтого, от желто-белого до зеленоватого, крайнюю правую словно бы покрывали потеки расплавленного металла. Одна луна, третья справа, резко выделялась на фоне товарок — она была ярко-голубой. Присмотревшись, на голубом фоне луны я заметил серые очертания континента, половину которого закрывал белый облачный вихрь.

Удар по сформированному образу реальности был колоссальный. Закружилась голова, рот наполнился тягучей слюной, в ушах стоял шум. Все во мне кричало «я не дома», «я в чужой земле». Дома, в сети, я конечно же видел красивые картинки из фотошопа. Но тут я видел целых восемь лун своими собственными глазами.

Не знаю, сколько я сидел там, на холодных камнях, сверля взглядом восемь разноцветных кружляшков. Помню, что именно там принял решение вернуться домой, на Землю. Очнулся я от того, что край неба начал розоветь. Замерзший и снова голодный, я вернулся в дом. Но не домой.

Призрак, все это время молча наблюдавшая, закрыла за мной дверь и растворилась в воздухе.

Дома было очень тепло, но после свежести улицы оказалось, что запахи табака и, по видимому, Гальзы (инстинкты вопят: *чужой*) пронизывали весь дом. Я проголодался, но не очень сильно. Если бы я встретил Лиру через пару часов, было бы великолепно.

Я исследовал примерно половину дома. Путь в комнаты был мне закрыт, и что-то мне подсказывало, что Призрак не будет любезно появляться по первому моему «мяу» и отворять мне двери. Оставалось ждать Лиры или ее бабушки. Дождаться их я решил в гостинной.

Как и любому коту, стоило мне свернуться в кресле, как я почти моментально заснул. Если мне и снились сны, я их не помнил.

Прежде чем проснуться, я почуял сильный аромат свежесваренных трав. Окончательно меня разбудил насмешливый голос Лиры:

— Решил оккупировать мое кресло?

— Доброе утро, — протянул я, спрыгивая с теплого местечка и потягиваясь.

Лира, одетая в легкое ярко-голубое платье до пола, с чайником в руках прошествовала до чайного столика (какая же она все же большая). Там она налила себе в чашку какого-то ярко-зеленого напитка и, прихватив книжку, уселась в кресло, поджав ноги. Я же, подумав, забрался в соседнее кресло и снова там свернулся.

— Джаспер.

— М?

— Тебе в туалет не надо?

Если бы я мог покраснеть...

— Было надо, но Призрак мне дверь открыла.

— Ого. Ты и Призрака видел, и на улице был?

— Медоносная погладила меня.

— Впечатляет, — восхитилась Лира. — Но, вообще, надо тебе что-нибудь придумать для выхода на улицу.

— Буду благодарен. Кстати, а все призраки так выглядят?

Улыбка Лиры чуть уменьшилась.

— Нет. Все призраки выглядят как самые обычные люди. Лишь Медоносная и ее братья и сестры, ну, другие бродячие поместья, так выглядят. Они жертвы эксперимента одного червивого.

— Последнее не совсем понял.

Лира встала, отложила книгу и подошла к вчерашней диаграмме.

— Учítывая, что ты мой фамилиар, тебе это будет полезно знать. Любой волшебник или ведьма имеет свой домен. Слой нашего мира, откуда они черпают Мощь. В каждом домене Мощь и правила мира немного отличаются, и из-за этого волшебники и ведьмы владеют магией по-разному. Инферналисту, — ее пальчик ткнулся в черно-красный пылающий слой, — гораздо легче развести костер, нежели никсиалисту, — ноготок взлетел до бело-голубого слоя. — Просто хотя бы потому, что Мощь Инферно более склонна к высоким температурам. Сама я — вертексалист, черпаю силу из Завихрений.

Она вытянула в мою сторону руку, и неожиданно она словно засветилась. Вокруг ее ладони на мир словно бы наложили двумерное изображение сине-малиново-фиолетово-голубой переливчатой спирали. От цвета начала кружиться голова.

— Я могу пропускать через себя только Мощь из Завихрений. Это позволяет мне контролировать энергию и структуру предметов. Довольно сильный домен, и неплохо подходит ведьме. В Завихрениях живет большинство духов, поэтому с ними и договариваться проще.

— Это интересно, но при чем тут червивые?

— Червивые, ну или вермиалисты — это те, чьим доменом оказалось Червивое дно. Практически поголовно они — мерзавцы. Понимаешь, Джаспер, — Лира снова заняла свое место в кресле, — Силы можно добиться разными путями. Можно тренироваться, пропуская через себя такие объемы Мощи, что воплощенная энергия струйками по пальцам сбегает. Таким образом, ты тренируешь пропускную способность. Можно разрабатывать маемагические формулы длиной несколько листов, или часами оттачивать формулировки проклятий. А можно просто заключить союз с обитателями своего домена и получить сразу все и в большом количестве. И если кто-то другой может запросить небольшую цену, то хозяева Червивого дна требуют душу.

— Как душу?

— Существуют запретные искусства, — Лира стала очень серьезной. — Они названы так потому, что манипулируют душами живых существ. Наш мир, Джаспер, это большой котел, в котором в вечном круговороте пляшут души. В Солнце и Лунах людям дано две жизни, после чего душа уходит куда-то еще. Куда — кто знает? Может, этот крестьянин переродится галгарой, а тот воин — моннгу, аристократ переродится духом камня или же растением. А запретные искусства требуют в качестве топлива эту душу. Не знаю, насколько это правда, но есть слухи, что многие червивые за долголетие и высокую Мощь отдают свои души хозяевам Дна. И у этого домена каждое третье искусство — запретное, это совершенно точно тебе говорю. Поэтому червивые запрещены.

— Подожди. Как можно запретить человека? Или есть обряд?

— Есть. Лишают силы напрочь.

Жутко.

— Смены домена не предусмотрено?

— Нет.

— Но червивые все равно есть?

— Конечно, — пожала плечами Лира. В принципе, логичный ответ на крайне глупый вопрос. — Правда, во всех Драконьих державах они запрещены. Насколько я знаю, у червивых есть свое представительство в Нараллии, но там на каждого червивого приходится два надсмотрщика.

А касательно Призрака... Один червивый лет эдак пятьдесят назад похитил несколько десятков людей и проводил над ними эксперименты. Результатом стало девятнадцать поместий, которыми полностью заведовали видоизмененные, изуродованные призраки. Червивого ликвидировали, а поместья остались. Король отдал их отличившимся волшебникам и ведьмам. Правда, после инцидента с поместьем Призрак Игл каждое поместье было обработано Братством, и все управляющие этих поместий лишились способности выходить за пределы своего дома.

— Очень печальная история. — мне стало жалко Призрака.

— Одна из многих, если речь идет о червивых. Согласна, Призрак выглядит несколько жутковато, но она очень добрая и отзывчивая. Главное, пчел ее не трогать. Готовит лучше, чем я. Хотя и редко. К слову, насчет готовки, есть не хочешь?

Еще как хочу, блин. Прежде, чем я успел ответить, живот разразился урчанием. Лира хихикнула, отложила чашку и книгу (которую, к слову, не открывала), и мы пошли на кухню. Там из холодильного шкафа она достала кусок промерзшей ветчины.

Положив кусок на фаянсовую тарелку, Лира снова достала из кармана листочек какой-то травы и растерла его в труху.

— Духи! Хочу, чтобы эта ветчина согрелась до температуры человеческого тела!

Никаких спецэффектов не было, и Мощь через меня не полилась. Но Лира улыбнулась мне и показала мне тарелку с мягкой, теплой ветчиной, которую так удобно резать.

Я сразу же получил солидный кусок — Лира передала мне его в зубы, за что я ей был очень благодарен. Ветчину я съел прямо там. Вкусная, хоть и подозрительно теплая. Девушка смастерила себе простенький сэндвич, и мы снова пошли обратно в гостиную.

Как только мы заняли свои места, Лира снова заговорила.

— Джаспер. Я получила какое-никакое воспитание, и должна спросить. Ты согласен помогать мне с моей работой? Просто... Решение завести фамилиара было не спонтанным. У меня не очень хорошо с пропускаемым объемом Мощи и плоховато со спонтанными формулировками, и если второе могу решить только я, то первое...

— Ты же говорила, что это тренируется.

Девушка отвела взгляд.

— Ну, да, но это тяжело и больно. Ты ведь заметил, что в пропускании Мощи ничего приятного нет. Чем больше объем, тем хуже ощущения. А я... ну... боюсь боли.

— Ну, плохого в этом ничего нет, — вполне логично, что девушки должны чего-то бояться. Но этот факт порождает один вопрос... — А как ты вообще работаешь?

— Я же ведьма. Мы, конечно, бываем разными, но обычно меня вызывают ради договоров с духами или бытовых проклятий. Ведьмы, как я сказала, могут менять правила, по которым живет этот мир, и это немного роднит нас с духами. Я сама-то травами увлекаюсь, но сад в поместье надо самой поднимать. Пока только мята и растет, все остальное из запасов академии выписываю.

— У тебя практика? Или как это проходит?

— Я закончила академию со шляпой, — с гордостью произнесла Лира, — Это не каждому удастся. Но, тем не менее, меня приписали в Асмин, к бабушке. Тут я буду работать пять лет, как и все. Дальше я свободная ведьма. В принципе, я могу и так открепиться от места, если получу Черный сертификат, но я не боевая ведьма.

— Половину не понял, — пожал я плечами. Лира тихо прыснула с моего жеста. — Ну, ладно, помогу, если ты мне поможешь.

— А что ты хочешь?

— Домой вернуться, — тряхнул я головой, — Здесь все слишком странное для меня. Мой мир простой и обыденный.

— А ты знаешь, как это сделать?

— Хотел у тебя поинтересоваться, — признался я.

— Ну, я-то точно не знаю. Может, знает бабушка или кто-то из ее знакомых. Она знаменитость, одна из самых известных боевых ведьм. Класс «Смертное поле», представь! Вот только... — на ее лицо набежала туча.

— Что «только»?

— С моей бабушкой что-то не так...

Последовало долгое разъяснение. Диалог (по большей части монолог, конечно...) занял больше получаса, в результате которого я выяснил вот что.

Все ведьмы вместе с волшебниками обучаются в особых академиях. И если для волшебников есть много факультетов, включая страшно звучащий, цитата, «матемагический» факультет, то для ведьм он был только один — факультет ведьмовства. Молодые ведьмочки (только девушки, естественно) после выпуска, подчиняясь приказам канцелярии, в различные места, где требуются штатные ведьмы.

Оказывается, та особенность, что ведьмы могут заклинать предметы, лишь верхушка айсберга. Они в основном занимаются контрактами с дикими природными духами.

Тут выяснилась поистине чудовищная разница по сравнению с моим миром. Тут не было концепции божества. Тут были природные духи, обитавшие в каждом предмете, а так же в свободном состоянии, и старшие духи, которые олицетворяли некие незыблемые правила, одинаковые для всех миров. И если у последних ведьмы могли выпросить какие-то подачки, то с первыми они могли общаться на равных, заключать контракты и даже приказывать некоторым. Как именно это проходит и к чему приводит, я не спросил, так как, скорее всего, увижу это своими глазами.

Итак, обычная ведьма приезжает в село или отдаленный городок, где ее препоручают какой-либо более опытной ведьме, то есть, наставнице. Подобная практика длится пять лет, после чего ведьма получает свободу передвижения. В течение этих пяти лет ученица обязана самостоятельно выполнить целый перечень поручений, после чего она получает шляпу — знак окончания академии. Однако, некоторым ведьмам, отличившимся еще в академии, шляпа вручается уже на выходе. Именно такой ведьмой и оказалась Лира. У нее был талант к приготовлению различных зелий и снадобий.

Между делом, я узнал, что же такое этот Черный сертификат. Оказалось, что это документ, выдающийся после экзамена, который позволяет вести, цитата, «боевую практику». Как коротко пояснила Лира, это неплохо оплачивается и дает доступ к более редким ингредиентам для зелий, однако сопряжено с риском для жизни. Остался один вопрос: а с кем воюем-то?

Основные же проблемы Лиры начались всего три десятка дней назад.

Именно такой срок она провела тут, в Асмине. Закончив академию и получив шляпу, она получила командировку в Асмин. Как оказалось, ее бабушка, Фелиция, была ни много ни мало героиней предыдущей войны. Черные сертификаты делились на два-три десятка классов, которые назначали после экзамена, и класс ее бабушки, «Смертное поле», был один из самых впечатляющих. Но на меня наибольшее впечатление произвели два факта. Первый — бабушку больше знали, как Фелицию Белый мор. Второе — Лира ни капельки не смущалась от подобно славы, более того, она рассказывала о бабушке с нескрываемой гордостью.

Однако, прибыв в поместье (которое как раз было даровано за назначение класса «Смертное поле»), Лира обнаружила тут запустение. Слуг не было, сад запущен, оранжерея погибла в полном составе. Единственной населяющей поместье оказалась Фелиция. Но, как быстро убедилась Лира, бабушка не реагировала ни на какие внешние раздражители. Она всего лишь сидела в кресле в своей комнате и непрерывно курила, в чем ей весьма способствовала проклятая трубка, в которой не заканчивался табак.

Уже четвертый десяток дней Лира сходит с ума, пытаюсь пробудить бабушку от ее странного сна, одновременно пытаюсь вести практику — хотя бы затем, чтобы покупать на нее еду. И еще надо учесть, что у Лиры невысокая магическая проводимость.

Таким образом, отказать девушке в том, чтобы помогать ей, я никак не мог.

Со своей стороны, я попросил кормить меня, придумать что-то с свободным выходом на улицу и, самое главное, найти мне хоть какую-то тряпочку, чтобы прикрыть срам. А то у голых котов с этим совсем беда. Пока мне этого будет достаточно, а там посмотрим.

В ответ на обсуждение одежды для меня Лира предложила пойти к ней в комнату, чтобы подобрать что-то подходящее.

Как оказалось, для того чтобы изменить свойства предмета, или, попросту говоря, проклясть его, нужен дух. С духом можно договориться, а можно принести ему жертву. Чем проще просьба, тем мельче дух, и тем проще и мельче жертва. У Лиры оказалось колечко с привязанным к нему мелким духом, которому она в обмен на незначительные просьбы «скармливала» сушеные листики мяты. Однако, по долгу службы ведьмам требовалось общаться и с более сильными духами, поэтому каждая практикантка имела при себе небольшую сумочку, забитую всякой чепухой по типу сушеных листов и цветов, клочков пергамента или ткани, монеток, костей и пуговиц. Лира недавно купила отрез зеленой ткани, чтобы разрезать его на лоскутки для жертв, но руки так и не дошли. И теперь она хотела определить часть этой ткани на одежду для меня.

Я легко проследовал по лестнице за Лирой. Она отворила передо мной дверь, и я зашел первый.

Комната была небольшой, уютной, но немного необжитой. Запах Лиры был повсюду, но он был не очень сильный. Кот подсказал, что это означает, что Лира бывает тут не слишком часто. Еще немного пахло чаем и — сильно — мятой.

Синие обои, высокое окно с широченным подоконником, на котором боролись за место подушка и здоровенный горшок с цветком. Устланный серо-белым, старым, протертым ковром пол. Широкая кровать с небрежно накинутым зеленым покрывалом. Стены увешаны картинами (какие-то совершенно детские, есть пара неплохих пейзажей, вид на серебряную реку в черном ущелье и огромное изображение какой-то разноцветной спирали, видимо, Завихрений), безделушками, амулетами и пучками сушеной травы. Комод с зеркалом. Поверхность комода, кажется, чем-то уставлена — отсюда не видно.

Пока Лира рылась в ящиках комода, перебирая платья, тряпочки, украшения и безделушки, я сидел и скучал.

Лира вытащила носовой платок, свернутый кулечком. Внезапно из кулечка выпал небольшой гладкий камушек, серый с белыми прожилками. Чтобы Лире было меньше ходить, я, мгновенно взвесья за и против, взял камушек в зубы.

Перехватив его поудобнее, я поднял голову вверх и наткнулся на ошеломленное личико девушки. Клянусь, ее глаза были идеально круглыми.

— Джаспер, ты удивительное существо.

Мне пришлось выплюнуть камень.

— Что, что-то случилось?

— Ну да, — Лира взяла в руки камушек, неожиданно ставший ярко-красным. — Это опознавательный амулет. Ты волшебник.

Я охренел.

— То есть как, волшебник?

— Инферналист. Насколько я понимаю, с большим потенциалом.

— Так дым в твоём запахе мне не почудился, — прогрехотал Гальза откуда-то из-под кровати.

— Я не понимаю, Лира, — взмолился я. — Я кот, как я могу быть волшебником?

— Я потому и сказала, что ты удивительное существо, дорогой мой Джаспер.

Дорогой?..

Глава 3. Будни ведьмы и ее кота

Тест на волшебника был простой до безобразия. Лира просто дважды пропустила через меня Мошь на какую-то чепуху и потребовала (да, именно потребовала!) повторить, но самому.

Что удивительно, после получаса попыток я, сморщив спину гармошкой и напружинив хвост, смог выдать импульс. И тут выяснилась огромная разница между нами двумя.

Мошь Лиры была похожа на крошечные стеклянные осколки, перекатывающиеся под кожей и царапающие нервы. Моя же Мошь была другой — огонь в венах. Извержение этого вулкана прокатилось от кончика хвоста до моих пальцев, где вспыхнул крошечный огонек.

Я реально волшебник. Челокот-волшебник.

Весь остаток дня Лира копалась в библиотеке своей бабушки в поисках хоть каких-то материалов по волшебству Инферно. Ожидая ее в гостиной, я изредка напружинивал хвост, выдавал слабый импульс и любовался слабым огоньком, послушно вспыхивающим на любом пальце, котором мне хотелось. Его пока было недостаточно даже для того, чтобы зажечь, скажем, сигарету, но я грезил видениями грандиозных пожаров и потоков ревущего пламени (не было понятно, *зачем именно* мне нужны пожары, но это подождет). Правда, когда я проводил Мошь, видения несколько притуплялись — все же колдовать было не сказать, что приятно. Однако, свою Мошь я переносил куда легче, чем Мошь Лиры.

В ожидании новостей от Лир я и уснул.

Новый день начался спокойно — Лира пришла из кухни и принесла мне молока в блюдце и кусочек мяса. Проснувшись, я с благодарностью все съел.

— Тебе нужны какие-либо пояснения насчет моей работы? — спросила девушка, присаживаясь на облюбованное кресло.

— Я не знаю даже того, что знает абсолютно любой ребенок на этом свете, Лира. Я кот, появившийся на свет хорошо если четыре месяца назад. Лучше я увижу все в действии.

— У меня сегодня несколько простеньких заказов и один сложный, на большую часть дня, поэтому нам с тобой важно расправиться с мелкими заказами побыстрее, — Лира оставила что-то зеленое на своем кресле и встала. — Вот тут тебе сшила вчера. Можешь одеться.

— Спасибо, Лира.

— Да не за что, — улыбнулась девушка и ушла к себе.

Я же перескочил на ее кресло. Там лежал зеленый сверток. Я раскрутил его — в что-то вроде пончо травянисто-зеленого цвета был завернут небольшой ремешок.

Быстро одевшись (с ремнем были определенные трудности), я кинулся к зеркалу, оценить усилия Лир. Собственно, любоваться было чем.

Зеленое узкое пончо прикрывало все, что у приличных людей (хотя я кот) обычно закрыто. Задняя пола пончо была расщеплена, специально для хвоста. Ремешок, на мне смотревшийся соразмерно, придерживал все это. Смотрелся я пусть и экстравагантно, но хоть не щеголял голышом.

Лира вышла спустя еще минут двадцать, разодетая в черное — длинное платье, перчатки, сумка через плечо; подведенные черным глаза и незамысловатый (удивительно, но красной краской) узор на лбу — очевидно, дань местной моде. Завидев ее, я метнулся к

двери. Я чувствовал волны возбуждения от Кота — ну как же, мы идем исследовать большой внешний мир! Лира надела плащ и шляпу, какое-то время у зеркала поправляла последнюю, и мы, наконец, вышли.

На улице было свежо. Раннее утро, далеко поет какая-то птица с неуловимо чуждым звучанием. Сильно пахнет росой, еще немного — выпечкой. Поместье оказалось большим трехэтажным Т-образным домом с двумя видимыми входами. Поместье было окружено последовательно запущенным садом и кованой оградой. Из-за угла дома сверкала часть округлого купола оранжереи.

Мы даже не дошли до ворот, а у меня уже кружилась голова — от свежего воздуха, от опьяняющего восторга, от того, что я как бешеный крутил головой во все стороны. Я наслаждался каждым мгновением в этом новом мире, и Кот внутри меня радовался вместе со мной. Хотелось бросить все дела и подробно осмотреть участок, хотелось поохотиться на мышей, которые точно были в этой траве — Кот гарантировал.

Однако, если я хотел хоть как-то сдвинуться с места в плане исследования вопроса о путешествиях между мирами, стоило помочь Лире.

— Знаешь, Джаспер... — задумчиво обратилась ко мне Лира.

— Да?

— Я просто думаю, как тебя представить общественности. Ты мой фамилиар, а обычно фамилиары не разговаривают. Вне сомнений, любой фамилиар наголову опережает в уме своего дикого родича, но до разговора никогда не доходит. Ты же преспокойно говоришь со мной на моем языке. Так не пойдет.

— Я должен молчать?

— Это один из выходов, — Лира качнула головой, доставая из кармана плаща ключи, чтобы отпереть дверь сбоку от ворот. — Можно представить тебя как обычного фамилиара. Это должно быть просто — тебе действительно нужно лишь молчать в присутствии посторонних. Однако, учитывая, что моя работа в подавляющем своем аспекте связана с общением с посторонними людьми, то выходит, что тебе молчать нужно почти постоянно.

— Не скажу, что мне это сильно нравится, — я шел, глядя себе под ноги — привыкал к ощущениям песка и мелких камушков под подушечками моих лап. — Мне интересно узнать про этот мир побольше.

— И вот тут и кроется второй вариант, Джас, — о, уже до сокращенных имен добрались... — Вчера, пока я перебирала книги в комнате бабушки, нашла сбивчивое описание одного ритуала. Если волшебник сильно болен или по какой-то причине не может покидать комнаты, то он как раз и помогает. Ритуал очень старый, еще Эпохи Приказов, и до умопомрачения сложный, — Лира поморщилась. — Там требуется сам волшебник, как минимум один трансграмматор, желательное присутствие ведьмы, сосуд для духа, а это недешевое удовольствие, фамилиар и еще парочка редких, на вес меди, ингредиентов. Принципы ритуала я тебе рассказывать не буду, там сложно даже для меня. Хотя, вообще, ритуал любопытный...

— А в чем подвох?

— На выходе получаем почти что тебя. Говорящий фамилиар. Но тут вскрываются интереснейшие вещи — где-то обязательно должно находиться твое спящее человеческое тело. Да и на фамилиара накладывается сложнейшая духовная сетка с более чем тремя дюжинами узлов — что-то вроде сложного многосоставного проклятья. А у тебя этих узлов нет и в помине. Так что любой волшебник, практикующий Путь Приказа, или просто

сведущий в ритуалах Эпохи Приказов, быстро поймет подвох.

Мы уже покинули поместье, и шагали среди рощицы по неширокой утоптанной тропинке в сторону видневшихся вдалеке домов. Усиливался запах выпечки, появился слабый-слабый запах молока и навоза. Да, сочетание то еще. Гораздо сильнее пахло перьями и мышами — пахло как раз из рощицы.

— Лира, ты же понимаешь, что вопросов у меня стало только больше?

— Понимаю.

— А ответ на твой вопрос — давай все же вариант с ритуалом. Возьмем за основу его, но пока что я все равно помолчу. Надо хоть узнать, как ты работаешь.

— С удовольствием приму к сведению. Тебе стоит знать, как называется ритуал — Обмен руки, глаза и тела Кальнфаро.

— Полагаю, Кальнфаро — имя автора?

— Ну да.

— Еще вопрос, Лира, — с этими словами я встал на задние лапы и демонстративно прошел шагов десять, после чего с удовольствием наблюдал совершенно круглые глаза растерявшейся девушки. — Итоги ритуала Кальнфаро так могут?

— Не имею ни малейшего представления, — Лира замотала головой так, что я сам удивился, как у нее шляпа-то не улетела. — Ритуал действительно очень старый, а я Пути Приказа не следую. Не волшебник я.

— Вот насчет этих твоих Путей...

Остаток пути до селения Лира поясняла некоторые моменты существующей теории волшебства.

Как оказалось, чем-то это было похоже на естествознание моего мира — несколько эпох, кардинально меняющих свои подходы к познанию искусства волшебства. Если ведьмы столетиями оттачивали формулировки проклятий и учились работе с древними, цитата, «еще примитивными спироскопами», волшебники уподоблялись философам, биологам и медикам моего мира. В жарких спорах искали истину.

В Эпоху Приказов сформировался одноименный Путь. Учение простое — призови сильного духа, желательно из Завихрений, победи его силой, умом и коварством, и он запросто сделает все, что тебе нужно. «В каком-то смысле все ведьмы практикуют Путь Приказов» — изрекла Лира на этом месте. Потом шла Эпоха Формул — здешний Ренессанс когда ученые мужи научились говорить на сложнейшем языке духов. Сначала это был лишь инструмент, более удобный способ общения с духами, но позже оказалось, что сами слова этого языка обладают сопоставимой силой, лишь скажи необходимое и будь любезен напитать намерение силой. Самая последняя эпоха — Эпоха Матемагии. Коллектив одного университета заметил, что язык духов очень похож на счет роккулу (разумных жителей Последнего океана). Посоветавшись с самими роккулу и проведя еще лет десять в исследованиях, ученые сказали, что Путь Формул можно считать умершим — теперь есть Путь Матемагии. Принцип тот же, но теперь не нужно говорить — только считать. Овеществление формул выглядит труднее, но обнаружилась удивительная вещь — если волшебник как следует постарался над каким-либо законом мироздания, то потом ему и заклинания, и формулы со счетной машинкой не нужны — прикидывай логарифмы и корни в уме, а затем выдавай значительный импульс. Даже учить язык духов не надо.

За познавательной беседой мы дошли до пригорода Асмина.

Село селом, точнее и не скажешь. Бревенчатые чистенькие домики, разнокалиберные

заборы и ограды, никакой планировки, большая грязевая лужа вместо проезжей части и вытоптанная обочина. Пахнет молоком, хлебом, грязью, мокрой травой и немного навозом. Около одного домика с старой покосившейся оградкой прямо на обочине копошились в пыли куры, птичек десять. Кот начал проситься поохотиться, но я с легкостью подавил непрощенные порывы. Еще чего удумал, эти куры больше меня размером.

— Джаспер, два заказа у меня тут, в пригороде, потом три в городе и один в ремесленном квартале. Учти, что я буду стараться проводить Мощь и через тебя — я так буду быстрее справляться со своими обязанностями. Глядишь, еще до заката будем дома.

Мне оставалось лишь согласиться. И рабочий день начался!

Пройдя еще минуты три-четыре, Лира уверенно свернула в сторону зажиточного каменного дома с выбеленной дощатой оградой. На территории дома запах молока и навоза усилился. Но, что приятно, больше пахло молоком.

Лиру встречала женщина лет тридцати пяти — серо-зеленое платье, толстая коса, умные голубые глаза и витиеватая алая вязь на лбу. Ну да, мода...

Сразу же выяснилась интересная, хоть и очевидная, особенность — я остался почти незамеченным. Хозяйка дома (если это она) лишь мазнула по мне взглядом, а потом обратилась к Лире. Все это время я имел честь наблюдать ноздри хозяйки. Проклятый рост... Лира хотя бы голову ко мне поворачивала.

Диалог был быстрый — хозяйка ценила свое время. Женщины обменялись любезностями, Лира уточнила количество неких крынок (пять) и наличие домашнего духа (нет), а хозяйка уточнила оплату — по четыре горсти. Интересно, горсти чего?

Разговор, впрочем, коснулся и меня. Женщина спросила, почему это красивая юная ведьма водит за собой разодетую крысу. Я сдержал Кота, просившего громко зашипеть. Лира пояснила, что я кот-фамилиар.

Лира вошла в дом, я шмыгнул за ней. В полупустой, прохладной, оглушительно пахнувшей молоком комнате на столе стояло пять глиняных кувшинов — похожие я видел где-то в прошлой жизни, когда попадались картинки из жизни крестьян. Крынка, да?

Хозяйка пожаловалась, что дети разбили две предыдущие крынки, и она, мол, решила сразу взять побольше. Лира выспросила пару подробностей — насколько долго и хорошо должно охлаждаться молоко. Так вот зачем эти крынки. Женщина выгоды упускать не стала — уточнила, что три крынки «пусть на пятнадцать делений будут», а две — на десять. Переспросила, можно ли еще что-то кроме молока наливать — получила утвердительный ответ. Лира добавила, что для крынок на десять делений нужно призывать духа посильнее, поэтому за эти крынки оплата будет пять горстей. Женщина, явно для вида поворчав, согласилась. Правда, у нее сзади как-то странно дернулось платье...

И вот тут началась работа. Лира придирчиво осмотрела крынки и забраковала одну — с трещиной. Попросила принести другую, что хозяйка и сделала. Взяв одну крынку, Лира достала из сумки коробочку и поставила ее на стол. И мне, и Коту стало любопытно, поэтому я запрыгнул на лавку, стоявшую около стола, а оттуда и на сам стол.

Хозяйка громко закричала на меня — даже Лира вздрогнула — и попыталась согнать меня со стола. В ответ ей быстро, удивительно безапелляционным тоном, несколько нехарактерным для юной ведьмы, заявили, что это ее первый, единственный, очень смысленный и горячо любимый фамилиар. Лирочка, защитница моя, я же сейчас заплачу...

Коробочка оказалась с красками — четыре отделения для основных цветов и маленькое для трех кисточек. От красок вкусно пахло медом, травами и пылью.

Краткий перегляд с Лирой — мой незаметный кивок, ее смешливое прищуривание.

Она взяла кисточку, вывела какой-то знак на доньшке крынки. После этого она достала из сумочки нечто — это нечто на вид смахивало на длинную подзорную трубу, скрученную в спираль, с тремя маленькими клавишами и здоровой рукоятью, будто от шарманки. Лири щелкнула одним переключателем, прижала глаз к зрительному отверстию и начала вращать рукоятку. Неожиданно через меня пошел тонкий ток Мощи — будто бы немного колючие мурашки, но под кожей. Терпимо.

Ничего не происходило минуты две — Лири просто крутила рукоять, только поворачиваясь из стороны в сторону. Наконец она шумно выдохнула, отложила прибор на середину стола, взяла крынку, вытащила из своей бездонной сумки здоровенный лист какого-то растения, скрученный в трубочку (воняло от него несусветно), и произнесла длинное заклинание на певучем языке, от которого у меня начал чесаться мозг. В конце ведьма, с хрустом смяв лист, выкрикнула: «Дух, ответь на мой призыв!». Дальше меня скрутило в мощном спазме из-за пронзившей меня Мощи. Мучение длилось сущее мгновение, но мне хватило сполна.

Лири тоже тяжело дышала. Утерев пот со лба (узор удивительным образом остался цел), она перевела дух, окинула взглядом оставшиеся четыре крынки и подмигнула мне.

Мама.

Мы вышли из дома ориентировочно через час. В завершении увлекательной экспедиции в молочную пыточную к Лире перекочевали двадцать две монеты. К этому моменту все мои нервы болели так, что слов нет. Вдобавок страшно хотелось есть.

— Если есть вопросы, задавай, — обратилась ко мне Лири. Сама же она выглядела вполне пристойно и даже не казалась усталой.

— Да, есть. Вы договаривались на горсти, почему тебе дали серебро? Что это за спиральная трубочка? В чем вообще был смысл работы? Мы сможем поесть?

— Вот, — Лири опустила на корточки и протянула мне монету. Серебро, красивая ровная чеканка. На одной стороне непонятный символ, на другой — ладонь, собранная чашечкой. Слово бы человек что-то держал в горсти. — Это горсть. Крупная серебряная монета. Не надо объяснять, что такое монета?

— Нет, у нас были такие же. Вроде. По-моему, у наших была дырочка посередине...

— Горсти можно разменять на более мелкие серебряные монеты — молоты. Как раз на горсть — двадцать. Есть еще медные монеты, корона — равна десяти горстям, и мелкая луна — пяти молотам.

— Подожди, медная корона равна десяти серебряным горстям?

— Ну да.

— Почему это медь дороже серебра?

— А бывает по-другому? — захлопала глазками Лири.

— У нас золото дороже серебра. Медь дешевая.

— Вся медь обладает особым взаимодействием с призраками, Джас, — Лири погладила меня, поднялась с корточек и, мимолетно размяв ноги, двинулась дальше. Я за ней. — Призраки могут взаимодействовать с медью. Призрака можно запереть в медной клетке, ранить медным ножом и оплатить его услуги медной монетой. Большая часть меди в нашем королевстве принадлежит Братству.

— О как.

— Итак, дальше по списку. Ты голоден?

— Еще как.

— Ладно, куплю тебе обрезков мяса, — Лира махнула рукой.

— Благодарю.

— Так, спиральный предмет с длинной ручкой — это дешевенький спироскоп. С его помощью я определяю духов разной силы из разных планов. Моим заказом было сделать крынки, которые охлаждают налитое в них молоко. Пятнадцать делений — это несильно, а вот десять — молоко уже будет ледяным. Для последнего нужен дух помощнее, и жертва побогаче. Первым трем я скормила лист серой пахучки, ну а последним — кусочки зимней заячьей шкурки. Духи Вьюги любят белый мех. Так, есть еще вопросы?

— Еще как, — шокированно протянул я.

Пока Лира говорила, я успел оглядеться и охренеть.

По улице шагал хвостатый мужик. Я серьезно. Обычный мужчина средних лет, в куртке и холщовых штанах куда-то брел по своим крестьянским делам, а сзади покачивался недлинный, покрытый обычной кожей хвост с пушистой кисточкой на конце.

Когда он прошел мимо, к слову, кратко поклонившись Лире, я подергал Лиру за полы мантии:

— Это что такое? Почему он хвостатый?

— Ну как... Даже не знаю, как и объяснить... — Лира явно растерялась.

— Как есть давай.

— У любого человека есть две руки, две ноги и хвост. Я не знаю, как объяснить понятнее.

Я повторно охренел.

— Да ты гонишь, — но что-то подсказывало мне, что нет.

Вместо ответа Лира, украсившись едва заметным румянцем, подошла к небольшой лужице, приподняла полы мантии, обнажив стройные щиколотки, и перешагнула через лужу. Перешагнула, махнув мне кисточкой на своем хвосте!

Я на пару секунд потерял сознание.

Очнулся на руках у Лире. Она озабоченно оглядывала меня.

— Что с тобой?

— Почему у людей хвосты?

— Так всегда было...

Я сдавленно промычал что-то невнятное даже для меня самого. Как ей объяснить, что я, не помня собственного имени, твердо убежден, что отсутствие у людей хвостов — один из постулатов вселенной? И к этой красивой, сформированной картине мира сейчас подбирается толстенный полярный лис?

Ладно, ладно. Ладно. Ладно!

— Лира, спасибо, меня можно опустить. Просто в моем мире люди не имеют хвостов. Вообще.

У Лире округлились глаза.

— Не имеют хвостов?! Как такое возможно?!

— Теперь ты поняла мое состояние?!

— Хвост же нужен для волшебства!

— А-а-а-а-а...

Кажется, я знаю, как волшебников Червивого дна лишают сил... И как парой фраз

можно надломить психику бедного кота.

Следующий заказ был несколько проще. Опять же зажиточный крестьянин каким-то образом повздорил с домашним духом.

Лира тихо и быстро пояснила, что это дорогая услуга — дух из Завихрений привязывается к определенному зданию, храня в нем порядок и уют. Однако, дух имеет свои привычки и определенные стандарты, так что оскорбить духа может быть проще, чем кажется. И тогда тяжело приходится всем: и хозяину дома, и духу — у первого в доме непорядок, киснет молоко и бьется посуда, а второй накрепко привязан к обиталищу невежи, глупца и варвара.

И, конечно же, у этого лубочного (слово-то какое выплыло, аж голова заболела) крестьянина тоже был хвост.

Лира просто порядка десяти минут разговаривала с некрупным синим драгоценным камнем, который вынес ведьме хозяин. Лира использовала только текучий язык духов, иногда сверяясь с крошечной книжкой в сером переплете. По завершению разговора хозяина обязали каждый день протирать специально выданной тряпочкой камень, не пить какую-то там разновидность местного пива и уж ни в коем случае больше не приглашать домой господ Алкарна и Нимса. А то история повторится.

Лира получила десять горстей.

Потом мы переместились в город. Пришлось пройтись.

Город не произвел на меня особого впечатления. Да, каменные и кирпичные здания, по 4–5 этажей, хорошее озеленение, брусчатка. Но слабая головная боль, ворочаясь в черепе, шептала, что я видел города куда грандиознее и живее. Впечатляли, правда, размеры города относительно меня. Умом-то я понимал, что в четырехэтажке не было ничего необыкновенного, но мне все равно приходилось задирать голову к самым небесам.

Меня заинтересовали прохожие. Не было похоже, что вокруг средневековые — женщины в свободных платьях, мужчины в костюмах и легких плащах нараспашку, цилиндры и береты — мода подсказывала, что средневековые остались позади. И, конечно, не все, но многие люди не видели ничего зазорного в том, чтобы помахивать хвостом при ходьбе.

Моя кошачья мама, да я же начинаю привыкать...

Кот же пытался не свихнуться от круговорота запахов. Пыль, неизвестные цветы, коты, собаки и люди составляли общий фон города. Каждый дом, каждый магазин и каждая лавка пахли по-своему. Откуда-то умопомрачительно пахли парные птичьи тушки, ощипанные буквально только что. Из другой лавки пахло книжной пылью и бумагой. Из третьего магазинчика пахло тканью и целой феерией разнообразных ароматов — очевидно, магазин одежды.

Меня пьянило это совершенно новое чувство. Нос кота и нос человека стоят в совершенно разных весовых категориях.

Касательно мясницкой лавки — я выпросил у Лиры пару птичьих крылышек. Да, пришлось сделать паузу в перемещениях. Голод был настолько сильный, что я разгрыз кости и вылакал костный мозг, урча от неземного ощущения набивающегося желудка. Лира тоже не отставала, купила себе в соседней лавке пару сладких булочек и чашку травяного чая. Минус одна горсть, сдача в десять молотов.

Первый заказ из трех был несложный — шеф-повару одного ресторана требовался давно

желанный нож с музой внутри. Лира шепотом пояснила мне, что это существо, малоотличимое от духа, живущее в Шуме, является, по сути, ожившим звуком.

Заказ, в свою очередь, был неотличим от первого — поиск музыки через спироскоп, подчинение и заточение. Но в этот раз потребовалось пропускать Мошь куда дальше — около пяти секунд. Если вы думаете, что пять секунд — это всего лишь пять секунд, то знайте — это *целых* пять секунд.

Лира получила на руки еще десять горстей.

Второй заказ был уже существенно сложнее.

Мы долго ходили дворами, уже не такими презентабельными. Лира никак не могла найти подворье одного круга волшебников. По итогу, когда время перевалило уже за полдень, мы все же сумели отыскать нужное приземистое невзрачное строение.

Как пояснила Лира, волшебники часто объединяются в круги ради преследования самых разных целей. Чаще всего круг насчитывает от десяти до пятидесяти членов, но нередки и исключения — как в большую, так и меньшую стороны. Есть городские круги, есть частные круги. Волшебники объединялись для исследований, для производства эликсиров и зелий, амулетов и инструментов, для ведения наемнической деятельности. Наш новый заказ поступил как раз из одного круга.

Это был не городской круг волшебников, который занимается, так сказать, муниципальными проблемами, а нечто вроде частного НИИ. Конкретно этот круг состоял всего лишь из восьми магов, которые занимались высшей магией.

Внутри я ожидал увидеть изрисованные полы и стены, свечи, стопки фолиантов, столы, заваленные ретортами и перегонными кубами, между которыми ходят седобородые старцы в мантиях.

В реальности из перечисленного были лишь исписанные стены.

В полутемной приемной нас встретил молодой парень — рыжий ежик волос взлохмачен, под глазами мешки, на скулах короткие мазки красной кистью — тоже мода, из одежды мятые брюки, рубашка и жилетка. Ну и, конечно, хвост — с ярко-рыжей кисточкой. От волшебника пахло потом и усталостью.

После краткого представления он провел нас в кабинет к главе лаборатории — усатому мужчине средних лет с выбеленными висками. Одет он был аккуратнее своих коллег, но зачем-то носил светло-синюю треуголку. Может быть, в этом мире не принято снимать шляпу в здании? Тогда почему остальные без шляп?

В стенах кабинета было два окна — одно на улицу, а другое в лабораторию. Я запрыгнул на подоконник второго окна. Пришлось выдержать очередную тираду о странной крысе в одежде.

Это начинало раздражать.

Пока Лира договаривалась с волшебником, я осмотрел лабораторию. Стены были превращены в исполинскую черную доску для письма. Большая часть обозримой поверхности была покрыта мелкими значками — формула титанических размеров. Самое забавное, что я узнавал часть символов. Только голова из-за этого побаливала.

Но поразили меня не стены. В центре чистой, полупустой лаборатории стоял огромный стальной механизм, состоящий из проводов, переключателей, мерцающих лампочками шкафов и двух клавиатур размером с пианино. Мое удивление же достигло пика, когда после нескольких команд на клавиатуре один из волшебников подошел к небольшой тумбочке и скормил ей кусок картона. Картон-то тумбочка выплюнула, но уже с испещренной ровными

прямоугольными отверстиями поверхностью.

После этой сцены мне пришлось пережить настоящий взрыв головной боли. После того, как боль схлынула, я вспомнил, что стояло в лаборатории. Компьютер! На перфокартах! В моем мире такие были давным-давно. Использовались как очень мощный калькулятор.

Я еще раз обвел глазами стены с формулой. Или формулами. Нда, без калькулятора им никак.

Тем временем Лира договорилась с усатым волшебником. На стол перед ней легли пять крошечных медных цилиндриков и один самый обычный гладкий камушек, будто подобранный с пляжа.

Лире пришлось проклясть все пять цилиндриков — чтобы они лучше сопротивлялись проходящему сквозь них электричеству — это было нужно для модификации, как сказал усатый волшебник, Счетной Машины Альмори. В камушек ведьмочка уже привычно заточила слабенького духа из Завихрений.

Распровавшись, Лира получила целых пятьдесят горстей.

Третий же заказ был самым простым. Лира просто прошла половину района — а городок был, в общем, немаленький, и подошла к старинной, немного запущенной усадьбе.

Вокруг уже был частный сектор — вместо многоэтажных строений были усадьбы и особняки за высокими железными оградами. Но мы держали путь к самой маленькой усадьбе, больше напоминавшей чуток разросшийся вширь дом, покрытый плющом. В калитку в кованой ограде Лира вошла без стука. Ведьмочка уверенно направилась за дом, где посреди головокружительно пахнущих кустов сирени находилась беседка.

По пути Лира предупредила меня, чтобы я молчал и ни в коем случае не выдал себя.

Что-то будет серьезное?

В беседке сидела сухонькая старушка и пила чай. Ничего необычного в ней не было, исключая ее ведьмовские одеяния — уже знакомая черная мантия и шляпа. В отличие от Лир, в ее шляпе торчало высокое черное перо. От нее странно пахло ледяной свежестью.

— О, Лира. Я тебя уже заждалась, — поприветствовала девушку старая ведьма.

— Здравствуйте, мадам Анви. Рада вас видеть.

— Как обычно?

— Конечно, мадам Анви.

Лира вынула из сумки свиток, перевязанный тесемкой, и вручила его ведьме. Та развернула его, взгляделась в содержимое и довольно хмыкнула.

— Да, все как договаривались. Будет тебе десятипроцентная скидка. Ты сейчас возьмешь?

— Пожалуй, да. Будет излишне пользоваться вашим гостеприимством часто.

— Ну да, ну да... Все вы, юные, торопитесь...

Ведьма достала из лежащей рядом бесформенной сумки здоровенный пузырек, куда вмещалась целая кружка вязко-тягучей бурой жижи. Лира в ответ достала точно такой же пузырек, но уже пустой. Ведьмы обменялись.

— Фелиции помогает мое зелье?

— Вашими заботами, она начала есть. Но по-прежнему не отвечает на мои вопросы.

Старая ведьма покачала головой.

— Нехорошо все это. Странно, что не помогает.

— Я проведу на выходных немного тестов, проведу Опрос Теура «Зеленые ногти».

— Да, возможно, это поможет, — кивнула мадам Анви, прикрыв глаза. Открыв их, она

уже посмотрела на меня. — А ты, Лира, времени не теряешь.

— Да, как приехала, времени свободного почти нет. Надо же что-то делать... Завела себе фамилиара, может, полегче будет.

Я услышал звяк монет. Потом еще и еще. В попытках сосчитать сбился на шестидесяти. Что это за дорогущее зелье?

— Странный он у тебя. Кот, верно?

— Да, — с улыбкой кивнула Лира. — Такой вот странный котенок. Продавец сказал, что у него останавливался на ночь проезжий волшебник с странным фамилиаром, и от этого фамилиара кошка понесла. Родилось пять котят, четверо нормальных, а один как фамилиар, прямо один в один. Малыш так дрожал в своей клетке, что я решила купить его.

— Выглядит экстравагантно. Особенно с этой одежкой.

— Без нее он мерзнет. Что ж, приятно было увидеться, мадам Анви.

— Конечно, Лира. Мне тоже было приятно тебя увидеть. Завтра ты как всегда?

— Да. Милош же будет на кассе?

— Конечно же, кто еще, кроме этого охламона...

— Приняла к сведению. До свидания, мадам Анви.

— До скорой встречи, Лира. Если вдруг Фелиция ответит, передавай привет.

— Несомненно.

Лира быстрым шагом вышла из беседки и направилась к калитке. Мои короткие лапки не слишком-то справлялись с ее быстрым темпом, и я сумел догнать юную ведьму только за калиткой.

— Лира, что вообще произошло?

Девушка остановилась и развернулась ко мне. Глаза у нее были влажные.

— В городе живет давняя соперница моей бабушки, Легра Анви. Из-за этого факта эликсиры для бабушки выходят мне достаточно недешево, а если учесть, что они и так довольно дорогие... Джаспер, за сегодня я заработала девяносто две горсти. Эликсир, так нужный бабушке, стоит восемьдесят. А мне нужно есть, кормить бабушку и Гальзу, нужно восстанавливать сад, оранжерею вообще с нуля делать...

По ее щеке скатилась слеза.

— Я не от хорошей жизни завела себе фамилиара, Джас.

— Но это же удобно! Я не против быть твоим фамилиаром. Я просто не понимаю, почему так мало волшебников с фамилиарами.

— Потому что это признание в собственной слабости. Смотрите — мне не хватает сил, и я обрекла другое существо на судьбу молотка. Как ты думаешь, Джаспер, почему не все вокруг меня волшебники?

— Я тебя не понял... Это же дар, нет?

— Этот дар имеют абсолютно все, Джаспер. Кто-то сильнее, кто-то слабее. Не использовать магию болезненно — ты и сам это понял. Кроме того, есть эффект выцветания. Пошли уже, у меня еще один заказ...

— Конечно, — и я припустил за ней.

— Эффект выцветания гласит вот что. Чем больше человек использует волшебство или ведьмовство, тем меньше воспоминаний достанется его призраку. Призраки величайших волшебников и ведьм были другими людьми, без малейших воспоминаний о своем прошлом. Охотник, использующий свой дар только для разжигания костра, может не вспомнить имя своей дочери. Женщина, всю жизнь мановением руки охлаждающая то же самое молоко, не

узнает родной дом. Червивый, которого лишили хвоста еще в детстве, проживет вторую жизнь, зная свой дом, детей и самого себя. Моя бабушка, Джаспер, герой войны, Фелиция Белый мор, класс Черного сертификата «Смертное поле», Джаспер! В одиночку уничтожила Шестую армию Гурра! Как ты думаешь, много от нее останется?

Я смотрел, как под моими лапками мелькают мелкие камни брусчатки.

— Я приехала с учебы, а дом в запустении! Соседка на свои средства покупала обрезки мяса для Гальзы! Захожу к бабушке, а она, истощенная, сидит по пояс в табачном дыму. На вопросы не отвечает, на присутствие не реагирует, ничего не ест. Ранф пропал неизвестно куда. Прислуга пропала. Оранжерея с редчайшими растениями погибла. А у меня из опыта, Джаспер, десятки недель у реторты и котла! А теперь я от отчаяния взялась за контракт, который не знаю, и выполню ли.

Я взглянул на девушку, которая замедляла шаг тем сильнее, чем сильнее всхлипывала.

Да, имеет право.

Я подбежал к ней, встал на задние лапки и уперся передними ей в голени. Зареванная девушка наклонилась, взяла меня на руки (стало гораздо, гораздо теплее. Так хорошо...) и отошла под ближайшее дерево.

Я немного поерзал у нее в руках, немного вывернулся и занял такое положение, будто она меня обнимала. Было бы удобно, если бы у меня ноги не свешивались. Но наплевать.

Я вытер подушечки о пончо, обхватил Лиру за уши и прижался своим лбом к ее лбу. Мои глаза смотрели точно в ее серо-зеленые (и немного покрасневшие) глазки.

— Я помогу тебе, чем смогу. Используй меня полностью, не надо жалеть меня. В конце концов, от твоей работы зависит, сколько крыльев мне еще придется съесть.

На этом моменте Лира сдавленно хихикнула. Прогресс.

— Не знаю уж, почему я такой, и почему ты выбрала меня...

— Ты был странненький, немного уродливый, но очень милый.

— ...спасибо. Но я готов помочь тебе. Ты девушка в тяжелой ситуации и, что-то меня подсказывает, что в прошлой жизни я помогал таким как ты.

Лира опустила меня на землю и утерла слезы.

— Так-то лучше, хозяйка, — усмехнулся я. — Пользуясь случаем, спрошу — а сколько я стоил?

Лира неожиданно рассмеялась.

— Я боялась этого вопроса. Восемь молотов, Джас.

Из меня выдавился смешок.

— А что можно купить на восемь молотов?

— Большой пирог с мясом, — рассмеялась еще сильнее Лира. — Ну или две булочки с кремом и обсыпкой.

Тут рассмеялся уже и я.

Последний заказ был ужасен. Но я твердо решил помочь Лире, и о своем решении не пожалел.

Мы дошли до ремесленного квартала около трех дня, по моим внутренним часам.

Лира взялась за очень сложный заказ — заклятие целой кузнечной печи у богатой артели. Внутри уже сложенной печи, на каждом кирпиче надо было особой краской выгравировать часть обрядного узора, непрерывно подавая Мощь на краску. Лира не была сильна в ритуалистике, но конкретно этот ритуал выучила назубок. В чем сложность,

спросите вы? А то, что у конкретно этой краски высокая сопротивляемость Мощи Завихрений.

Чтобы вы точно поняли — прочтите короткую научную статью, а потом перепишите ее по памяти, пока вас частично свежуют. Как-то так.

Лира предупредила, что процесс очень долгий, и она хотела бы перебросить на меня процентов пятьдесят потока. Я спросил ее, справится ли она быстрее, если перебросит на меня семьдесят процентов. Лира, подумав, кивнула.

Когда она приступила к работе, я понял, что днем она перекидывала на меня в лучшем случае двадцать процентов.

Такой поток Мощи ощущался, как будто сотни трудолюбивых жуков, приземляясь на кончик хвоста, бегали прямо у меня под кожей и отслаивали ее от мышц.

Лира рисовала знаки внутри новенькой печи до шести. Потом она час искала достаточно сильного духа Инферно. И еще минут сорок убеждала его поработать в горне. Жертвой послужил парной кусок мяса размером чуть больше меня, приготовленный кузнецами заранее.

Лира получила сотню горстей.

Выйдя из кузни и отойдя достаточно далеко, она разрыдалась снова. Из-за того, что ей было меня до слез жалко; из-за того, что была мне признательна; из-за того, что, благодаря мне, закончила работу гораздо раньше, чем планировала и, наконец, из-за того, что, впервые за этот месяц, у нее появился запас денег.

Я же, просто закрыв глаза, немного улыбался и кивал, кивал, кивал... Сил не осталось ни на что.

Лира на обратном пути купила мне половину курицы. По приходу домой я сожрал ножку и вырубился прямо у миски.

Глава 4. Моя первая сделка с демоном

За первым днем последовал второй, и третий, и четвертый...

Каждый день, утром, мы с Лирой завтракали, обсуждали планы на этот день, шли в город, выполняли заказы, по пути домой закупались продуктами и брали новые заказы.

Благодаря моей помощи все колдовские процессы происходили чуть ли не вдвое быстрее, поэтому у Лиры появилась такая роскошь, как свободные вечера.

Их она проводила разнообразно. Могла копаться в бабушкиной библиотеке (здоровенная пристройка с очень незаметной дверью; площадь помещения втрое больше, чем в гостиной; все буквально забито стеллажами с фолиантами) в поисках редких книг. Она искала много разных вещей — книги по волшебству Инферно, рецепты эликсиров, какой-либо способ помочь бабушке.

Стоит упомянуть забавную особенность — в процессе поиска Лира то ли нервничала, то ли становилась азартной. Как я это понял? А просто. Лира дергала хвостом.

«Чтобы ты привыкал быстрее и не пялился на каждого прохожего» — так сказала Лира, начав носить дома просторные матерчатые брюки и шелковые блузки. (Обязан заметить, основываясь исключительно на чувстве прекрасного, что Лире больше шли блузки, чем бесформенные черные мантии.) Так что да, мне пришлось привыкать к виду ее хвоста. В принципе, хвост как хвост. Чуть длиннее ног, тонкий — как два пальца. Цвет кисточки совпадал с цветом волос. У меня-то был такой же, только без кисточки на конце. Забавная ремарка — у Лир была, как она призналась, дурная привычка. В светском обществе принято носить хвост выпрямленным и чуть опущенным, а Лира (как и многие другие ведьмочки) обвивала хвостом одну из голеней.

Возвращаясь к тематике вечеров — некоторые вечера Лира проводила за исследованиями и экспериментами. В половине случаев она шла в кухню, где на специальном столике, чуть в отдалении, поставила свои перегонные кубы и реторты. Там она изготавливала слабые зелья на травяной основе. На самом деле, принципиально они ничем не отличались от обычных отваров, вытяжек и настоек — ведьмочка просто напивала раствор Мощью, чтобы он действовал чуть сильнее и дольше.

Лира явно любила возиться у столика, уставленного причудливыми стеклянными трубками, банками с настойками и дочерна исписанными бумажными листами. Она выписывала в специальную толстую тетрадь каждый новый рецепт, по отдельной тетради сверяла действия всех компонентов, после чего могла попробовать улучшить зелье. Порхая среди своих банок, она, казалось, забывала обо всем и часто начинала бормотать себе под нос.

Самое удивительно, что Медоносная появлялась гораздо чаще, когда Лира готовила очередное зелье. Обычно она просто стояла поодаль и смотрела на переливающуюся жидкость, или на то, как Лира заливала спирт из бутылки в банку с высушенным цветком. Пару раз она протягивала Лире тот или иной цветок, чем доводила увлеченную, не знавшую о ее присутствии девушку до икоты.

Вторая часть экспериментов Лир крутилась вокруг ее бабушки. Ее я увидел на третий день пребывания в поместье.

Лира как раз собралась отнести ей очередной пузырь (язык не поворачивается назвать ЭТО пузырьком) густой липкой мерзости от мадам Анви. Да, большую часть нашего

заработка по-прежнему получала мадам Анви.

Я напросился с Лирой. Как только Лира открыла дверь в комнату ее бабушки, по полу начал сочиться густой и тяжелый табачный дым. Девушке он был по колено, но я-то Лире доставал до колена, только стоя на двух ногах. Так что очень быстрым шагом (зрелище наверняка сюрреалистическое) мне пришлось дойти до окна и вспрыгнуть на подоконник.

Комната как комната. Пастельно-желтые обои с оранжевым рисунком, старинная монументальная кровать, комод, шкаф и кресло-качалка — вот и все убранство. Пахнет сплошь и только табаком.

В кресле-качалке сидела... Женщина. Я серьезно, я не дал бы ей и сорока пяти. Вот только не дал бы я эдак годик назад. Сейчас же эта некогда явно красивая, высокая, темноволосая женщина сидела иссохшая, бледная, с совершенно стеклянными глазами. Пальцы одной руки, больше похожие на паучьи лапки, лежали на подлокотнике, а другая рука прижимала к губам старую и очень просто выглядевшую трубку. Фелиция затягивалась по десять-пятнадцать секунд, после чего выдавала мощную струю сизого дыма. Три обычных вдоха-выдоха, и вновь затяжка.

Я не специалист, но мне кажется, что тут нужны новые легкие.

— Бесплезная безделушка, — вздохнула Лира, ставя поднос с пузырем и миской супа на комод.

— Ты о чем?

— О трубке.

Девушка взяла миску, изящно села на подлокотник и начала кормить бабушку. Та только послушно отнимала от губ трубку и открывала рот. С белыми зубами, что удивительно.

— Бабушкина трубка, — пояснила девушка. — Бывает так, что мы гордимся какими-то пустяками. Вот эта трубка — предмет гордости бабушки. Полное ощущение от выкуриваемой трубки, но при этом мозги не туманит, легкие целы и зубы белые. Одна из самых качественных иллюзий в нашем королевстве. Только вот, как цена, выдыхаемый дым все же реален и обладает запахом табака. Но только выдыхаемый.

Лира смешно сморщила носик, вливая бабушке очередную ложку супа.

— А какая она в обычной жизни?

Девушка помедлила с ответом.

— Сложно сказать. Она милая и добрая, пока ты не шалишь. Тогда в ее глазах просыпается холодная искорка, и раз! Ты по колено в ледяной глыбе, — да, Лира упоминала, что ее бабушка — никсиалистка, ее домен — Вьюга. — Пока выберешься, трижды подумаешь, а надо ли было носиться по коридору с вазой. Но знаешь, такое бывает редко. Я очень ее люблю. Стараюсь вот по мере сил, — Лира ласково погладила бабушку по темным волосам.

И Лира действительно старалась. После каждого вечера в библиотеке она находила как минимум один ритуал, который потенциально мог вывести бабушку из этой кататонии. Некоторые она записывала в блокнот, как «пока неосуществимые» — это были ритуалы с редкими и просто дорогими компонентами. А вот все остальные...

Лира чертила на полу мелом огромные пересечения фигур, курила дым из десятка трав, на чердаке до хрипоты спорила с духом из Последнего океана, однако, ничего не срабатывало.

Лира не теряла боевого настроения.

А я? Я тоже заразился ее боевым духом. Пока Лира искала редкие книги, химичила над очередным составом или рисовала мелом четвертую за вечер восемнадцатилучевую звезду, я выходил в сад (Лира придумала котоход из кухни) и до дрожи в лапах тренировался со своей Мощью.

В сад я вышел после того памятного дня — Кот все-таки выпросил у меня исследование территории. Напялив свое пончо, я по свежееустановленному котоходу выскочил в сад.

Исследовать было что. Поместье находилось в отдалении от предместий города, буквально десять минут пешком, посреди небольшой рощицы неизвестных мне деревьев с свисающими плетями веток. Территория поместья была довольно значительная и уж точно больше, чем мне показалось в первый раз.

Дело не ограничивалось одним Т-образным особняком. Неподалеку был сверкающий купол оранжереи и какие-то хозяйственные пристройки, а за домом был разбит сад.

Насколько я разобрался, тут стояла середина весны — и все равно трава разрослась так сильно, что мне было видно ориентиры только тогда, когда я вставал на задние лапы.

Сад был полностью запущен — среди травы попадались сухие ветки и остатки сгнивших плодов. Зато по раскидистым ветвям очередных непонятных деревьев было так удобно и интересно лазить...

Хозяйственные строения меня не заинтересовали — опустевший одноэтажный дом для прислуги — прохладный, темный и неприветливый. Пахло пылью и крысами. Сарайчик был заполнен хозяйственными инструментами — от лопат до молотков с гвоздями. Крысами пахло гораздо сильнее.

А вот оранжерея меня заинтересовала. Это была красивая полусферическая постройка радиусом так метров двадцать, с выложенными камнями дорожками и аккуратными клумбами. Но произраставшие тут растения умерли, некоторые сгнили, некоторые высохли. Лира выкинула то, что сгнило и собрала высохшие растения, делая маленький запас и спасая семена. Теперь в оранжерее было пусто. Только случайно занесенная вездесущая трава уже начала прорастать. Тут пахло сеном, душистыми травами, специями, теплой землей... Тут просто было тепло. Мне очень нравилось в оранжерее.

И именно на территории поместья я как следует познакомился с Котом.

Как и подобает коту, он напал резко, словно из засады. Раньше, до выхода в сад, я мог с легкостью игнорировать любые его запросы и команды. Но теперь он набрал силу и иногда перехватывал управление на себя.

С моих слов может показаться, что я был чем-то или кем-то одержим, но на самом деле это проявлялось навязчивыми мыслеобразами, иррациональными желаниями, иногда у меня словно бы притуплялась ясность сознания. Однако, признаться честно, мне нравилось думать про этот комок гормонов и инстинктов как про живое существо. Про Кота.

Начнем с самого веселого. Для вас. Не для меня. Кот научил меня определять состояние моей пищеварительной системы. И, пожалуйста, не спрашивайте, как.

Кот научил меня прыгать с высоких деревьев и приземляться точно на ноги. В первый раз я чуть концы не отдал, а потом мне даже стало нравиться.

Мне пришлось оббегать и пометить каждое дерево и каждый угловой столб поместья — иногда на его территорию забредали другие коты. Мне было не по себе от идеи вступить в бой с другим котом, а вот Кот дрожал от нетерпения. От меток в доме я его еще кое-как удерживал.

Я мог заниматься волшебством только тогда, пока Лира варила зелья или занималась

исследованиями. Как только ведьмочка надевала голубой фартук и разводила огонь на кухне, мое сознание мутилось, и очухивался я уже на кухне. Кот терся нашей, черт возьми, головой о брюки счастливо хихикающей Лиры и выпрашивал подачки.

Да, мы с Котом ели как не в себя. Насколько я помню, это была особенность породы. И еще это был один из тех вопросов, в которых я с ним был солидарен. Несмотря на количество и размер съеденного, я не мог толком набрать вес — еды хватало только на мой рост, так что я выходил худым котом. Я съедал все, что мне давали, и почти всегда был полуголодным. Несколько раз я жаловался на это Лире — она давала мне больше еды, я обжирался до полусмерти, Кот перехватывал управление и блевал.

Да, черт возьми. Насколько я помню, для человека блевать — неприятное занятие. У котов все проходило буднично, без сильных спазмов. Просто сокращение желудка, и горстка пережеванной ветчины оказывалась на паркете. Лира в первый раз немного рассердилась (включила Взрослую Недовольную Ведьму, иногда наблюдаемую мною на заказах), но когда увидела мои охреневшие глаза, то успокоилась. Окончательно ее отпустило, когда я самостоятельно убрал за собой, проворно передвигаясь на задних лапках.

Все же ей повезло с питомцем, я считаю.

Иногда Кот требовал веселья и игр. Чаще всего удовлетворить это желание было просто — мы выходили в сад и ловили очередную мышь, чьи неисчислимые полчища обитали около поместья. В первый раз я очень опасался ее есть, но Кот настаивал. В принципе было вкусно, но мне категорически не понравилась тяжесть в животе и то, что потом надо было отрывивать остатки шкурки и кости. Выследив и поймав мышь, мы развлекались с ней (ничего зазорного я не видел — я же кот, в конце концов), после чего я ее быстро убивал, а потом и, внимание, разделявал. Лира сделала для меня маленький ножик, размером с палец (не мой, естественно), из серебряного молота — попросила духа. Мы с Котом не могли нарадоваться — он играл, я — откровенно вкусному мясу.

Пугало меня настойчивое желание Кота сбрасывать одиноко стоящие вещи с поверхностей, на которых они стояли. Это было одно из его стремлений, с которыми легко было совладать, но мне было боязно, что когда-нибудь этот поганец перехватит контроль.

Нелегко еще было привыкнуть к рваному кошачьему сну. Я частенько спал во время тех заказов, где был не нужен, но такие попадались нечасто. В ответ от Кота я вставал каждой ночью не менее двух раз, абсолютно бодрый и с диким желанием поиграть.

Лиру же веселила моя двойственность. С одной стороны она наверняка считала меня каким-никаким собеседником, который имел собственное мнение по некоторым вопросам. В этом отношении я не отличался от человека. Но я был не человеком — меня не волновало, что я, в общем-то, живу в одном помещении с девушкой. И да, если вас это интересует — она с завидной регулярностью мастерила игрушку из колокольчика или клочка бумажки на куске бечевки, и любознательный собеседник немедленно превращался в прыгучий розовый комок, будь проклят Кот.

Смех у ведьмочки был заразительный.

Когда же Лира работала, я, как уже упоминал, тренировался в волшебстве. Чувство было... необычное.

Сразу же скажу — свою Мощь я переваривал в разы легче, чем Мощь Лиры. Может, дело в личных ощущениях, может, в том, что Мощь другого домена как-то болезненнее. В любом случае, по сравнению с заказами, тренировался я почти с комфортом.

После того, как огонек на кончиках когтей стал пройденным этапом, я по совету Лиры

учился *понимать* Мощь. Это удалось не сразу, так как я не понимал, чего именно я должен добиться. Но когда добился, понял сразу.

Легче всего это объяснить так — вот у вас есть рука. Вы в любой момент можете ею воспользоваться, причем тысячей способов. Вы можете ломать ветки у деревьев, складывать из камешков башни, хлопать по поверхностям, бить кулаком неприятных вам людей, гладить любимых по волосам, брать что угодно, кидать что угодно, делать фигуры из пальцев. Причем вам не надо обдумывать свои действия — хватает тени намерения, примитивнейшегомыслеобраза.

Вот волшебство было тем же самым, но подчинялось неохотнее, и было куда, *куда* сложнее манипуляций конечностью.

Осознав это, я поразился. Я мог в любой момент разжечь самый настоящий костер на голом песке. Я мог пыхнуть струей огня из пасти или рук так, что загоралась сырая трава. Мог заставить когти светиться.

На большее пока не хватало проводимости, да и фантазии тоже, но с каждым днем, с каждой пропущенной единицей энергии я становился все сильнее, а моя плоть все легче и легче пропускала через себя потоки раскаленной энергии из другого мира.

На десятый день моих экспериментов с магией и пятнадцатый — пребывания в этом мире, меня позвал к себе Гальза.

Стоял день. Заказы сегодня были только утром и ближе к вечеру, так что день освободился. Лира ушла в город — ей должны были доставить заказ с партией трав. Я как раз после очередной тренировки лежал в Лирином кресле (отчего-то оно было уютнее), как заговорила решетка из-за дивана.

— Эй, кот.

— Да, чем могу? — спокойно отозвался я. Видела бы меня Лира — животик бы надорвала: я полулежал на спине в ее кресле, закинув ногу на ногу и попивая из чашки прохладное молоко, которое так хорошо остужало жар во всем теле.

— Я бы хотел увидеться с тобой.

— О. А есть причина?

— Я слышу и чувствую, как ты приносишь в этот мир магию моего мира, искрящуюся и горячую. Запах дыма и горячего железа в твоём запахе усилился, а это хороший знак.

Гальза помолчал. Я тоже. Продолжил он.

— В последнее время я чувствую чье-то внимание на Лире. Она хорошая и ответственная девушка, и я отвечаю за нее перед Фелицией. Но я могу повлиять на нее лишь в пределах поместья. Мне выгодно твое усиление. Кот, ты же инферналист, а кто, как не создание Инферно, может научить тебя колдовству?

Лира говорила что-то про сделки с обитателями других планов этого мира. Варага из Червивого дна требуют плоть или душу, могущественные роккулу Последнего океана — твое время. А что потребует галгара?

Впрочем, мне не рассказывали подробностей насчет внешнего вида других разумных Общности, так что мне было довольно любопытно взглянуть на галгару.

— Давай обсудим. Насколько помню, дверь в подвал под лестницей?

— Да, все найдешь. Спускайся, вставай перед котлом, я вылезу.

О, а это все любопытнее и любопытнее. Я махом допил молоко, отложил чашку, спрыгнул, переставил чашку на столик и, уже на четверых, погарцевал к двери в подвал. (Да,

еще я тренировался в прямохождении и добился в этом немалых успехов.)

За лестницей на второй этаж действительно была неприметная дверь. Ее поверхность была покрыта обоями, и именно поэтому разглядеть ее было непросто. Тут встала небольшая проблема. Дверь оказалась закрыта, не на ключ, конечно, но пятимесячному котенку ключа-то и не надо.

Выручила меня Призрак. Она в последнее время привыкла ко мне, и появлялась один-два раза в день. Я тоже привык к ее молчанию и внезапным появлениям. Одно из странных, но приятных воспоминаний — как Призрак, с явным трудом удерживая бечевку, неуверенно потряхивает фантиком, а Кот внутри меня — и я вместе с ним — счастливо прыгает за ним, не упуская возможности достать шаловливой лапкой полупрозрачных пчел.

Появившись в уже привычном облаке сизого тумана, Медоносная неожиданно присела на корточки. Ее черные глаза, состоящие из зрачков, смотрели точно на меня.

Медоносная осторожно погладила меня по голове, поджала губы и медленно, скупно покрутила головой. Словно бы она была не очень довольна моим решением, но выхода не видела. Встав, она с натугой открыла дверь — ручка была покрыта тонким слоем меди.

Мне открылся путь вниз. Ступенек двадцать. Обоев не было — голые стены лишь выбелены, в углах висит паутина. В конце лестницы вправо уходит коридор, из конца которого доносится мерцающий оранжевый свет.

В принципе, я уже видел этот коридор — раз в неделю Лира относила туда говяжью ногу. Но, тем не менее, вниз я не спускался.

Никакой опасности я не чувствовал. Коту же было любопытно исследовать новую территорию. Эх, лев доморощенный...

Я с определенной долей труда спустился по ступенькам. Впервые заглянул за поворот и обомлел.

В конце коридор расширялся в небольшую комнату. Там, в духоте, стоял небольшой металлический стол и высился исполинский, пышущий жаром и источающий мутный оранжевый свет котел. Пахло разогретой сталью и, очень сильно, чем-то *чужим*.

Металлический, проклепанный котел обладал странной формой — как будто три закругленных цилиндра, центральный из которых выше и толще соседей, поставили в ряд и не до конца вдвинули друг в друга. На правом корпусе, если так можно выразиться, выдвигались из корпуса датчики и манометры, а в центральном была огромная квадратная дверь с тремя светящимися прорезями и, насколько я разобрался, серебрением.

Создатели этого чуда явно не боялись теплопотерь от такого жерла.

Посмотрел выше, я увидел, как к вершинам правого и центрального корпусов были подведены многочисленные трубы, спутанными, источающими тепло артериями уходившие в стены и потолок.

Да, царь-котел.

Дверь котла шевельнулась, раздался стон раскаленного металла. Дверца отъехала, одновременно пропуская наружу сноп искр, клуб дыма, запахи кузни и иссохшей земли. Я только успел увидеть, что внутренняя сторона дверцы светится от жара, как свет из жерла был загорожен чьим-то темным телом.

Я охренел.

Наружу выбирался демон.

Как описать? Представьте себе шимпанзе. Представьте этот тяжелый эволюционный путь, эти изменения тела и разума, которые пришлось преодолеть обезьяне, чтобы стать

человеком. А теперь повторите все то же самое, но с крокодилом.

Запах дыма и стали — тот самый *чужой* запах. Длинное тело, покрытое угольно-черной топорщащейся чешуей. Вытянутая вперед коробкообразная голова с короткими, но мощными челюстями. Два изогнутых назад рога, один из которых обломан на середине. Выступающие клыки. Две пары маленьких янтарных глаз в лунках из костяных пластин. Жуткое ощущение — в этих глазах светится немалый интеллект. Четыре мощные руки. Пятипалые симметричные ладони с двумя большими пальцами на каждой. Толстый крокодилий хвост, которым явно можно сломать стену. Из одежды только что-то похожее на багровые кольчужные шорты.

Гальза, а это был он, по-змеиному текуче выбрался из пышущего жаром котла, отряхнулся и встал на сильные ноги, уж никак не подходившие крокодилу. Своим лбом он мог задеть потолок — а он был намного больше человеческого роста.

Галгара подавлял всем, от банального жара, исходящего от его тела, до бугрящихся мышц и змеиного интеллекта в глазах.

Не сразу заметил. На груди галгары пылали янтарным светом три строчки из красивых, скругленных, состоящих из плавных извилистых линий символов. В первой строчке всего три символа, а вот во второй их был десяток. Третья строка состояла из одного-единственного символа.

— Какой ты маленький, кот... — смешливо протянул Гальза. Его голос не был грозным. Да, немного отдавал инфразвуком, но сам голос был очень даже приятным.

Он быстро, плавно и как-то *хищно* сменил позу — теперь нижняя пара рук также служила опорой могучему туловищу. Одной из оставшихся рук он неожиданно мягко погладил меня. Чешуя галгары была приятно горячей и гладкой. Немного смуцало строение его рук — уж больно чужеродно смотрелись его кисти.

— Хах, я хотел пошутить над тобой и сказать, что ты мне на один зуб. Но, боюсь, ты действительно будешь мне на один зуб, ха-ха!

Офигенно смешная шутка, у меня, кажется, Кот скончался от сердечного приступа. Как же тут душно...

— Да не пугайся ты так. Да, для тебя я выгляжу грозно, но я точно не желаю тебе зла.

Галгара (и как он так выговаривает слова, даже не имея губ?), не вставая, перетек в положение полулотоса. Поерзав, он одним движением хвоста захлопнул дверь в котел и укутал ноги, совсем как это делаю я.

Я решил поддаться его правилам, тоже сел на горячий камень и обернул свои худющие щиколотки хвостом.

— Я только два раза видел других котов. Ты действительно от них отличаешься. Как я считаю, в лучшую сторону. Знаешь, если ослабить зрение, — неожиданно костяные щитки возле его глаз сдвинулись, полностью закрывая глаза. — То кажется, что ты покрыт чешуей. Мелкой такой и странно розовой. Но тем не менее. Выглядишь почти родным.

Его щитки с щелчком сдвинулись обратно.

— Итак, ты обладаешь силой Инферно. Волшебники этого мира из-за конфликтов основ миров склонны использовать эту энергию для разрушения, и, должен отметить, это у них это хорошо выходит. Ты когда-нибудь видел Инферно, а, кот?

Лихо он меняет темы.

— У Лиры висит в гостиной картина, но мне она показалась обычной. Серебряная река в темном ущелье. Только свет странный.

— Ага. Еще бы, — ощерился галгара. — Это Нгороку, очень красивое и знаменитое своей тишиной и прохладой место. Высочайшая гора Инферно расколота надвое рекой Белого Хозяина. А что касательно света, кот — в Инферно нет воды. Нигде, совсем, ни в воздухе, ни в породе. В наших реках и океанах лишь раскаленная сталь.

Ого. Впечатляющее зрелище, наверное.

— Как твои успехи в освоении волшебства?

Вместо ответа я, фыркнул, выпустил из пасти язык огня метра два в длину — мой предел на текущей выносливости.

— Я стараюсь усиливать свою способность к принятию и выводу Мощи.

— Это хорошая тактика, юный волшебник, — кивнул Гальза. — Многие из ваших волшебников гонятся за новыми правилами, основами и свойствами. Но они забывают о банальной возможности принести основы нашего мира в ваш.

— Откуда ты знаешь, как волшебники обучаются?

— Должен признать, что, скорее всего, мои сведения устарели. Меня давно не было в родном Инферно, и на то есть свои причины. Сейчас мы не о них. Этой информацией снабдил меня мой учитель, предыдущий библиотекарь.

— Ты был библиотекарем?!

Я думал, что он был охотником или грозным воином. Ему бы пошло.

— У тебя на мордочке написано, что ты мнил меня великим воином, — довольно оскалился Гальза. — Мне это льстит. И ты недалек от истины. Запомни вот что — культуры других разумных рас сильно отличаются от ваших. Не суди по своей культуре. Вот тебе пример. Дети роккулу, выйдя из икры, дерутся насмерть, пока не останется один. Моннгу пережидают Ясное Небо в тушах скнофу, целое племя в брюшине огромного существа! Библиотекари-галгара работают с клеймами Высокого начертания — наши книги вырубаются из плит камня, и, чтобы с ними работать, нужно сильное и выносливое тело. Наши разумы в постоянном соприкосновении с клеймами Высокого начертания, что только усиливает наши способности. Быть библиотекарем — это как для человеческих магов быть волшебником с Черным сертификатом класса не ниже «Канонира»!

Охренеть не встать. Особенно с роккулу. Милые детишки.

Гальза потряс головой и продолжил.

— Я позвал тебя не для познавательных рассказов о культуре галгара. В последнее время мое чутье ощущает внимание какого-то сильного существа на нашем поместье. Я могу действовать только в его пределах, и только тут. Таково мое соглашение с Фелицией Белый мор. А за ее внучку я отвечаю головой, кот. И это внимание мне не нравится.

— И что же ты предлагаешь?

— Лира вчера нашла для тебя учебник для инферналистов. Ты всегда можешь готовиться и становиться сильнее по нему. Но это займет много времени, а мне выгодно твое скорейшее усиление. Я могу обучить тебя так, как обучали сильнейших инферналистов Эпохи Формул. Обучение быстрое и очень эффективное, но сопряжено с определенной нагрузкой.

— И какова цена?

— Наслушался историй Лир про цены, взимаемые сущностями иных миров?

— Да.

Коту не нравился Гальза. В основном из-за размеров и чуждого запаха, поэтому я сильно нервничал и, кажется, стал хамить. Зря. Да почему этот галгара молчит?

— Мне нравятся сильные духом существа. Пусть это сейчас и продиктовано стрессом, ты не убегаешь и не шипишь на меня. Рыкаешь и готов броситься в бой.

Медленно, очень медленно Гальза наклонился. Его янтарные глаза — передняя пара — застыли напротив моих голубых.

— Такому, как ты, я с легкостью доверю охрану Лиры Фольди.

Галгара выпрямился обратно.

— Сейчас волшебники-инферналисты читают книги, описывающие различные процессы и явления, происходящие в Инферно. Раньше сильные волшебники могли завоевать уважение галгары, и тот обучал их с помощью Отпечатков. Цена такого обучения, кот — твоя кровь.

Ну да, ну да. Замечательно. Гальза выпьет меня всего за глоток!

— Мне нужно ровно одну каплю за занятие, — предвосхитил мое возмущение галгара. — И то не для себя — для того, чтобы настроиться на твой психоэмоциональный спектр и дать тебе Отпечаток — сильный эмоциональный образ со всех моих органов чувств. Ты моментально познаешь одну из основ Инферно и сможешь выводить ее в реальность Солнца и Лун.

— Звучит заманчиво.

— В качестве бонуса я могу предложить тебе неплохую технику, описанную академиками одного вашего университета. Как ускоренно усилить проводимость. Только вот расскажу тебе ее позже.

— Какие тут подвохи, Гальза? Только честно.

Змеиные глаза галгары внимательно окинули меня.

— После отпечатка легко представить себя галгарой. Сильным, с теплотрением, могущим плавать в жидком металле. Почти неуязвимым в вашей реальности. Некоторым волшебникам это... способствовало потере рассудка и, как бы выразиться... наделяло склонностью к массовым разрушениям.

Блеск. Я представил себе лысого кота, несущего хаос и разрушения, и едва удержался от нервной смешинки. Тем временем Гальза продолжил.

— Поэтому занятия у нас с тобой будут всего раз в пять дней. Увеличу срок — не успею ничему тебя научить. Уменьшу — у тебя спекутся мозги, ты возомнишь себя Хозяином Огня и Металла и начнешь учинять террор. Если берут сомнения — я уже обучал одного человека с помощью Отпечатков. Он не сошел с ума и даже добился определенных успехов.

Стоит подумать над предложением. Мне все равно кажется, что Гальза темнит и что-то мне не сообщает. Не знаю почему, но ощущение довольно четкое.

Однако. На кону безопасность Лиры. Эта девушка заботится обо мне и еще должна разбудить свою бабушку. Тем самым, под мою ответственность попадают два человека. Еще это мои единственные контакты в этой реальности. Плюсом идет то, что Лира доверяет Гальзе. С ним не конфликтует даже Призрак.

Что ж. Кто не рискует, тот не пьет... а что? А, спасибо, головная боль, шампанское. Знать бы еще, что это...

— Я соглашаюсь на твои условия, Гальза.

— Замечательно, Джаспер, — громыхнул галгара. — Если хочешь, можем провести первое занятие прямо сейчас?

— Давай, — пожал я плечами.

Очень уж любопытно. Дурацкий Кот.

Галгара вновь наклонился ко мне и внимательно вперился в меня четырьмя желтыми глазами. Так внимательно, что аж пасть приоткрыл.

Да уж, у него клыки... Он явно не травкой питается. Ого, у него ярко-желтый язык! Выглядит забавно.

Гальза медленно поднес ко мне руку. Молниеносное движение средним пальцем, и самый кончик его когтя тыкается мне в бедро и тут же уходит, успев только проколоть кожу. На кончике его когтя есть крошечный мазок моей крови. Галгара облизывает палец и морщится. Кот внутри меня беснуется, но я его сдерживаю.

Гальза вонзает коготь другой руки себе в предплечье. Вынимает. Коготь горит устойчивым багровым огнем.

Ну да, в Инферно нет воды. В жилах галгар самый настоящий огонь.

Гальза протягивает коготь мне. Я нехотя слизываю неожиданное прохладное пламя.

На долю мгновения я будто окунулся в раскаленный металл рек Инферно. Боль уходит так же быстро, как и пришла.

Такого импульса Мощи у меня еще не было.

— Подготовка к занятию завершена. Занятная у тебя кровь, кот. Теперь же, пожалуйста, рывкни на пол.

— Что?

— Видишь клейма — гара — на моей груди?

— Да.

— Слова Высокого начертания. Они воплощают сами понятия о основах Инферно. В каком-то смысле это знак, дарующий тебе право использовать само мироздание Инферно. Три строки — по праву крови, по праву рождения и по праву силы. Ты, как и любой инферналист, как любой галгара, тоже имеешь свои гара. Только третьей строчки пока у тебя нет.

— Почему гара?

— Гал-гара, кот. Разум-слово. Сознание-клеймо. Мышление-письменность. Наша письменность и язык красивы. И да, кот, вот тебе еще факт — все галгара пользуются одним языком. Но вот категорий письменностей у нас три. Представляешь, как я был ошарашен, когда узнал, что у людей добрая сотня языков, но всего одна категория? Рыкай давай. Шипи. Что ты там обычно делаешь?

Я коротко мявкнул в пол. И охренел во второй раз.

На полу немедленно проявилось две строчки тускло светящихся красным символов. Как будто их что-то выжгло.

Галгара подполз ко мне и положил когтистую ладонь на знаки. Его пять пальцев скользили по полукруглым извилистым линиями клейм — эта письменность была создана для галгар, и вместо пера у них были их когти. Гальза медленно водил когтями по словам, и читал их только тогда, когда заканчивал с очередным символом. Это завораживало.

— Посмотрим. По праву крови: огонь, жар и дым. Суоль, ррам и фехор. Ты не особенный. И это хорошо. Продолжим. По праву рождения... А тут интереснее. Коготь, арса. Хорошее гара, как раз для тебя. Для людей бесполезно. Гиль — гара, означающая искры и звон. Отличное гара, надо только научиться пользоваться. О, повезло — гангат, речная сталь. Сложное в освоении, но результат сложно переоценить. Сопrotивление. Для тебя бесполезно. Сек, кромка. Тоже бесполезно. Еркут — ртуть. Ты решил собрать все металлы, котенок? Плавление. Пока не для тебя, слишком много энергии требует. Ого. ОГО.

— Что там? — Гальза как раз провел когтями по последнему клейму.

Гальза молчал секунд пять.

— Не знаю, как и сказать. Сильное гара, но тебе его почти не освоить. Угул — безрогие. Наши дикие родственники, — на мой вопросительный взгляд он пояснил: — Фелиция мне рассказывала об обезьянах. Мол, похожи на людей, только проще, уродливее и тупее. Вот вылитые угул. Нет рогов, нет клейм, нет разума. Большую часть своего времени я проводил в библиотеке, так что на общение с угул времени почти не оставалось, — Гальза задумался. — Знаешь, я, конечно, могу дать тебе Отпечаток нескольких угул, и ты сможешь их призвать на службу, но гара «подчинение» у тебя нет. Придется договариваться, подкупать.

Отлично. Я пыхающий огнем и призывающий демонических обезьян челокот. Блеск, Джаспер.

— Должен отметить, Джаспер, что у тебя хорошие клейма по праву рождения. Будь ты галгарой, мог бы быть очень успешен в нашем обществе.

— Спасибо, — просипел я. Тут становилось невыносимо душно.

— Итак, начнем обучение, — торжественно объявил Гальза и обхватил мою голову своей чудовищно горячей ладонью.

Мои темные руки... Нижние сжимают черенок заготовки. В левой верхней молот. Правая проводит Мощь от ррам, гара «жар».

Усиляю стойку хвостом. Расставляю шире ноги. Приоткрываю пасть и в последний раз пробую на вкус узор распределения жара. Внешний слой начинает остывать, верхний конец заготовки вообще кислотовато-темный. Подаю жар. Достаточно, снова вся заготовка сладко-светлая.

Удар. Весь звуковой спектр, от инфразвука до ультразвука бьет мне в слуховые отверстия. Хороший звук, правильный. Хорошее железо. Получится хороший дротик.

Удар выбивает искры и звук. Крошечные раскаленные кусочки металла летят от заготовки. Слежу за звуком, за цветом, за теплотой, за жаром. За многим надо следить. Но это оправданно. Мне нужен лучший дротик.

Любуюсь *гиль* — крошечные светло-сладкие, быстро кислеющие частицы металла колотятся о мою чешую, инфразвук приятно проходит по костям черепа, а ультразвук вызывает щекотку в глубине слуховых отверстий.

Еще удар. Звук и искры. И еще. Отдача в нижние плечи тренированного тела библиотекаря. И еще. И еще. И еще. И...

И меня выворачивает молоком на каменный пол подвала.

— Урок окончен. Сегодня без волшебства, Джаспер. Дай Отпечатку устояться. Крути его в голове. Напоминай себе, что у тебя всего пять конечностей и на два чувства меньше. Завтра повтори. Звук и искры, Джаспер. Вот она — гиль.

— Пять конечностей... Нет таких ушей и теплозрения... Искры и звук... *Гиль*.

Слово ластится к моему перегретому мозгу, напоминая о невероятном спектре звука и о том чувстве, которого у меня нет. Температура как вкус-цвет. Невероятно.

Галгара усмехается — слышу его фырканье.

— Ну как тебе?

— Это невероятно, — выдыхаю я.

— Да. Инферно невероятно. Земля металла и огня. Мой дом.

Пижонски шелкая пальцами, Гальза испаряет выблеванное молоко, кончиком хвоста открывает дверь в котел и забирается туда.

За его плечами я вижу черную землю, черное небо, багровые скалы и сверкающую серебряную реку. Что?! В котле?!

Напоследок на меня насмешливо смотрят четыре янтарных глаза.

— Иди и отдохни, кот.

Дверь захлопывается.

Я поворачиваюсь и бреду на выход, уверяя себя, что у меня не болят нижние плечи и все повторяя:

— Я челокот. У меня нет теплозрения, у меня четыре лапы и хвост. *Гиль*. Я не слышу так, как он. *Гиль*. Искры и звук.

Сонм Старших духов, как же это прекрасно...

Глава 5. Лунный мотылёк и Гиз

Освоение гиль было еще более невероятным. Раньше в моем уме не могла поместиться идея о таком использовании Мощи Инферно. В моем представлении вся эта сила была целиком и полностью связана с огнем. Если бы... Эта сила была связана с самим Инферно, и всем, что в нем происходило. И если до первого аспекта гиль, искр, я еще мог дойти, то до звука вряд ли.

Отпечатки были истинным искусством. Когда я начинал проводить Мощь, мне было достаточно вспомнить те ощущения — биение сладко-кислых, темнеющих искр о мою чешую. После этого из моих лап или пасти, на мой выбор, вылетали искры. Это были не те искры, что мы все привыкли видеть — они были крупнее, ярче и жарче. После очередного сеанса головной боли я понял, что эти искры были похожи на трассеры, но что уже это такое, я вспомнить так и не смог. В любом случае, эти искры пережигали тонкие веточки деревьев и оставляли обгорелые оспины в стволах. Если выбирать между всполохом огня и этим, я, конечно, выберу это.

С искрами я разобрался за день, а вот звук... Остаток пятидневки я экспериментировал с ним. Искры просто вспомнил, и выдаешь достаточное напряжение на поддержку эффекта. А со звуком можно и нужно поиграться: спектр от ультразвука до инфразвука, громкость и даже локализация. Было нелегко, но я сумел достичь определенных успехов. Достаточно высокий ультразвук мог повредить поверхность чего-либо — на коре испытательного появлялись трещинки. Инфразвук отпугивал все живое — даже Лира начинала тревожно озираться по сторонам, когда я выдавал импульс помощнее, я уж не говорю о всяких птичках-синичках. И мышах. Пришлось на время перейти на казенную еду.

Еще эта пятидневка отметилась моей первой дракой. Да, первая кровь!

Это был слабый полуторагодовалый кот, страдавший от паразитов. Очевидно, он стал слишком слаб для удерживания предыдущей территории, поэтому решил отнять ее у пятимесячного котенка. Но не тут-то было.

Когда мы с Котом увидели его, то все мои сомнения на счет драк развеялись. И нет, я не понял чего-то глобального, важного или хотя бы существенного. Просто Кот усилил гормональный напор. Но окончательно я себя не потерял.

Когда эта драная чувырла зашипела на меня, то вместо того, чтобы, прицениваясь к противнику, шипеть в ответ, я провел по своим костям инфразвук, что автоматически делало меня достаточно жуткой фигурой. Не делая паузы, я прыгнул на него.

Завязалась очень короткая схватка — секунды две. И из общего клубка выкатились мы: я с царапинами на плечах, а он с ранами на животе и сильными укусами на шее. Тряхнув головой, он бросился прочь. Я не преследовал.

После победы Кот стал еще увереннее в себе. Пришлось держать себя в руках еще жестче, так как он все хотел драть диван и кресла, чтобы пометить и эту территорию.

Следующим днем состоялся новый урок с Гальзой. Для начала он рассказал мне способ чистого увеличения пропускной способности. Заключался он в том, чтобы я проводил Мощь, но никуда ее не тратил. В конце концов у меня с лапок должны начать стекать капельки жидкого огня — воплощенная Мощь.

Потом мы снова обменялись кровью, и он положил свою горячую ладонь мне на голову.

Калейдоскоп кратких образов и обрывков эмоций.

Дышащий жаром — ррам — горн, в котором плавится заготовка.

*

Струющийся огонь, сбегаящий по чешуе, пятнающий землю, указывающий след — последствия тяжелой битвы.

*

Извилистый символ, который и значит — огонь, суоль.

*

Еще раз горн, только мощнее и куда горячее.

*

Ватага каких-то странных бочкообразных существ, они несутся на меня: открываю пасть, и тугая струя высокотемпературной плазмы, скорее луч, чем всполох, просто испаряет их. Прикрывая рот, рассеиваю плазму до огня, и буйное пламя волной заливают пространство на десятки метров вокруг меня.

*

Высокий холм, который высился передо мной, вспучивается, обретает острую вершину, а потом оглушительно взрывается облаком огня и дыма. За багровым пламенем следует столб лавы, который достигает низкого неба и разбивается о твердые своды. Куда падают кипящие куски камня, там моментально вспыхивают пожары. Я поворачиваюсь к Рангору.

— Это вы хотели мне показать?

— Да, Гальза. Огонь — первооснова всего. Ты можешь владеть своим вагарр, ты можешь отбирать десятки новых гара, но без огня ты — никто и ничто. Смог бы твой вагарр, или мой ивалгат породить Бедственную гору? Нет, только огонь!

Пожары вокруг нас разгорались все сильнее и сильнее. Скоро потеки лавы на небе начнут застывать и осыпаться, тогда-то будет еще веселее. Рангор, галгара в именной броне и всего с тремя руками, продолжает:

— Огонь определяет галгару. Не забудь, что Хозяин Огня и Металла в первую очередь Хозяин именно огня. Запомни это, ученик. Без огня не создать железо.

Тот вечер выдался совершенно обычным. Лира варила новый состав — пыталась улучшить средство против болей в суставах. Чтобы оно сработало, надо было пользоваться им как минимум полгода, а Лира хотела сократить этот срок до месяца. Вот и работала — растирала какую-то вонючую траву.

Я же допоздна возился в саду с никак не поддающимся мне огнем. Суоль, если читать на Высоком начертании.

Я никак не мог улучшить всполохи пламени. Они были или тонкими как пальцы Леры и били метров на десять, или я мог залить огнем пространство около двух-трех квадратных метров. (И да, Лере пришлось сделать для меня площадку, покрытую песком, пока я не сжег весь ее сад.)

Я же хотел добиться того потока плазмы, что выдавал Гальза. Но никак — мне банально не хватало проводимости. При попытке повторить этот эффект меня скручивало от невыносимого жжения в абсолютно каждой мышце. Включая мышцы в глазу и все мышцы внутренних органов, даже сердце. Лира объяснила мне, что этот эффект называется перенапряжением — когда волшебник пытается осуществить нечто такое, что пока не может осилить. Предупредительный знак от домена. Доходчивый знак.

Вдоволь выпустив огня, я повторил воспроизведение звука гиль — быстро пробежался по всему звуковому спектру, сделал источники звука над собой, в глубине земли, аккуратно обвел себя кругом с помощью источника ультразвука и закончил с волшебством. Быстро оббежал все вверенные мне неумным эго Кота земли, кое-где обновил метки.

Когда зашел на кухню, Лира как раз готовила ужин. Сама она сегодня ела кашу из какой-то зеленоватой крупы с мясом, мне досталось два куриных крыла и кусок окорока. Сочный кусок, аж сок капал. Вкусно было, просто слов нет. Но маловато.

Невзирая на вопли Кота, я цивилизованно, из маленькой кукольной кружечки, выпил молока и пошел в гостиную. Подумав, прихватил кукольный же наполненный молочник и кружечку.

Вам смешно, но нормальный молочник я едва поднимаю. Да, волшебство волшебством, но силенок у меня как у котенка.

Остаток вечера Лира потратила на меня. Девушка старательно учила меня грамоте. А я что? А я ничего, я разумный, разум зрелый, учусь быстро, уже могу разобрать слова. А что сижу у нее на коленях и мурлычу — так я кот, мне положено.

Закончив с короткой статьей про особенности общения с природными духами камня во Вьюге, Лира пошла спать. Она выключила в гостиной свет и ушла к себе.

Если появились вопросы — свет тут был, внезапно, электрический. Причем дом снабжался электричеством от, внимание, генератора, встроенного в котел Гальзы. Галгара в своем котле отапливал зимой дом, круглый год снабжал кухню огнем и питал генератор, который, в свою очередь, давал свет и воду из глубоких подземных источников.

Какой централизованный водопровод, какие еще линии электропередач — даешь котел с демоном в каждый дом! На этой моей шутке Лира как-то раз пояснила, что у нас довольно-таки исключительная ситуация, так что о галгаре в подвале лучше не распространяться.

Я улегся спать. Свернулся клубком в своем кресле. Лира пожелала мне спокойной ночи и ушла к себе. Я же дождался, пока она уйдет, и быстренько перебежал в ее кресло. Ну Коту нравится — пахнет хозяйкой, добром, теплом и едой. Да и мне нравится, что уж тут греха таить.

Кот в очередной раз сказал, что, вообще-то, неплохо было бы себя вылизать. И нет, Джаспер, умывания тут явно не хватит. Тебе сейчас придется гнуться...

Не придется. После того, как Лира купалась сама, она оставляла для меня в ванной тазик с горячей водой и крохотным обмылком — в самый раз для меня. Удивительно, но Кот против ванн не протестовал. Да, я водоплавающий челокот. Ванны — мое все. Мой язык, я надеюсь, никогда не коснется сокровенного. Мне хватает ежедневной проверки состояния своих кишочков.

Как только я уснул, в небесах над поместьем раздался громогласный рев. Вскочив, я не удержался от разъяренного шипения на высоких частотах.

Подскочив к окну, я увидел, как мрачная крылатая тень, темнее ночного неба, пронеслась в сторону города.

Это что, дракон?

Неожиданно рядом со мной нарисовалась Лира.

— Что это было?

— Какая-то тень с крыльями!

— Лунный мотылек! — ахнула Лира.

Охреть у них тут мотыльки. От рева аж стекла дрожат.

— Джаспер, собирайся! — у Лире неожиданно загорелись глаза. — Это наш шанс!

— Шанс?!

Я обернулся к Лире и заорал, закрыв лицо лапами:

— Сонм Духов, Лира, ну ты бы хоть оделась!

— Это ночнушка.

— Она почти прозрачная!

— Ты же кот, — одновременно смущенно и насмешливо сказала Лира. Девушки, ну как у вас так выходит?

— Ладно, я понял, собираемся, куда ты там хотела. Только ради всего святого, оденься нормально!

Оказывается, Лира умеет собираться очень быстро. Метнувшись наверх, она вернулась буквально через десять минут. Я же, напялив пончо, напряженно вслушивался в раскаты грома, рев огня и жуткие звуки, явно издаваемые лунным мотыльком, доносившиеся со стороны города.

Лира оделась так, как обычно не одевалась. Брюки с двумя длинными фалдами, тянувшимися назад от пояса — Лира накинула их поверх хвоста и обмотала спереди, получив пояс, встроенный в брюки. Плотная неприметная блузка. Неожиданно на ней смотрящаяся кожаная куртка с патронташем на груди. В патронташе были маленькие пергаментные свитки. Волосы Лира перехватила ремешком. Никакой косметики — самое непривычное для меня. Конечно же, на боку вездесущая сумка.

Лира смотрелась нехарактерно для самой себя. Не приятная светская леди, не ведьма в облаке черных одежд, а скорее неприметная охотница.

— Выходим сейчас же, быстро идем к эпицентру событий.

— Ты уверена, что это хорошая идея?

Лира не ответила — она пулей вылетела из дома, лишь махнув мне рукой. Мне оставалось лишь поскакать за ней.

Лира, несмотря на темень, сразу же взяла довольно высокий темп — она даже не бежала, а летела. На мои вопросы не отвечала, а потом мне стало не до вопросов. Не забывайте, что я всего лишь пятимесячный котенок.

Мы пролетели через пригород. Никаких изменений, кроме горящего дома. Но он горел вдалеке — было видно только зарево пожара. Звуки боя слышались уже совсем неподалеку, когда мы вбежали в город. К этому моменту я уже задыхался.

Меня спасла смерть этого не-дракона. Я услышал громкий, визгливый рев агонизирующего существа, после чего буквально на соседней улице раздался страшный грохот. Лира немедленно свернула в переулок и быстро миновала его. Я же задержался из-за усталости и нагромождений мусора.

Вылетев вслед за Лирой, я увидел лунного мотылька.

Кошмарное существо уже не дышало. Оно действительно смахивало на дракона, но лишь отчасти. Подробностей не было видно — существо умерло в воздухе и, упав, боком врезалось в стену дома, как раз над лавкой дорогой одежды. Стена не выдержала, и мотылек сейчас лежал на боку, полузасыпанный кирпичными осколками. В доме визжали люди.

Пахло кровью, и кровью *другой* — вонючей, гнилостной, какой-то непередаваемо невозможной.

Зайдя с другого ракурса, я увидел лобастую голову с потухшими синими глазами, вместо рта у головы был ворох чего-то, отдаленно смахивающего на щупальца. Длинное туловище,

лежащее на боку, было снабжено нечетным количеством лап с пятью суставами. Угольно-черная шкура существа была покрыта подпалинами, разрезами, кое-где покрыта льдом, местами шкура почему-то была белой.

Ли́ра уже пробиралась по завалам к туше существа.

— Нам очень повезло, Джас. Тебе надо отвлечь волшебников и полицию, если те явятся. Я пока займусь...

Я в ужасе смотрел, как Ли́ра достает из сумки изогнутый нож и одним точным движением отсекает существу четыре тонких пальца.

Да что вообще происходит?

Со стороны, откуда прилетела тварь, раздался шум. Судя по голосам, человека четыре. Отпугнуть, говоришь? Да, Ли́ра?

Я напрягся и выдал большой источник инфразвука, направленный в сторону гостей. Голоса немедленно смолкли. Ли́ра тем временем торопливо вынимала глаз.

Неожиданно на меня из темноты вылетела струя подозрительно зеленой воды. Я отскочил в сторону, и не зря. На месте, куда приземлился водяной поток, начались странные изменения — камни моментально стали истертыми, потрескавшимися, покрытыми лишайником.

Это водичка их состарила?

Голоса снова раздались, уже в подозрительной близости от нас — от них нас закрывал кирпичный завал. Не найдя ничего лучшего, я вспомнил, как ревело это существо, приблизительно прикинул, какие гармоники и какую часть спектра затронул его рев. Определившись с «настройками», я на пределе сил и дальности — где-то на соседней улице — выдал кошмарный рев, почти неотличимый от рева мотылька.

Голоса (всего три) воинственно закричали и двинулись в ближайшую подворотню, даже не удосужившись проверить завал.

— Ли́ра, пора заканчивать!

— Сейчас! — Ли́ра наносила удар за ударом в подпаленное плечо мотылька в надежде проткнуть его. Поврежденная шкура без труда сопротивлялась стали.

Неожиданно рядом раздались чьи-то шаги. Сонм, не всех зацепила моя уловка!

— Ли́ра, прямо сейчас!

Неожиданно из-за кирпичной груды вышел мужчина в кителе и сиреневой треуголке. В руках он сжимал странно блестящий кинжал, который издавал тонкий непрерывный писк. Такой же писк издавали мои когти, когда я игрался с ультразвуком и открыл частоту, которая сдирала кору с веток.

Мужчина не смотрел на меня — только на Ли́ру.

Не найдя ничего лучшего, я на мгновение создал в его черепной коробке источник отнюдь не самого тихого слышимого звука. Мужчина заорал и выронил кинжал — тот с легкостью вошел в брусчатку по самую рукоять.

Неожиданно для самого себя я вспомнил обрывки Отпечатков — те, в которых было заключено понятие жара. И именно в этот момент я прыгнул выше головы. На удар сердца возле своей пасти я создал направленную область жара, слабо наполненной энергией — что-то подсказывало мне, что такой жар быстро рассеется. Но я руководствовался не температурным действием, а воздушным давлением.

Возникший порыв ветра словно ударил волшебника: он вскинул руки и упал на спину. Треуголка отлетела в ночную тьму.

Вся схватка заняла секунд пять, не больше.

Испуганно ахнув, Лира отхватила ножом один из ротовых щупалец, закинула его в сумку и одним движением спрыгнула ко мне. Подскочив, она присела на корточки рядом со волшебником и, не колеблясь, двинула его кулаком в лицо. Упертый волшебник, начавший вставать, наконец-то потерял сознание.

Лира с секундной заминкой вытащила из сумки какой-то камень и прошептала:

— Дух Всех знаний, прошу, пусть этот человек начисто забудет то, что произошло с ним за время, равное последним моим двадцати ударам сердца. Жертвую тебе опал, обагренный моей кровью! Молю тебя, услышь мой зов!

Камушек в руках ведьмы осыпался пылью, а тело волшебника пронзила одиночная судорога.

Она быстро потрепала меня за загривок. Потом выпрямилась, тряхнула головой и, вытащив из сумки пару медных лун, прошептала:

— Дух Длинных теней, укрой и обереги нас. Прошу.

После этих слов тьма вокруг нас неожиданно и противоестественно сконцентрировалась на ладони Леры. Миг — и нет трех монет. Их забрала ночь.

Но теперь я вижу Лиру только как размытый, нечеткий силуэт. Тьма льнет к ней, липнет к ней, размывая фигуру, скрадывая очертания. Гляжу на свои лапы и вижу ту же картину.

— Уносим ноги, Джас!

И мы, незримые и неосязаемые, побежали сквозь ночь, оставляя вырубленного волшебника у тела дракона.

— Что это такое было, Лира?!

Такой был мой первый вопрос, когда мы на последнем издыхании ввалились в дом. Нас встречала растерянная Призрак.

— Это был наш шанс, Джас.

— Какой еще шанс?

— Выбраться из нищеты. Вылечить бабушку, — Лира устало привалилась спиной к стене и сползла до пола. — Возродить оранжерею. И кое-какие наметки у меня уже есть... Вот это, Джас, ты молодец. Ты точно не помнишь, кем был в прошлой жизни? Не бойцом или воином?

В голове иглой прострелили образы воинов в доспехах, странных лысых мужчин, бьющих кулаками камни и каких-то полуголых угольно-черных людей с щитами и копьями.

— Да понятия не имею. Сам не знаю, что на меня нашло! Гару «жар» я вообще не тренировал, она мне и не попадалась почти в Отпечатках...

— Гара? Отпечатки? Гальза тебя все обучает?

— Да, и мне пока удается.

— Рада за тебя, — улыбнулась Лира и устало прикрыла глаза. — А ты вообще молодец. Без тебя меня бы схватили. Судили. И только Дух Времени знает, что бы со мной случилось.

Лира посмотрела на меня с такой благодарностью, что я даже засмутился, право слово.

— Да я просто действовал на инстинктах. Надо было тебя защитить. Кстати, а что это был за дракон?

Ведьмочка фыркнула. Призрак, исчезнувшая из нашего поля зрения, неожиданно появилась вновь — она принесла Лире сэндвич, а мне кусочек уже поднадоевшей ветчины.

— Спасибо, Призрак, — сказал я. Медоносная ограничилась сдержанным кивком и легким трепетанием крыльев, которые, впрочем, все равно подняли легкий ветерок.

— Это был не дракон. Драконы больше, сильнее и мудрее. Это был лунный мотылек. Тварь, прилетевшая с Арвея.

— Арвей — это крайняя правая луна? С металлическими линиями?

— Да, на нее будто оловом накапали. С нее самой. Иногда прилетают оттуда такие мотыльки. Их можно заметить, но путь непредсказуем. Они причиняют разрушения, но сами служат кладезем ценнейших ингредиентов для эфирных путей и алхимии.

— Что еще за эфирные пути?

— Ну, Джас... Пространство между любыми космическими телами заполнено эфиром — таким газом, который ни с чем не реагирует. Живые существа не могут дышать эфиром, и, как будто этого мало, сам он обладает температурой в ноль делений. А это уровень, недостижимый даже для самых лучших никсиалистов. Только мотыльки могут выживать в эфире. И их шкуры, кости и клыки служат отличными материалами для пустотных кораблей. Эфирные пути — это общее название средств перемещения в эфирном пространстве.

Я охренел.

— То есть, ты хочешь сказать...

— У нас есть колонии на трех лунах. Не знаю, что тут глазами стекленеть.

А шустро они. Компьютеры на перфокартах, исследования ближнего космоса и даже лунные космические программы. Хотя тут эфир вместо вакуума. Сонм, лучше бы я попал в средневековье.

— Ты что-то говорила про драконов, Лира. То есть, тут есть драконы?

Впервые я увидел *этот* взгляд Лиры. Он как бы говорил мне: «Ну ты и дурак...».

— Сколько раз я при тебе говорила словосочетание «Драконьи королевства»?

— Ну это Бравия, Фрелья, Нио и еще четыре. Я думал, что это какой-то союз.

— Нет. «Драконьи» эти королевства потому, что ими правят драконы.

О как. Драконократия. Уже почти не удивлен. Тем временем ведьмочка продолжала:

— Мы не знаем, были ли они раньше. Может, они спали, может, они гости из иных реальностей, а может, их создала Язва. Но факт остается фактом — семь драконов проснулись после Битвы Девятнадцати королей. Это я как-нибудь потом расскажу, — отмахнулась от меня Лира. — Пока тебе хватает знать того, что это была чудовищная магическая катастрофа, породившая Горелые земли с Язвой в центре. Язва — это место, где все слои реальности перемешаны в одно. Камни на вулкане Инферно поют из-за танца муз, пока одинокий варага с Червивого дна спасается от самого краешка Ясного Неба, что заглянуло в Язву.

— И драконы...

— Драконы явились сразу после Битвы. Они неожиданно быстро организовали остатки королевств и княжеств на краю Горелых земель, практически бескровно возглавили их и с тех пор правят. Уже как десяток лет.

— Ого, — и сказать-то больше нечего. Только спросить. — А вот насчет тех частей мотылька...

— Государство имеет монополию на добытых в их границах мотыльков. Они прилетают редко. А если на Горелых землях, то весь мотылек твой. Теперь я вор-браконьер, — рассмеялась Лира.

— И тебе не стыдно?

Кот потребовал умыться. Я, впрочем, был не против.

— Да ничуть. Я взяла пять пальцев, глаз, одно ротовое когтещупальце и клык. Ничего действительно существенного. Хотела бы взять крови, но нужна свежайшая рана. И, как ты видишь, — ведьмочка продемонстрировала мне нож с загнутым вбок острием, — Моего ножа оказалось недостаточно. Если тебе мало сведений — у мотыльков суммарно шестьдесят пальцев, пять глаз, от пятнадцати до двадцати ротовых когтещупалец, а зубы у них вообще до глотки идут. Но вот добытое... — Лира довольно улыбнулась, — Например, я сделаю вытяжку из ткани лунного мотылька. Одна бутылка — один палец. Догадайся, сколько стоит у знающих людей.

— Давай сразу.

— Сотня корон.

— Так, — я остановился умываться. — Сотня корон?

— Да.

— Которые медные?

— Да.

Я быстро прикинул в уме. Получалась тысяча горстей. За день работы на заказах мы получали не больше ста двадцати горстей. Это была сумма. Даже, я бы сказал, *сумма*.

— И у тебя пять пальцев? — уточнил я.

— Ага. А еще глаз и когтещупальце.

— Еще не поздно вернуться к мотыльку?

Лира рассмеялась. Это получилось вообще не женственно — она в это время жевала сэндвич. Прожевав, девушка ответила:

— Ложимся спать. Нам нельзя отказываться от заказов и нельзя показывать свалившееся богатство. Я тут на практике, в общем-то...

Следующий день был насыщенным. Мы ходили по заказам все утро, чтобы освободить середину дня. Я уже не стеснялся иногда говорить с Лирой в присутствии других людей. Я тут, вообще, результат Обмена руки, глаза и тела Кальнфаро. Я молодой парализованный волшебник. Так бывает.

В течение дня я получил от Лирой подробную историческую справку.

Битва Девятнадцати королей — ужасающее событие, имевшее место случиться около десяти лет назад. Одиннадцать армий людей с боевыми волшебниками, три племени галгар, два кочевья моннгу, отряд роккулу и две орды разнокалиберных вараг. Все эти, без преувеличения, миллионы сошлись в битве за обладание одним чрезвычайно мощным артефактом, найденным на одной из лун. Итогом стало разрушение трех королевств людей, рождение или пробуждение драконов, уничтожение артефакта, вымирание племени галгар и всех кочевий моннгу, и, как вишенка на торте, порождение Горелых земель и Язвы.

Из Язвы теперь идут неудачные путешественники из других планов. Все они, как один, теряют разум и становятся агрессивными. В Язве наблюдается взаимопроникновение миров — самые разные погодные условия со всех семи миров. И основы миров тоже разные. Можно увидеть действующий гейзерный вулкан Инферно, а потом попасть в снежную бурю Вьюги. Есть и более странные условия. В Шуме нет материи, так что выживание в прорывах этой реальности представляется затруднительным. Про особо трехмерное пространство Завихрений молчу.

Если кому интересно — у нас это высота, ширина и глубина, а в Завихрениях это

высота, ширина и время. Да, по этой оси можно передвигаться, но это в ста процентах случаев сводит формы жизни, отличные от духов, с ума. Или это, или отсутствие глубины. Но рассказать точно некому.

Горелые земли — это пустоши вокруг Язвы, в которых законы волшебства работают очень странно или просто плохо. Все это следствие Битвы — колоссальные объемы выпускаемой Мощи что-то сломали в местных основах мироздания. В этой области растут редкие растения и живут не менее редкие животные, и Горелые земли часто становятся местом паломничества одиночек или групп магов со всех Драконьих королевств. Естественно, это крайне небезопасно, и для этого нужен Черный сертификат.

Все это в подробностях мне рассказали во время наших заказов. Только что там был за артефакт, Лира не знала.

После заказов Лира зашла со мной в лавку алхимической гильдии, и на солидную для нас сумму оформила заказ на семена редких трав и специй. Уже строит планы на полученные деньги.

Лира поступила умно, разговорившись с продавцом и поясняя, что сумела отложить с заказов. Надеюсь, эта информация задушит слух о том, что юная ведьма набрала семян на полтысячи горстей.

Последним гвоздиком программы стало посещение почты, где Лира отослала кому-то письмо. Интересно, кому?

Как только мы вернулись домой, Лира достала из особого алхимического холодильника (там работал маленький дух времени из Завихрений) все ингредиенты, полученные с мотылька, и заперлась в лаборатории. Я же пошел тренироваться с огнем — мне еще плазменный поток оттачивать.

Следующие несколько дней были простыми. Мы выполняли заказы, раз за разом брали у мадам Анви липкую гадость, я готовился к постижению новой гары. Плазмы у меня еще не выходило, но вот поток огня был вполне неплох. Ради эффективности я выпускал волну багрового огня Инферно только из пасти. У Лире настаивались вытяжки из пальцев, настойка на когтещупальце и уже почти неделю томилось особое зелье, основным ингредиентом которого был глаз мотылька. Фелиция постепенно возвращала массу, а Призрак чаще со мной играла.

В тот прекрасный день мы с Лирой в алхимической лавке получили объемный бумажный сверток с десятками конвертиков с семенами самых разнообразных растений. Придя домой, Лира сверилась с часами и завела со мной разговор.

— Джас.

— Да? — я пытался прочесть надписи на бумаге пакета.

— Я собираюсь немного переформатировать мой род деятельности.

— И как же?

— Я открою частную алхимическую лавку.

Ого, вот это амбиции.

— И как же ты планируешь все воплотить?

— Детали потом. Две главных идеи — лавка будет прямо здесь, и нам потребуется персонал. Одна особа уже на подходе.

— Так и знал, что ее запах мне не почудился, — недовольно громыхнул Гальза из-за решетки.

— Лира, что происходит? — я напрягся.

— С десяток дней назад выпустилась моя драгоценная подруга, волшебница. Мы с детства вместе. Так уж совпало, что ее отправили на практику в этот город. И ее навыки нам будут как никогда кстати.

Что-то это подозрительно.

— Она прибудет сегодня, Джас. Я вас представлю. Пока занимайся, а мне надо приготовить ужин.

— Я думал, что ты наймешь кухарку или горничную...

— Это успеется. Я на кухню.

И Лира исчезла. Я же остался в растерянности. Коту не понравилась идея терпеть новичка на своей территории.

— Гальза, — позвал я решетку.

— Да, кот?

— И как же ты согласился на перемещение лавки в этот дом?

— Ну, во-первых. Около кухни находится дверь, за которой есть неиспользуемая гостиная, — я знал, что она там находится, но никак лапы не доходили попросить Лиру отпереть мне дверь. — Лира планирует сделать лавку там. А во-вторых...

Неожиданно со стороны лестницы донесся поток жара, и в гостиную величаво вошел Гальза.

— ...тут я буду за Лиру куда спокойнее, — с клыкастой улыбкой закончил галгара фразу.

— Ясно.

Галгара никуда не собирался уходить. Он одним взглядом развел в камине слабый огонь и свернулся в исполинский чешуйчатый клубок около моего кресла. Мне не хотелось на улицу, так что я просто уселся в это же кресло и расспрашивал галгару о Инферно и его культуре. Было довольно интересно.

Вот вы знали, что у них валютой были куски алмазов, найденные в глубине Мерцающего океана? Что в самом океане есть прохладные воздушные потоки, которые остужают раскаленное железо до обычного металла — и в океане дрейфуют айсберги из стали? Что у галгар в крови кузнечное дело? То есть — любой человек худо-бедно, но сможет приготовить вкусное блюдо, кашу там или похлебку, но кузнечному ремеслу надо учиться много лет. А вот у галгар наоборот — абсолютно любой галгара сможет выковать вам почти все, что угодно. Но вот повара у них — почетная и нечастая профессия. Вот и я не знал.

Я же рассказал ему о моей битве с волшебником. Гальза сначала напрягся, аж чешуя дыбом встала. Однако, выслушав мой рассказ, он всецело одобрил мои действия. Сказал, что я замечательно управляюсь с гара, и отдельно отметил спонтанное освоение ррам. Посреди разговора появилась Медоносная и начала прибираться. Она просто водила руками, пыль скатывалась в шарики, и их уносили прозрачные пчелы. Удобно.

Удивительно, но я впервые увидел взаимодействие Призрака и Гальзы. Они были знакомы, и даже удивительно тепло относились друг к другу. По крайней мере, на лице Призрака я увидел отчетливую улыбку. А как смеялся Гальза, когда Кот в моем лице начал прыгать за фантиком на шнурке... Нет, я серьезно, слышали бы вы. Там бы как не поседеть.

Ага, смешно ему. Сам бы попробовал совладать с таким комком гормонов и навязчивых желаний.

Именно на этом моменте раздался стук в дверь. Моментально исчезла Призрак.

Секунды спустя из кухни, в облаке пара и запахов еды, вылетела Лира.

На бегу она смяла пару листиков, отдавая сумбурные приказы безымянным диким духам — ее одежда разгладилась, очистилась от случайных пятнышек, волосы приобрели пушистость. Вынув из кармана карандаш, двумя отточенными движениями Лира подвела себе глаза. Удобно быть ведьмой.

Мы с Гальзой, переглянувшись, поспешили к прихожей.

Девушка подбежала к двери, заглянула в глазок, улыбнулась и отворила дверь. В прихожую, улыбаясь, вступила самая необычная виденная мной особа.

Изумрудного цвета треуголка — символ волшебника. Волосы, забранные в десяток косиц и убранные в хвост, спускающийся до плеч, кончики выкрашены под цвет шляпы. Яркие голубые глаза, тонкие губы, витиеватый красный узор на лбу, спускавшийся по переносице и вискам. Одета как картинный охотник — зеленый кафтан,

оливковые брюки, высокие сапожки. В руках по кожаному чемодану. На поясе висят два кастета. В мечущийся хвост, около кисточки, вживлен странного вида прямой штифт с зубчиками. Пахнет от девушки древесным соком, растениями, землей, бумагой, картоном и чернилами.

— Джаспер, знакомься, это моя лучшая подруга, самая опытная арбористка своего курса, Гиз!

— Ой, какая милая крыска!

Глава 6. Замок Черного барона

— Ау-у-у...

— Терпи, Гиз. Джас не любит, когда его называют крысой.

— Это повод меня царапать?

— Этот котенок может быть ершистым, — ухмыльнулся Гальза.

Лира промывала водой неглубокие царапины на руке Гиз. А нехрен меня за уши тягать.

— А ты сразу же тискать полезла, — с укором произнесла Лира.

— Ну он же милый.

Как же эти хвостатые двуногие надоели со своей крысой. Неужели меня можно спутать с этим? У нас из общего только голый хвост. Я уже больше крысы, у меня другая форма морды, голубые, в конце концов, глаза. Шерсти нет.

Оу. Кажется, это было вслух — Гиз побледнела, упала на диван и округлила глазки.

— Лира, он как...

— Да, он как Ранф. Мне ужасно повезло. Или это особенности крови.

Гиз, немного успокоившись, посмотрела на меня уже заинтересованно. Интересно, кто такой Ранф?

— Извиняюсь, господин, не была осведомлена о вашем статусе, — ого, как официально. Если так будет продолжаться, то мы с ней поладим. — Приношу извинения за тисканье ваших ушей. Осмелюсь заметить, что выглядите вы крайне необычно, в самом положительном ключе этого слова. Позвольте представиться, Гиз из рода Гиз.

Сколько меда в мои кошачьи уши. Аж приятно стало. И неловко за царапину. Самую чуточку.

Я кивнул, подобрался к дивану и залез ей на колени. Пахнет землей, травой и потом. Она на лошади каталась? Да нет, лошадью не пахнет.

— Извинения приняты. Я Джаспер из незнамо какого рода. Позвольте поинтересоваться насчет вашего странного имени. Оно совпадает с фамилией?

Гиз очаровательно улыбнулась, но мне почти что стало холодно. Что-то жуткое скользнуло в улыбке. Сразу же пожалел, что залез ей на колени.

— Я откажусь отвечать на этот вопрос. Я Гиз, и прошу звать меня так.

— Что, тоже похолодело в животе? — понимающе усмехнулась Лира. — Гиз терпеть не может свое имя. Мы познакомились с ней в университетском лазарете — я отравилась испарениями одного яда, а она попала туда после драки.

— Драки?

— Ага. Один парень все звал ее по имени. Она отправила его в городскую больницу, а сама легла в лазарет. Тебе же два шва наложили?

— Да. Тот сонитист был хорош, и в двух местах пропорол мне бедро. Сам же с переломанными руками уехал в город.

— Данная бесшабашная особа четыре раза дралась с учениками, один раз вызвала на дуэль преподавателя. И это за первый курс. На втором все звали ее по фамилии.

— А ты хоть сама знаешь, как ее зовут?

— Конечно, — кивнула Лира. Гиз скрипнула зубами. — Подсмотрела в медицинской карточке. Мне хватило ума не называть ее по имени. Полагаю, это стало залогом нашей дружбы.

— Это и твои замечательные припарки, — подтвердила Гиз. — А уж потом я разглядела в тебе прекрасного человека.

И две девушки рассмеялись.

— Дамы, спасибо за пояснения. Гиз, предлагаю союз на почве ненависти к людям, которые неправильно нас называют. Ты Гиз, а я не крыса.

Гиз рассмеялась еще раз.

— Так начинаются великие союзы! — и она пожала мне лапку.

Да, мы определенно сработаемся. Всего лишь надо перестать планировать, как выведать у Лиры имя Гиз.

— Давайте пройдем за стол, — обратилась к нам Лира. — Гальза, тебя это тоже касается. И, конечно же, вас, Медоносная. Поедим и обсудим наши грандиозные планы.

— Твои грандиозные планы, Лира, — кивнула Гиз. Она дождалась, пока я спрыгну с ее колен, и потом встала. Кажется, эта особа действительно знает цену уважению...

За столом собрались почти все — не хватало Фелиции. В углу кухни, слишком большой для стола, свернулся Гальза. Он зажал в нижних руках сильно пережаренное, до угольной корочки, говяжье бедро. Верхними галгара отрывал от ноги небольшие кусочки и кидал их себе в пасть.

Все остальные расположились за столом. Явно голодная Гиз уплетала гуляш, Лира налегала на салат из свежей зелени, я глодал едва прихваченные огнем куриные крылья. И не надо смеяться над моим высоким стулом с подушкой и кукольному сервизу, ладно? Я тоже хочу сидеть вместе со всеми. Медоносная же сидела с нами и с легко трепещущими крылышками пила теплую подслащенную воду.

Лира, доев салат и придвинув к Гиз поближе супницу с гуляшом внутри, начала речь.

— Итак, друзья и подруги. Я собрала вас здесь для важного заявления. Я хочу открыть свою алхимическую лавку. Согласно моим планам, я бы хотела использовать вторую гостиную. Бабушка все равно сейчас не ведет приемы. Мы оборудуем прилавок, несколько витрин, также я переоборудую комнату садовника под лабораторию Гиз, — у Гиз есть лаборатория? — Создавать препараты я буду в своей алхимической лаборатории. Однако, для хранения готовой продукции и заготовок нужно дополнительное помещение. Медоносный Призрак, с твоего позволения.

Призрак оторвалась от глиняной кружки с тонкой медной ручкой и медленно кивнула.

— Благодарю тебя. Гиз, на нас с тобой сад. В свободное время постараюсь помогать с твоим проектом. Может, раз-два в неделю будем ходить на заказы.

— Принято, шеф, — козырнула Гиз, наконец-то накалывая на вилку не мясо, а какой-то голубоватый помидор из салатника.

— Гальза, на тебе все по-прежнему. Обеспечение поместья и его безопасность.

— Согласно контракту с Фелицией Белый мор, — прогудел галгара.

— Джаспер, на тебе, соответственно, поддержка меня и тренировки. Может, это что-то даст.

— Какие еще тренировки? — нахмурилась Гиз.

— У Джаспера есть еще одна маленькая особенность. Он инферналист.

Гиз снова округлила глаза. Чтобы впечатлить ее еще больше, я выдал крошечный всполох огня. Блондинисто-зеленые косички волшебницы забегали в вихре из-за бешеной тряски головой.

— Как... — Гиз задыхается, помогите ей. — Как...

Я пожал плечами. Лира фыркнула — ей этот мой жест казался донельзя смешным.

— Гиз, я прибыл из немного другого мира, — я очень сокращенно передал ей историю о моем чудесном превращении в кота. — Поэтому я вспоминаю странные вещи, имею разум, говорю и пользуюсь Мощью Инферно. С помощью этого милого галгары, — я кивнул на Гальзу.

— Лысый кот, который учится по Отпечаткам, — покачала головой раскрасневшаяся девушка. — Похоже на начало сюрреалистической истории.

— Это она и есть, — вздохнул я. — К слову, насчет тренировок. Мне уже тесновато на той песчаной площадке. Тут нет островка в реке? Или чего-то похожего?

Лира задумалась. А вот Гиз усмехнулась.

— А как же замок Черного барона?

— Гиз, никто туда не ходит, — часто закрутила головой Лира.

— Да. Особенно вход воспрещен двум десятилетним девочкам — ведьме и арбористке.

Лира немного покраснела.

— Ты уже тогда начинала учить фрельядар. Я чувствовала себя в безопасности.

— Так, — встрял я в разговор. — Что за замок? Что за фрельядар? Что за арбористы?

— Гиз, у этого котика всегда много вопросов. Итак, начнем с арбористов...

— Лира, если мы все, то я пойду обратно к себе в котел, — заговорил галгара, заканчивая обдирать мясо с костей. — Спасибо за мясо, великолепная прожарка. Гиз, рад тебя видеть после такого перерыва. А тебя, кот, я жду завтра.

— О, Гальза, давай завтра еще спарринг со мной! — встала Гиз. В ее глазах плясали искорки.

— Посмотрим, чему ты научилась, — кивнул галгара, кинул в пасть кость с остатками мяса, одним движением челюстей с хрустом ее разгрыз, потянулся и, встав на шесть конечностей, плавно утек из кухни. Кивнув нам всем, испарилась Призрак. Мы остались втроем.

— Итак, арбористы, — Лира продолжила лекцию. — Волшебники, чей домен — Солнце и Луны. Лучше всего у них получается обращаться с физикой нашего мира, растениями и металлами. Из особых примет — все арбористы делятся на два пути — зеленый и серый. Почему-то волшебники, родившиеся днем, особо предрасположены к работе с растениями, а те, что ночью — с металлами. Гиз родилась в полдень, — улыбнулась Лира.

Гиз продолжила:

— Я с факультета магемагии. Изучаю вопросы культивирования растений-гибридов. Моя гордость — одомашненное древо Лайун.

— Так ты все-таки его одомашнила? — захлопала в ладоши Лира.

— Да. Материнское дерево в спячке, в нашем поместье. Более того, я вырастила первую дрию и взяла ее с собой. Она сейчас исследует сад.

Зря она это сказала. Кот злобно зашевелился и начал водить носом в сторону котохода.

— Я даже семечко взяла с собой. Ну как, семечко, там даже не косточка, — улыбнулась Гиз, вновь потрянув зелено-золотыми косичками. — Вот, глянь. Маю! — резко крикнула Гиз.

Спустя какие-то десять ударов сердца по моему котоходу взобралось нечто.

Размером точно с меня. Полное тельце, спина, покрытая корой и мхом, вытянутая неподвижная морда, чем-то похожая на морду муравьеда, и выпуклые полусферы черных

глаз. Вся в буро-оливковых цветах. На коротких лапках ужасающе острые когти — их хищный блеск нетрудно заметить. Пахнет от этой штуки, как от салата.

Стоит ли говорить, что мне пришлось проявить чудеса самоконтроля и не зашипеть на это? Ну почему каждый раз я вижу не обычных, нормальных людей, а какую-то непонятную хрень (прости, Гальза)?

— Это Маю, дрия-боец прирученного Лайун.

— Маю? Это не «коготь» на фрэй? — переспросила Лира.

— Коготь, — напряженно кивнула Гиз. — Лира, Джаспер сейчас бросится на него.

Как жаль, что Кота нельзя посадить на поводок или запихнуть в клетку. Было бы кстати.

Судя по запахам, эта хренька пытается претендовать на мою территорию. Мою территорию!

Лира вскочила и умело — не в первый раз — спеленала меня полрой фартука. Я как мог старался не сопротивляться.

— Гиз, лучше не пускай Маю на территорию. Ты хочешь высадить дерево?

— Да, я думала сделать это где-то в саду.

— Дерево Джас, может, и потерпит, но Маю точно нет. Духи Червей, даже я нервничаю, когда вижу дрию-бойца без клетки.

— Да ладно вам, — возмутилась Гиз. — Он ручной. Немного дерзкий к чужим, но точно ручной. Сейчас что покажу! Маю!

Хренька с ничего не выражающей мордой подошла к Гиз и забралась к ней на колени. Кот взвыл от бессильной ярости. Волшебница только погладила дрию по мху на спине. Неожиданно дрия словно бы втянула глаза внутрь, прикрыв их полупрозрачными мембранами. Столь же неожиданно она стала милой, и Кот резко успокоился.

— Она обладает каким-то странным влиянием через глаза. Я заметила слабые токи природной Мощи через них. Если их нейтрализовать, то он перестает быть таким злобным. Это можно сделать поглаживанием — ему нравится тепло, а также вот так, — Гиз извлекла из кармана солнцезащитные очки с толстыми дужками и нацепила их на Маю.

Маю стал (или стала?) выглядеть... круто. Не опасно, а просто мило и круто. Растительный муравьед с телом, как у свинки. Даже когти стали выглядеть обычно — как мои, в общем-то.

— Действительно, не выглядит опасным... — протянул я.

— Я тогда не буду снимать блокаторы с Маю. Пускай так ходит.

Да, так ему намного лучше.

— Гиз, — обратился я к волшебнице. — Потом расскажешь про это дерево?

— Конечно. Теперь мой черед: замок Черного барона. Неподалеку от нас находится заброшенный замок, некогда принадлежавший одному барону. После десятка лет его воцарения выяснилось, что он является червивым. Родители покрывали отпрыска. Так ладно бы просто червивым — молодой барон продал тело и душу могущественным варага. Круг Черведавов осадил замок и убил барона и его приспешников. Крестьяне разбежались по окрестным селам, и владения Черного барона были заброшены, причем давно — еще до Битвы Девятнадцати.

— Ну а фрельядар, — подхватила Лира. — Гиз с самого раннего детства увлекается культурой соседнего Драконьего королевства, Фрельи. Она говорит на фрэй, имеет свой горный топорик и с одиннадцати серьёзно занимается особой школой ближнего боя — фрельской, так и называется. На их языке и будет фрельядар.

— Мне действительно нравится их суровая, но поэтичная культура, — романтично вздохнула Гиз.

— Тогда культура галгар должна привести тебя в восторг.

— Их культура основана на личной силе, — поморщилась Гиз. — Я безмерно уважаю их культуру и общество, но Фрелья мне больше по душе. В качестве приятного дополнения — во Фрелью можно съездить, а вот в Инферно...

В тот день было еще одно важное происшествие — к воротам поместья подъехала небольшая телега, груженная деревянными коробками. Пока Лира поила ошеломленного возницу чаем, галгара перенес все вещи в дом, каким-то сверхъестественным образом умудряясь не попадать на глаза чужому.

Я же в это время исследовал вторую гостиную, в которой наводила порядок Медоносная.

В целом ничего особенного — такая же площадь, такие же темно-зеленые обои, столик, два дивана, четыре кресла и шкаф с книгами. Исследовать-то нечего. Еще до конца дня один из диванов и два кресла с помощью Гальзы перенеслись в основную гостиную, а еще два кресла исчезли — позже я нашел их в комнате Леры.

Остаток дня Гиз с помощью Леры наводила свои порядки в комнате садовника — убрали в пристройку метлы и грабли, вычищали и мыли полы, утепляли окна (Гиз просто заставляла высушенное дерево оконных рам расти, заполняя собой промежутки и закрывая трещины).

Потом настал черед коробок. Гиз доставала из них металлические приборы, блоки, коробки, пульта управления, даже одну клавиатуру и папку с перфокартами. Поздно ночью она закончила собирать — вся комната была уставлена различными приборами и счетчиками, а две стены из четырех скрывал, как выразилась Гиз, компактная сборка счетной машины Альмори.

Мда. Матемагия в действии.

Следующий день — у Леры был выходной — девушки занялись воскрешением оранжереи, а я пошел на сеанс Отпечатков к галгаре.

Гальза уже ждал меня около своего котла. Краткое приветствие, и я лижу кровопламя.

— Итак, — быстрый укол в бедро, — сегодня у нас арса, коготь.

И горячая ладонь опустилась на мою голову.

Мои когти рубили скалу. Смутно блестящие, острые как бритва, они врезались в крошащийся базальт и вырубали целые пласты осколков. Меня душила ярость за поражение...

*

Воткнув когти глубоко в загрибок речного унну, я ухватил его за хвост и, натужившись, порвал на две части. Среди потрохов был и смертельно опасный каменный пузырь. Хорошо, что он выпал. Теперь можно отнести мясо к лавовому гейзеру и хорошо его пропечь.

*

Гракка был готов к сражению, но я подготовился лучше Гракки. Мое знание вагарр только усилилось с прошлого раза. Мои арса наточены об обсидиан Клыкастой глотки. Мы сближаемся. Он выбрал атаку с четырёх сторон — его руки раскинуты по четырем сторонам. Я выбираю три. Благодаря точечному воздействию через вагарр я смогу отражать его атаки.

Мы приоткрываем пасти. Я внимательно пробую на вкус отражения его мускул. Хвост чуть ярче-сладковатее, и Гракка двигает хвостом. Левая верхняя рука кислеет — он не будет атаковать ею. Ноги взрываются сладостью!

С грохотом покрытой гангат чешуи мы сошлись в битве. Тут нет места описанию и поэзии — это чистое насилие. А галгары вылезли из океана расплавленной стали для того, чтобы стать королями Инферно. Галгары рождены, чтобы драться.

Удары отбивают чешую от кожи, когти вспарывают жилы, кровопламя хлещет во все стороны. И моя тактика дает успех — заблокировав три его руки и сломав четвертую, я ударом хвоста ломаю ему ногу. Он падает на колено. Я резким движением челюстей впиваюсь ему в плечо. Левое слуховое отверстие глохнет от рева боли и ярости.

Три раза плотнув его кровопламени, я откидываю тушу Гракки на камни. Он все понимает.

Срываю с него нагрудник. Пробегаю глазами по гара. Выбираю аулус.

Мои арса выдирают не клочок его мяса, а гара; я забираю не мясо, а силу, саму возможность повелевать аулус. Сегодня я стану хозяином серного ветра.

С комком мяса Гракки *серный ветер* входит в меня, наполняет огнем мышцы. Оторванный палец возвращается на место, словно и не исчезал.

Победа отражается на моем теле появлением третьей строки.

Всего два рвотных позыва. Хороший результат.

Галгара дал мне отдышаться.

— Сегодня я показал тебе арса. И то, как появляется третья строчка в наших гараур.

— Да, такое не забывается.

— Есть два способа заполнить третью строчку. Первый — ты в бою отнимаешь у галгары его гара, запиваешь кровопламенем, и обретаешь всю полноту сил. Второй — галгара сам отдает тебе свой гара. Он своим кровопламенем чертит его на тебе, и делит между вами его силу. Все просто — и ты, и он можете использовать гара, но у каждого из вас он стал немного слабее. Кроме того, мало какой галгара согласится отдать свой гара.

— Как у вас все сложно...

— А то, кот. Ну что ж, — Гальза поднялся с пола и встряхнулся под грохот своей чешуи. — Пошли на улицу. Хочу глянуть на новые навыки Гиз.

— А ты ее с детства знаешь? — я заторопился вслед за галгарой.

— Ну да. Я сел в здешний котел незадолго до Битвы Девятнадцати. Лире уже было лет семь. В то время поместье было совершенно в другом месте, и нашими соседями как раз были Гиз. Хозяева небольшого заводика по производству дорогой одежды. Ну и Лира подружилась с дочкой хозяев поместья, юной Гиз.

— А имя ты мне не скажешь?

— Когда ей было пятнадцать, я назвал ее по имени. Она тут же запросила дуэли, и в ярости сделала мне выщерблину на обломке рога! Я и так с трудом переживаю его отсутствие, а тут еще и выщерблина!

Действительно, на обломанном роге есть крохотная выбоина. Меньше наперстка.

— Так что называть Гиз по имени себе дороже. Запомни это, кот.

Мы вышли во двор. В оранжерее копошится две тени.

— Гиз! — рыкнул Гальза. — Ты хотела схватку.

Из оранжереи тут же высунулась зелено-золотая голова Гиз.

— Я уж думала, ты забыл, — Гиз вышла, сняла бурый от земли фартук, вынула из кармана что-то похожее на вафельницу и начала закреплять ее на хвосте.

— Да как я мог, — ощерился доброй сотней клыков галгара.

Гиз с помощью штифта в кончике хвоста закрепила странную штуку — груз, похожий по форме на яйцо и полностью скрывающий кисточку. Потом Гиз вынула из карманов массивные кастеты — не те, что я видел вчера. Те были обычными кастетами, которые я помнил еще по своему миру. А эти были скорее как удачный компромисс между плотными кожаными перчатками, латной рукавицей и железной скульптурой ежа (настолько много шипов там было).

Гиз встала напротив Гальзы, подняв руки вверх и прикрыв нижнюю челюсть. Хвост она изогнула дугой так, чтобы гирька пряталась за затылком.

— О, это что-то новенькое? — пророкотал Гальза. — Обычно гирю ты держала внизу.

— Ну надо же тебя удивлять.

— Только давайте без проломленных стекол в оранжерее, — из стеклянного сооружения вышла и Лира, обтирая руки грязной тряпкой.

Галгара, всегда полусогнутый, неожиданно распрямился, и меня прошиб пот. Только под ярким солнцем этого плана было понятно, какими чудовищными существами являются гости из Инферно. На три головы выше любой из девушек, шире их и на центнера эдак три тяжелее. Четыре мускулистые руки, заканчивающиеся смертельно острыми когтями. Грозные челюсти и напряженный, холодный взгляд четырех янтарных глаз.

Я даже не успел моргнуть, как начался спарринг. Гиз молнией метнулась к галгаре. Он без труда взмахнул двумя верхними руками, ладони сжаты в кулаки. Гиз ударами по касательной отвела их от себя. Ее хвост дернулся, и в челюсть галгаре прилетела явно нелегкая гирька. Голова Гальзы дернулась.

— Ух! А ты не шутила, когда говорила, что стала сильнее.

— В городе я сменила четырех преподавателей, — Гиз отпрыгнула на безопасное расстояние. — И все они были фрельянцами.

Гальза сжался и оттолкнулся от земли хвостом, оставив глубокую рытвину. Гиз совершила умопомрачительный прыжок в сторону, но тут Гальза использовал козырь. Он встал на четыре опорные конечности и начал атаковать только двумя. С помощью четырех лап он с легкостью менял стойки и уворачивался от редких контрударов Гиз.

Галгара теснил волшебницу к саду. Внезапно Гиз нырнула под хук правой, зацепилась рукой за локоть Гальзы и одним махом вспрыгнула ему на плечо. Взявшись за обломок рога для устойчивости, она два раза тыкнула шипами на кастете ему в область щеки. Гальза остановился.

— Ну и хитра.

— А то. Ты больше меня, но я более гибкая.

Они еще какое-то время продолжали сражаться, и я увлеченно следил за поединком молодой арбористки и могущественного четырехрукого ящера из пылающего мира.

Ближе к концу дня я впервые познакомился со Стрижом. Оказывается, в прошлом ведьмы в этом мире летали на метлах. Для меня это казалось логичным. С наступлением нового века ведьмы летали в комфортабельных ступах-кабинках. Я серьезно.

Нечто вроде круглой бочки без крышки, расширяющейся кверху. Мягкое сиденье, куда поместятся два человека. Под скамьей место для сумок. И на корпусе около «водительской»

части скамьи было кольцо хитрой формы, куда надо было вставлять заговоренную метлу. Таковая у Лиры нашлась.

Это был ее Стриж, купленный ее родителями за успешное окончание университета. И юной ведьмочке не терпелось сесть за штурвал этого красавца.

Я же сидел в лёгком ступоре от того, что ведьмы летают в ступах. Я бы хотел сказать, что я охренел, но, во-первых, я уже начал привыкать, а во-вторых, это тоже казалось вполне логичным.

Мы уселись на сиденье, и Лира закинула в какой-то лючок мелкие клочки белой ткани — подношение духам ветра из Вьюги. На щедрый дар обязательно кто-нибудь откликнется.

Не прошло и минуты, как ступа плавно поднялась в воздух. Лира немного порулила ступой, привыкая к управлению, а потом неожиданно шустро вылетела из сарая и принялась набирать высоту.

Кот взвыл от ужаса. А это еще он за бортик не смотрел...

— Лира... Что-то мне нехорошо...

— Вот знаешь, Джас, — мечтательно протянула Лира. — Ты же в курсе, что у любой девушки есть странность?

— Э-э-э, — прохрипел я. Кажется, Джаспер тоже впадает в панику.

— Я стараюсь жить размеренно и неспешно, — сейчас она скажет «но». — Но когда я сажусь за руль таких вот воздушных средств, в голове моей только одна мысль.

— Какая? — спросил я, не желая знать ответа.

— А какая максимальная скорость у этой штуки? — голос Лиры был странно задумчивым.

И тут она вынесла метлу вперед так, что кольцо терлось о связку прутьев. Ветер тут же засвистел в моих ушах. Скорость выпрямила вьющиеся локоны Лиры.

Девушка засмеялась, откинув голову назад и подставляя лицо прохладному вечернему ветру.

Тут Кот резко смирился со своей судьбой, поймал дзен и пожелал выглянуть за бортик.

Ну ладно. Только давай-ка мы всадим коготки поглубже в дерево... да, вот так...

От зрелища захватывало дух. Под нами проносилось изумрудное море листвы, а на горизонте загорались огни Асмина. Далеко впереди росли низкие каменные стены.

Уже через пятнадцать минут мы плавно приземлились на каменной площадке замка. Мы выбрались из ступы.

— Мои похвалы водителю.

— Спасибо, — щечки Лиры неожиданно стали пунцовыми. — Мало кто понимает мое увлечение.

— На самом деле классно. Мне понравилось.

Тут я не кривил душой. Лира действительно хорошо вела Стрижа. Мне не с чем сравнивать, конечно, но все, кроме взлета, мне понравилось.

— На Стриже недалеко, — Лира потянулась, закинув руки за голову. — Можно хоть каждый вечер сюда летать. Место обладает дурной славой, да и, к тому же, глубоко в лесу. Никого здесь не бывает.

Я крутил головой, осматривая замок.

Когда-то это было величественное сооружение, центр баронства. Его сердце. Теперь же...

Замок был в глубоком запустении. Древние каменные стены рассыпались из-за

рассохшейся известки, площадь поросла травой, в неработающем фонтане застоялась вода. Пахло стариной — плесень и мох. Немного пахло крысами и мышами, слабее — сильной птицей.

Замок был интересно спланирован — первая площадь перед массивными, ныне выбитыми, воротами, две широкие лестницы на вторую площадь, уже повыше. На первой площади у стен грудились руины хозяйственных строений и гнили остатки торговых навесов. За второй площадью находился монументальный донжон замка — тоже с выбитой дверью и следами копоты на стенах над окнами. На башне росло неизвестное мне дерево с широченными листьями.

Замок Черного барона. Древнее кладбище амбиций вермиалиста, переставшего быть человеком.

Не сдерживаясь, я выпустил струю огня. Она получилась втрое длиннее, чем я мог позволить себе в саду у Лиры. Девушка восхищенно ахнула, посмотрев на язык пламени, который пересек почти половину первой площади.

Жар тяжело ворочался в венах, но я был доволен.

Это место отлично подходит для моих тренировок. Да и Коту уже не терпится обследовать новую территорию.

Глава 7. Алхимические снадобья Фольди

И снова начались размеренные дни. Мне, а Коту в особенности, нравилось, что жизнь течет так неспешно и чинно. Каждый из жителей нашего поместья нашел себе дело по душе.

Лира, помимо заказов и усиленных занятий алхимией, заходила в алхимические лавки и смотрела на цены, заказывала мебель, даже кассовый аппарат нашла. Кроме того, она нашла покупателей на две склянки с вытяжкой из плоти мотылька — оба раза я сопровождал ее. Встречи были в стиле детективных романов — в глухих подворотнях нас ждали неприметные люди в рубашках и легких плащах. Лира, одетая как самая обычная девушка, передавала склянку с мутной розовой взвесью, а взамен получала кошель с звонкими монетами. До купюр, тут, похоже, не дошли.

Гиз была разносторонней особой, как я выяснил по ее повседневным занятиям. Я видел ее в четырех состояниях.

Первое состояние было после легкого завтрака и поздно вечером — Гиз занималась спортом и обработкой ударов. На тренировки, включающие в себя все — от бега до подтягиваний на специально приращенной к дереву ветке, Гиз одевала особый костюм из шерсти, который Лира с легким румянцем называла «неприличным». Что тут неприличного, не знаю, но удивительно тонкую фигуру юной волшебницы он очерчивал вполне четко. Было бы что, правда, очерчивать — девушка вышла худой и высокой, и упражнения не заставили ее мышцы расти в толщину. Зато лежать на коленях Гиз было так же, как и на столе — твердо.

Второе состояние — Гиз снимала шерстяной костюм, надевала брюки и рубашку и шла к компьютеру. Там, около большого металлического стола и грифельной доски, она проводила время примерно до трех — все рассчитывала пугающе выглядящие формулы, клала на столик различные растения и много, много пела. Пела вполголоса. И знаете, волшебница являлась талантливой девушкой — математик, арборист, естествоиспытатель, боец, но пение к ее талантам не относилось. А жаль.

Третьим состоянием было состояние после обеда — арборист закалывала двуцветные косы в пучок, надевала перчатки и фартук и шла в сад. Там она приращивала ветки от одного растения другому, ускоряла рост отдельных растений и пыталась придать им новые свойства. Зачастую самые бесполезные. В этом деле явно были свои сложности, потому что на мою просьбу сделать синюю розу Гиз пожалала плечами и щелкнула пальцами, после чего роза тут же поменяла цвет. А вот над тем, чтобы заставить розу пахнуть фиалкой, она билась целых пять дней. До экспериментов с цветами Гиз за три дня превратила оранжерею из пустыря в настоящее буйство зеленого цвета. Там было столько разных запахов, от приятных до отвратительных, что я больше не заглядывал в оранжерею. Это было небезопасно для моего носа.

Нужно сказать пару слов о тех, кто (или что) приехал с Гиз: древе Лайун и об одном несносном, бесшабашном пеньке — Маю. Оказалось, что древо Лайун иногда встречается в Горелых землях, имеет склонность экспансивно захватывать новые территории и защищать их. Удивительное творение Язвы было экосистемой само-в-себе: около дерева с кроной удивительного сапфирового оттенка росла такая же сапфировая трава, а неподалеку синие кустики, на которых зрели дрии. Дрия — это такой внешне забавный гибрид пенька и собаки. Бывают нескольких типов — от работниц, что носят перегнутой к деревьям до бойцов,

которые являются основными поставщиками перегноя — они перерабатывают на него существ, посягнувших на земли, занятые корневой системой Лайун. Попросту говоря, когда Лайун обороняют свои земли, то заодно получают и подкормку. А так как в Горелых землях глупые существа не выживают, и мало кого интересует приближаться к во-он той синей рощице, то дрии-бойцы часто сбиваются в своры и идут на добычу столь необходимой древу мертвой органики. Лайун является одним из многочисленных бичей Горелых земель.

Подвиг Гиз состоит в том, что на выпускной проект она представила то, что готовила целый год и за чем отправилась в Горелые земли — одомашненное дерево Лайун. Пусть и оно не обладало склонностью к захвату территории, пусть потеряло синий цвет листвы, но ни работницы, ни бойцы не проявляли агрессии к людям. Более того, как выяснила Гиз на примере единственного выросшего бойца, бывший бич этих земель имел способность к привязанности и манерами походил на очень эксцентричную собаку с ампутированным чувством самосохранения. Этого бойца Гиз назвала Маю.

Собственно, я быстро подружился с этим чудом. Маю, при условии, что на него надеты крутецкие очки, являлся жизнерадостным существом с неутолимим желанием познания нового и строгими территориальными рамками. Естественно, он выбрал мое поместье. Но его метки и он сам, повторюсь, пахли как салат из свежих овощей, так что Кот не возражал. На кормовую базу, мышей, Маю тоже не претендовал (ему хватало выпустить из брюшка десятков длинных корней и полчаса полежать на одном месте). Более того, с появлением Маю полностью исчезла проблема бродячих котов — пенек просто-напросто выпинаывал их с территории своим узким лбом. Очевидно, Маю понимал опасность своих когтей, а они и вправду были острыми.

Джаспер присматривал за поведением этого смешного чурбачка, а Кот нашел нового сторонника в своих играх. Иногда, ради веселья, я отдавал бразды правления Коту. Маю и Кот, не сговариваясь, поочередно устраивали засады друг на друга, носились по саду и шутливо боролись. Наигравшийся Кот словно засыпал, а я вновь чувствовал себя настоящим повелителем этого лысого тела.

Нужно упомянуть, что у нас на самом краю поместья уже всходил маленький оливковый росток нового Лайун.

Четвертое состояние Гиз чередовалось с аналогичным у Лиры — готовка. Если Лира в совершенстве знала рецепты обычной бравийской кухни, и готовила немногочисленный набор блюд, то Гиз была экспериментатором. В одном из саквояжей она привезла здоровенный талмуд, озаглавленный не иначе как «Путешествие по кухням мира — от Никкра до берегов Совиноного моря». И вот тут начиналась настоящая лотерея. Иногда раскрасневшаяся от печного жара и довольства самой собой Гиз выносила блюдо с настоящим шедевром — креветки с кислым соусом науар, рис с особым ферментированным рыбным соусом или лапшу с овощами по-холанийски. Такие блюда мы вспоминали с теплом на душе. А иногда хмурая арбористка сама была не рада супу из никкрских водорослей со строганиной, или там кальмарам, жареным в ореховой пасте (я сразу говорил, что идея не будет иметь успеха).

В общем, с Гиз было не соскучиться.

Гальза же обучил меня гара «ррам», что означало «жар». Я уже применял это гара на практике, но галгара все равно решил повторить обучение. После завершения очередного Отпечатка ящер уведомил меня, что временно прекращает обучение — мол, моему мозгу надо отдохнуть от эмоций такого великолепного существа, как галгара.

Вы можете подумать, что я был недоволен. Напротив, из-за ограничения в пять дней между уроками я не мог нормально отточить те или иные техники гара. Так что перерыву я был рад. Мы с Лирой через вечер летали в замок Черного барона, где я резвился, не стесняясь сада, роши, дома и прочих горючих вещей. Ведьмочка, иногда наблюдавшая за моими тренировками, была удивлена разницей между моими тренировками в песчаной яме в саду и тут. А мне, в свою очередь, было приятно от ее удивления.

Что я могу? Много, и еще большее пока осваиваю. Немного напрягало то, что большая часть всех моих эффектов была направлена на разрушение. Из конструктивного я мог: развести костер, пожарить или запечь жаром мясо да с помощью гиль, бегая по спектру, создавать простенькие мелодии. Зато я мог пыхать пламенем на сорок шагов, бить тонкой струей плазмы на пять (ярко-белая спица прорезала кованую, пусть и ржавую, решетку насквозь), оставлять заметные царапины на камнях, чистым жаром доводить металл до ярко-оранжевого цвета, отдельными искрами пробивать насквозь молодые деревца и так далее и так далее... Добавляло беспокойство, что чье-то внимание, по словам галгары, с Лирой не исчезало, а только усилилось при приезде Гиз. Так что с весьма высокой вероятностью я все это учу не зря.

Я самый незаметный телохранитель из всех. Мы, лысые прямоходящие челокоты, такие. Не хватает только обещанных Гальзой адских обезьян.

Все началось с территориальных вопросов. С них начинаются войны, но в данный момент начались просто проблемы.

На третью неделю после приезда Гиз Лира закончила обустроить магазин. Вторая гостиная превратилась в полутемный зал с кассой, двумя витринами с эликсирами, полкой с пучками сушеных трав и диванчиком для посетителей. Лире пришлось закупить две здоровенные коробки разнообразных стеклянных пузырьков и потратить прорву времени для варки всех своих эликсиров. Дешевые болеутоляющие, сердечные, для рвоты, против рвоты, почему-то только против поноса, еще более узкоспециализированные средства — все лекарственные средства, превращающие одну витрину в аптеку. Вторая витрина предназначалась для более дорогих средств, созданных не только обработкой растительного и животного сырья, а еще и с применением ведьмовства. Приворотные зелья, эликсиры против беременности, эликсиры мужской силы (я не знаю, почему на них такой спрос, но склянок Лира наготовила немало), настои для поливания свежих ран, средства для обострения зрения или обоняния, добавки для блюд того или иного назначения. Ценники были разные — простейшие эликсиры мог позволить себе любой, а вот ведьмовские — далеко не все. Был у Лирой еще фолиант, в котором был список того, что она может готовить на заказ.

Две большие застекленные витрины, поблескивающий железный кассовый аппарат, багровый ковер и зеленые стены создавали впечатление дорогой, элитной лавки.

Лира даже за неделю оформила лавку по всем документам. Оставалось только одно.

Место.

Поместье было расположено неудачно для лавки. Если это не лавка с паленым самогоном. Далеко за чертой торговых и деловых районов. Чтобы в нее попасть, надо было миновать предместья, которые представляли собой обычное село. А зачем, если в центре существует еще четыре алхимические лавки — одну даже держит другая ведьма.

Но у нас было преимущество — мы, в конце концов, жили в бродячем поместье

«Медоносный призрак». Поэтому Лира пыталась найти покупателя на еще один пузырек вытяжки из мотылька. Ну, или на настойку из когтещупальца, которая уже была готова. Глаз же продолжал медленно растворяться в большой двухлитровой колбе с каким-то хитрым спиртом.

Деньги были нужны, чтобы заказать еще один Маяк для поместья. Маяк — это центр и сердце поместья, и оно может между ними перемещаться. Проблема в том, что эти Маяки делаются на заказ, и для переноса нужен как минимум два Маяка, а в данный момент у Лиры имеется только один. Она мне даже его показала — шест высотой с саму девушку, с шарообразным утолщением наверху, выполненным из стекла. Внутри плавают желтые и красные искорки. Казалось бы, ничего особенного, но для производства нового Маяка нужно договориться сначала с Призраком, потом с каким-нибудь ремесленным кругом, специализирующемся на производстве артефактов. Ну и выложить пятьдесят корон. Немалые деньги.

Лира знала один круг, согласный на такую работу. Она получила принципиальное согласие Призрака. Но вот все деньги, полученные с вытяжек и получаемые с заказов, уходили на еду, обустройство лавки и лекарства для Фелиции.

Так что нужно было кому-то загнать еще одну вытяжку. И Лира нашла этого покупателя.

Мы с Лирой ранним утром шли по старому городу Асмина. Раньше это был центр города, но теперь все деловые конторы и видные магазины располагали свои здания в других районах, а в этом теперь жили люди. Вряд ли тут было очень удобно жить, но вот красиво — это точно.

Невысокие каменные дома, по два-три этажа, с многочисленными балкончиками, украшенными цветами и флажками. Широкие улицы, вымощенные истертой желтой брусчаткой, сменялись глухими извилистыми переулками, где едва могли пройти два человека. Дворики, заросшие зеленью. Смесь приятных запахов свежей стряпни и душистого табака.

Мы с Лирой искали двор с небольшой скульптурой собаки — такой ориентир дали заказчики. Вообще, Лира связывалась с заказчиками через особую сеть. Все просто — поймай и подкупи небольшого духа, сообщи ему ту или иную информацию и отпусти. Мелкие духи в своих планах обмениваются этой информацией. Интересующийся чем-либо человек может призвать одного из этих духов и, опять же, подкупив, получить то, что его интересует. Выгодно всем — у людей быстрый способ общения, а духам делают жертвы. Одно «но» — для пользования этой сетью нужно быть практикующим волшебником и иметь определенные, не самые маленькие познания. Государства с переменным успехом контролируют информационный поток, но ищущий всегда найдет.

Лира снова оделась не в черное — длинная синяя юбка, белая рубашка с кружевами и голубой плащ. Как всегда, косметика — подведенные глазки и спокойный, округлый узор на лбу. Лира умела пользоваться косметикой и использовала ее без фанатизма (мне, например, только через неделю удалось привыкнуть к вечному узору Гиз, который спускался по переносице и вискам и, казалось, состоял из одних острых углов). Я же щеголял в привычном зеленом пончо.

— Лира.

— Да, Джас? — ведьмочка внимательно осматривала все дворики, через которые мы проходили.

— А кто такой Ранф, которого вы все упоминаете?

— О, — как-то странно смутилась Лира. — Это... М... Фамилиар моей бабушки.

— У твоей бабушки тоже был фамилиар?

— Фамилиаров, как ты знаешь, могут заводить как волшебники, так и ведьмы. Ранф — крыса.

— О.

— Причем тоже необычная. Белый голохвостый крыс. Повезло, что жизнь фамилиаров удлиняется, — задумчиво протянула Лира. О, приятный бонус. — Но главная особенность Ранфа в том, что он столь же умен, как и ты. Он тоже был пришельцем из другого мира.

— Ого!

— Да. Умен как дух Завихрений. Полагаю, он во многом помогал бабушке. И далеко не последнюю роль сыграл в битве Белого моря.

— Ты как-то упоминала об этом... — мы с Лирой постоянно болтали, и она пичкала меня подробностями о жизни в Солнце и Лунах.

— Эта история чуть ли не фамильная реликвия, — пожала плечами девушка. — В середине Летней войны, которая, как ты знаешь, закончилась Битвой Девятнадцати, небольшая, малость потрепанная, но все же армия Гурра шла на укрепления небольшой бравийской крепости. Бабушка уже тогда успела отличиться мощными чарами Вьюги, получила класс «Канонир», но тогда ситуация требовала решительных мер. Тут нет собаки, пошли в другой двор. О чем я... А! Крепость только что отбила прорыв из Червивого дна, так что дела шли, мягко говоря, печально. И тут целая армия. Моя бабушка преисполнилась патриотизма, выпила четыре укрепляющих эликсира третьего класса токсичности и одна, только с Ранфом, верхом на метле вылетела навстречу армии Гурра. За ней был послан спасательно-розыскной отряд. И этот отряд нашел армию, которая экстренно разбила лагерь, так как у них внезапно началась зараза. Белый мор вызывал кровотечения, нагноения и обморожения, последнее — посреди летнего солнцепека Гуррского княжества. Мало кто из волшебников способен создать болезнь, а создать волшебную чуму удавалось только троим. Кстати, это не та ли собака? Проверим? Так вот, подоспевший через два дня круг Шагающих чрез смерть добил жалкие остатки гурров. По итогу, Фелиция Фольди получила тяжелейшее отравление и столь же тяжелое перенапряжение, названное имя «Белый мор» и класс Черного сертификата «Смертное поле». Как ты знаешь, выше только «Разлом». Ранф лежал вместе с ней в госпитале, с таким же перенапряжением. Ну а еще через месяц Разломное орудие Гурров дало последнюю осечку, и появилась Язва.

— Фелиция тоже Фольди? Я думал, Фольди — фамилия твоего отца.

— Мой отец был достаточно благоразумен, чтобы понимать, что фамилия малоизвестного исследователя Последнего океана не особо звучит, так что он с радостью принял фамилию матери, а заодно, и Белого моря. Аргусов знает только научное сообщество, но вот Фольди в одном ряду с Гаргамой «Алый дым» и Эдвардом «Серебряный доспех».

— А твои родители когда собираются вернуться из Последнего океана? — поинтересовался я.

— Через десять месяцев как раз будет оборот около океанического разлома, так что, думаю, они заедут. Да, вот собачка.

Действительно, перед нами, среди кустов, стояла увитая плющом скульптура пузатой собачки.

Неподалеку от собачки, на лавочке, сидел человек непримечательного внешнего вида, в плаще. При появлении Лиры он встал и направился к ней. Я шмыгнул в кусты, так как все-таки я являлся неплохим таким ориентиром, по которому можно в будущем отыскать Лиру. Лучше я тихонько посижу в кустиках, в случае чего успею вылезти.

— Здравствуйте, — кивнула мужчине Лира. — Вы — мой заказчик?

— А вы поставщик, — утвердительно ответил человек.

Лира достала из кармана пузырек с вытяжкой — мутной розовой взвеси там было на два глотка, не больше. Мужчина взял пузырек, придирчиво его осмотрел, поболтал жижей и оглядел осадок. Удовлетворенно кивнув, он вытащил замшевый кошелек.

Будучи гораздо ниже, чем оба действующих лица, я заметил на запястье мужчины необычную татуировку глаза — с двумя зрачками. Несколько напрягает...

Ведьма приняла кошель, раскрыла его и бегло пересчитала монеты. После этого она кивнула мужчине, чуть склонив голову набок — знак вежливого прощания. Мужчина повторил этот жест.

Лира развернулась и двинулась прочь. Я тихонько пошуршал по кустам вслед за ней.

— Госпожа Фольди, пройдемте вот сюда.

Пухлый мужчина в дорогом костюме приглашал нас куда-то на край торгового района.

Дело происходило вечером того же дня. Лира сделала заказ на новый Маяк, и мы пошли в деловой район. Там, в маленькой конторке, располагалась фирма по продаже недвижимости. Заказ Лиры был странный: ей было нужно двух- или трехэтажное здание, желательно заброшенное, в пределах торгового района. Клерк, конечно, сначала почесал голову, но после исследования довольно объемистой картотеки нашел подходящее здание. И теперь нас сопровождал его помощник.

Наконец, мужчина, от которого пахло чересчур сладкими духами и потом одновременно, привел нас к дому. Здание явно было древнее — состояло не из кирпича, а из камня, раствор чуть крошился, окна первого этажа заколочены досками, части стекол на втором этаже не хватало.

Мистер Отвратные духи, утирая пот со лба платочком, подошел к двери, достал немаленький ключ и отпер нам двери. Мы втроем вошли в дом.

Отвратные духи начал нам что-то рассказывать о славной истории этого чудесного, пусть и несколько непритязательного здания. Мы с Лирой не слушали — девушка сравнивала планировку этого здания с планировкой поместья, а я тыкался носом по всем углам.

Комнаты были пустые, ни мебели, ни украшений. В доме было довольно темно — окна-то заколочены. Местами в углах комнат лежали пустые бутылки с толстым слоем пыли на них. Очевидно, какое-то время назад здесь был притон. Хорошо хоть досками все заколотили.

Пахло тут плесенью, пылью, мышами и крысами, застарелым алкоголем и, почти неслышно, мочой. Ну да, мой кошачий нос и не такое учует.

Лира удовлетворилась осмотром территории. Кот порывался бежать на второй этаж, но мне удалось его придержать.

Мой нос позволял угадывать настроение людей, которых я хорошо знал. Например, сейчас я чувствовал, что Лира была немного раздражена болтовней Отвратных духов. Поэтому она решила включить Взрослую Сердитую Ведьму.

— Уважаемый мистер Аршел, спасибо за *невероятно* увлекательную и столь же познавательную историю этого здания, — яд из голоса Лиры можно было собирать в скляночку. В таком виде девушка меня чуток пугала. — Я хотела бы обсудить цену аренды здания.

— Ах, да, — пухляш еще раз утер пот со лба посеребрившим платочком. — Пять корон в месяц. Просто здание довольно старое, и ему требуется косметический ремонт...

— Ремонт тут требуется совсем не косметический, мистер Аршел. Благодарю вас за экскурсию, это место нам подходит.

— Тогда...

— Да, я хотела бы еще раз навестить господина Мирнса, чтобы заключить договор.

Короткое путешествие по вечернему Асмину, не менее короткий разговор с клерком, задаток в виде пятнадцати корон, и мы стали обладателями чудесных без пяти минут руин на стыке торгового района и старого города.

— Гиль! — выкрикнул я. Почему-то при тренировках мне было легче со словами. В мозгу сразу всплыли картины полета раскаленных искр.

Из кончиков моих пальцев сорвались ярко-белые росчерки, моментально отправившиеся в полет в сторону донжона замка. Одновременно с ними от кончика хвоста хлынула волна жара, обещавшая вот-вот вскипятить мою кровь.

Смешно вспоминать мои первые попытки призвать огонь. У меня был такой ничтожный запас выносливости... Не думаю, что я смог бы призвать и одну-единственную искорку.

Стоя на самом краю второй площади, я начал тренировку, направленную одновременно на контроль эффекта, контроль напряжения и длительность воздействия. Главным условием было не прерывать поток Мощи.

Искры гиль долетали до стен донжона, врезались в старый камень и оставляли там подпалины. Мох в тех редких местах, до которых я еще не добрался, пылал. Я усилил напор Мощи. Кровь во мне вскипала, зато искры начали долетать до окон второго этажа. Учитывая, что тут было не меньше тридцати шагов, отличный результат. Чуток сбавить напряжение — теперь не важно, долетают ли искры до стен. Искры широким конусом — область поражения градусов эдак на сто сорок. Продержаться на счет от одного до пятидесяти. Сформировать тонкий конус для прицельной стрельбы по одному противнику — градусов пять, не больше. Держаться от одного до пятидесяти. Не прекращая воздействия, начать выпускать искры из другой лапы. Сложно, но можно — еще и держимся двадцать секунд. Теперь из пасти. Теперь чуть подбавить напряжение, искры из обеих лап, направляю в разные стороны и удерживаю, пока могу.

— Джаспер, от тебя дымок идет.

О, да. Замечательно. Словил перегрев.

Медленно снижаю поток Мощи до полного перекрытия — быстро нельзя. Только когда Мощь больше не течет по мне, понимаю, *насколько* я перегрелся. Машу Лире хвостом. Та привычно окатывает меня холодной водой из ведра.

Уф-ф-ф-ф. Много пара. Слишком раскалил камни под собой.

— Бедолага, — Лира покопалась в сумке. — У меня есть кусочек грудинки. Хочешь?

— Не откажусь, — я подковылял к ней, забрался на колени, свернулся в клубок, держа в обеих лапках шматок грудинки размером с пол-голова. Моей, разумеется.

— Ну ты и горяченный. В этот раз держался на сорок секунд дольше.

— Отличный результат, — улыбнулся я.

Во время моих тренировок Лира помогала мне. Конечно, часто она просто в сторонке читала свои книги, тренировалась с формулировками заклятий или прикидывала новые составы зелий, но во время таких зачетов, которые я проводил сам себе, она всегда была рядом. Стояла за спиной — это было самое безопасное место. Когда я перегревался, сообщала мне об этом и поливала меня водой из фонтана. Когда я просил, засекала время по карманным часам.

— Завтра мы уже получаем Маяк? — спросил я у Лир.

— Угу. И уже послезавтра наша лавка будет открыта.

— Славно, — я слез с ее мягких коленок. — Что ж, спасибо за перекус. Засеки время, надо посмотреть, сколько я смогу выпускать пламя, пока снова не перегреюсь.

Гиз воткнула последний гвоздь в последний угол дома и хлопнула в ладоши.

— Все, тут подготовка завершена.

Оказалось, к Маяку прилагались большущие металлические гвозди, исписанные строчками языка духов, и эти гвозди необходимо было воткнуть в каждый угол переносимого объекта.

— Поняла! — крикнула из окна Лира и скрылась — пошла устанавливать на специальный постамент Маяк. В арендованном доме этот фокус мы уже провернули.

Я побежал в дом — было очень интересно, что же такое там делает Лира. Девушку я нашел в ритуальной комнате под самым потолком — в той самой комнате, где я, по сути, родился.

Оказалось, что Лира стоит на коленях около Маяка, установленного в постамент. Высокий массивный жезл удерживался лишь на протяжении пальца, не больше — Маяк, по сути, стоял сам. Лира сидела возле него, обхватив жезл обеими руками, а ее губы шевелились. Ведьма общалась с могущественным Духом Пространства — одним из Старших духов. Ветер, которого не было, игрался с полами мантии ведьмы.

Общение продолжалось порядка трех минут. В завершение разговора Лира вытащила из кармана небольшой засушенный цветок. Мгновение — и он исчез, а Лира устало распростерлась на полу.

— Милый мой Джаспер, — она сграбастала меня и прижала к груди. — Ты бы знал, как трудно разговаривать с одним из Старших.

Я только сдавленно мяукнул — Лира сильно меня обнимала.

— Джаспер-Джаспер, зачем ты такой милый кот, а?

— Ы-ых, Лира... Задушишь...

Хватка немного ослабла.

— Не знаю уж, какой я там милый...

— Мне нравятся эти темные пятнышки, — Лира провела пальцем по лбу, где располагалось самый заметный темный развод на моей бледно-розовой шкурке.

— Лира, хватит нежностей, сейчас Гиз придет...

— Ну да, ну да, — рассеянно тряхнула кудрявой головой Лира, вставая на ноги.

Вовремя. Вошла Гиз. К ее ногам жался Маю, как всегда, в самых крутых солнцезащитных очках на планете.

— Ну как все прошло? — поинтересовалась арборист.

— Ну давайте проверим, — пожалала плечами Лира.

Девушки вышли из комнаты и подошли к окну в коридоре. Я вспрыгнул к ним на подоконник и сильно удивился.

Ничего не изменилось. Ограда поместья, краешек оранжереи, рощица за домом.

— А так и должно быть? — поинтересовался я.

— Да, — кивнула Лира. — Смотри!

Она ушла обратно в ритуальную. Послышался громкий щелчок.

Изображение за окном сильно мотнулось. Мгновение — и за окном оказался прекрасный вид на балкончики старого города, освещенные вечерним мягким солнцем.

Я охренел. И еще меня чуток затошнило.

— Никого не тошнит? — поинтересовалась чуть зеленая Лира, выходя из ритуальной. Ответом ей был топот ног Гиз по лестнице. Я успел заметить, как она зажимала себе рот. Лира проводила топот взглядом: — Ну, у нее всегда был слабый желудок. Чуть что не так, и...

— Ты сама-то в норме?

— Да, спасибо за беспокойство, — улыбнулась ведьмочка. Зеленый цвет лица и правда ушел. — Пойдем хоть глянем.

На первом этаже мы застали взволнованную Медоносную, которая с помощью крылышек носилась туда-сюда, от одного окна к другому, поднимая не самый слабый ветер.

— Уважаемая Медоносная, благодарю за сотрудничество, — поклонилась ей Лира.

Призрак остановилась, осмотрела своим ничего не выражающим взглядом девушку и кивнула в ответ. После этого она степенно подплыла к одному из окон и чуть ли не прижалась к стеклу носом.

Мы с ведьмочкой вышли на улицу, отошли от дома и взглянули на него.

На месте старого, немного рассыпающегося дома стоял особняк нашего поместья. Учитывая, что особняк был чуть крупнее дома, он перекрыл один из проулков и, скорее всего, залез выступающей частью во дворик, который находился позади.

— С этим закончили, — счастливо улыбнулась Лира.

Под покровом ночи Гальза прикрепил над входом в бывшую вторую гостиную здоровенную деревянную вывеску с выжженными словами «Алхимические снадобья Фольди».

Глава 8. Не как по нотам

Утром к нам уже начали являться первые зеваки. Еще бы — вчера на этом месте был заброшенный ветхий дом с репутацией притона, а теперь на его месте в прямом смысле слова за ночь появился особняк! Хотя он был похож на старый дом... Чуть больше, конечно... Ох уж эти ведьмовские фокусы, и как она выцветания не боится?

Примерно это я слышал, когда сидел на подоконнике, который выходил на улицу. Совсем рядом со мной находилась дверь.

С самого утра Лира торчала за прилавком. Пока не было посетителей, она сидела на кресле, неподалеку от кассы, и читала очередной фолиант, озаглавленный как «Некоторые уловки в контрактах с дикими духами. Том первый: Завихрения». Гиз тоже торчала в особняке — ее немелодичное пение едва слышно доносилось из ее так называемой исследовательской.

К середине дня около дверей особняка постоянно находилась кучка народа. Новые люди приходили, а некоторые покидали столпотворение. И, наконец, кто-то зашел в лавку.

Это был старик с жидкой бороденкой и совершенно седыми волосами — даже кисточка на хвосте была белой. У него свежими бинтами была перемотана левая рука. На ткани красовались редкие красные пятнышки.

Когда он подошел к прилавку, Лира была во всеоружии. Черная мантия, остроконечная черная шляпа, аккуратный макияж и внимательный, серьезный взгляд серо-зеленых глазок. Милота, одним словом.

— Госпожа ведьма, — голос старика был с хрипотцой, но уверенный в себе и твердый. — Я пришел к вам за снадобьем. Понимаете мою ситуацию, я работаю в мастерской одного уважаемого ремесленника. Я точу ножи, топоры и, иногда, мечи или сабли. Недавно к нам приходил волшебник и оставил на починку свою старую саблю. Она оказалась проклята некой могущественной ведьмой. Раны, нанесенные этим оружием, необычайно плохо срастаются. Видите ли, возраст берет свое, и я нечаянно выронил тяжелую саблю. Она оставила мне небольшой порез на тыльной стороне запястья, — старик продемонстрировал забинтованную руку. — И он не затягивается уже пятый день. Порез неглубокий, и, думаю, только это меня спасает.

Лира кивнула и нырнула под прилавок. Спустя десять секунд она высунулась оттуда с тремя предметами — двумя пузырьками и каким-то бумажным конвертиком.

— Предлагаю вам вот что. Я сниму с вас проклятие меча и дам вам два средства, которые помогут. Кровь остановится сразу же, и затягивание пойдет обычными темпами. Вы согласны?

— Я хотел уточнить стоимость лечения. Я обращался в лавку господина Годома, и стоимость такого лечения была слишком высока для меня.

— Полагаю, для вас это будет стоить десять горстей.

У старика брови взметнулись вверх. Он тут же сунул руку в карман и достал несколько серебряных монет, после чего с благодарностями вручил их ведьме.

— Премногоуважаемая госпожа, всенепременно я согласен...

— И, ради интереса, сколько с вас запросил господин Годом?

— Ровно тридцать пять горстей, — отчеканил старик.

— Для меня очевидно, — Лира вышла из-за прилавка, — Что господин Годом

использует устаревшие рецепты эликсиров и снадобий. Я хотела бы вас попросить сказать вашим друзьям и вашей семье, что госпожа Фольди составляет новые рецепты, и стоимость *моего* лечения и *моих* снадобий намного меньше, нежели у конкурентов. Присядьте сюда, пожалуйста. Размотайте бинты.

Кивающий и на все согласный дедушка разматывал бинты над небольшим алюминиевым тазиком. Рана и вправду выглядела нехорошо — темный глубокий порез, из которого постоянно сочилась кровь. Кот брезгливо заворочался во мне.

Лира начала с дезактивации — она произнесла короткую формулу на языке духов (оказалось, он называется туур) и обсыпала порез особой пылью. Над раной, как пылинки в солнечном луче, проявилось плетение проклятья.

Я пару раз видел такие на заказах. Простейшие свойства, добавленные вещам, похожи на маленький узелок. А сложные изменения отражаются сложными плетениями с несколькими узлами. Это было не самое сложно проклятье — Лира распутала узлы быстрее, чем я успел сосчитать до пятидесяти. Когда последний узел распался, тонкие белые нити над порезом приняли ровное прямое положение, после чего исчезли.

Потом ведьмочка откупорила один пузырек и вылила его содержимое на рану. Кровь немедленно вспенилась, а старик зашипел.

Пока девушка несла чистый бинт, кровь полностью остановилась. Старик осматривал порозовевшую кожу и никак не мог поверить своим глазам. Намотав новые бинты, Лира вручила старику второй пузырек и наказала два раза в день негусто смазывать порез. Старик горячо поблагодарил девушку и, раскланявшись и пообещав рассказать всей родне о столь чудесном специалисте, удалился.

Не успела дверь за ним закрыться, как вошел уже следующий человек — на этот раз он выглядел побогаче, этакий джентльмен.

Бизнес пошел.

До конца дня Лира успела обслужить порядка двадцати человек, и в общей сумме выручила около пяти корон. Как я выяснил, снадобья она продавала отнюдь не по себестоимости — цену алхимии Лира знала. Однако, она и не стала делать существенную надбавку, все ради того, чтобы смотреться привлекательнее в глазах покупателей. Ну и если рассудить здраво — действительно, зачем платить за средство корону, когда можно заплатить всего половину?

На следующее утро около нашего магазинчика толпа была побольше. Очевидно, что слухи разносились довольно быстро. Уже к обеду мы обслужили тридцать человек, а к вечеру их количество увеличилось более чем вдвое.

Большинство покупателей были обычными горожанами, пару раз к нам приходили даже крестьяне. Все они находили необходимые зелья под свои нужды за вполне приемлемую цену. Но несколько покупателей были зажиточными горожанами или владельцами городских мануфактур. Как пояснила Лира, обычно такие, как они, берут снадобья в старинных проверенных лавках. Богатым господам требовались не самые простые эликсиры, и Лира смогла продать им довольно дорогостоящие препараты.

Суммарно, за день выручка магазина превышала пятнадцать корон. И Лира, и Гиз были очень довольны. Ведьмочка уже сделала заказ на новую партию трав и семян, приценивалась к дорогим ингредиентам для ритуалов — про свою бабушку Лира не забывала ни на минуту, подумывала заказать кирпичи для новой пристройки к дому. Деньги теперь шли если не

рекой, то ручьем достаточных размеров. И они были нужны, все, до последнего молота.

В таком же темпе бизнес шел еще четыре дня. Шел, пока не появились они.

Ближе к середине пятого дня поток покупателей схлынул. Начало лета, стояла уже довольно жаркая погода, так что многие горожане брали в середине дня сиесту. Как подсказал наплыв головной боли, это означало перерыв в работе в середине дня из-за жары.

Все же интересно, кем я был там, в прошлой жизни? Просто эта головная боль подкидывает иногда такие интересные вещи...

Лира сидела в кресле и жевала сэндвичи, которые принесла Гиз. Я же лежал на облюбованном мной подоконнике. Солнышко нагрело гладкое, истертое дерево, так что лежать было очень хорошо. По странной необъяснимой причине я никогда не мерз, но вот тепло очень любил.

Ведьмочка принялась за последний сэндвич с курицей, я размышлял о двух, а лучше трех куриных крыльях с прихваченной огнем корочкой. Именно в этот момент в помещение вошли те двое.

Звякнул колокольчик над дверью. Первым шел мужчина в легкой рубашке и широкополой шляпе, с довольно тонкими чертами лица. За ним следовал туповатого вида бугай, его руки были покрыты шрамами, а за плечом он нес легкую холщовую сумку с чем-то длинным в ней.

— Добрый день, — вежливо поклонился первый мужчина. — Это вы госпожа Фольди?

Лира отложила недоеденный сэндвич, кивнула и встала за стойку.

— Да, я являюсь хозяйкой этой лавки. Что вам нужно? У меня широкий спектр самых разнообразных зелий и эликсиров. Если нужно что-то специфическое, то могу принять заказ.

— У нас к вам важное и безотлагательное дело. Позвольте представиться, меня зовут Ломье, а моего спутника — Юлием. Мы являемся, м-м-м, представителями одного важного в нашем городе господина, Дауда Шенна. Вы слышаны о нем?

— Признаться честно, мистер Ломье, впервые слышу его имя.

— Ничего страшного, мисс Фольди. С ним знакомы лишь хозяева предприятий, некоторые банкиры и прочие, м-м-м, важные люди. Теперь вы вхожи в их круг, — улыбка Ломье была вполне искренней.

Сам он прошелся вдоль стены до первой витрины и стал рассматривать склянки с разноцветными, преимущественно оттенков зеленого, жидкостями. Юлий же встал у дверей неподалеку от меня.

Неожиданно во мне тревожно заворочался Кот. Осмотревшись, я заметил несколько красных пятен на рукавах Юлия. Принюхавшись, я едва подавил шипение Кота — от дуболома отчетливо пахло кровью. Сам Юлий не остался в долгу. Словно чувствуя мою неприязнь, он брезгливо окинул меня взглядом и пробормотал что-то в стиле «мерзкая крыса».

Предчувствуя проблемы, я спрыгнул с подоконника и вразвалочку, эдак с лентой, пошел к Лире. Одновременно я начал прогонять по телу слабые потоки Мощи, чтобы быть в полной готовности.

Все это время Лира молча смотрела, как Ломье осматривал эликсиры.

— Понимаете ли, мисс Фольди, в наш просвещенный век все еще, к сожалению, остаются непросвещенные люди. Многие из них могут предположить, что не стоит платить

за эликсиры, когда можно просто прийти ночью и взять то, что нужно из склада вашей замечательной лавки. Господин Шенн имеет рычаги воздействия на подобные, м-м-м, народные массы. Он за скромную плату в треть вашего дневного дохода может обеспечить вам полную сохранность и всяческую поддержку вашему предприятию.

Ли́ра оцепенела, ее глаза округлились, когда она поняла, о чем толкует этот прилично одетый господин.

Я лихорадочно соображал. Этот Дауд, конечно, не то что имеет рычаги, он попросту направляет эти «народные массы». Вместо покупателей пришли рэкетеры, которые предоставили ультиматум. Причем, насколько я понял, жаловаться полицейским бесполезно — Дауд Шенн наверняка имеет и там свои контакты, раз с ним знакомы некоторые банкиры.

Я не успел ничего сообщить Лире. В конце концов, ей еще не было и восемнадцати, и единственное, что она уловила — это то, что кто-то требует немалую часть ее выручки. Ох уж эти юные горячие головы. Конечно же, ведьмочка тут же включила Взрослую Сердитую Ведьму.

— Мистер Ломье, вам не кажется, что приходить в магазин к ведьме и требовать с нее часть выручки — это не самое умное, что вы могли предпринять?

В отличие от обычных крестьян, Ломье не стал робеть. Его брови лишь слегка приподнялись вверх.

— Мисс Фольди, я вас уверяю, что я вполне готов к подобным серьезным разговорам. Я обязан прояснить некоторые, м-м-м, щекотливые моменты нашего с вами положения, — Ломье начал расхаживать по лавке, объясняя Лире некоторые вещи таким тоном, словно он пояснял ребенку, почему вода в реках течет только в одну сторону. — Понимаете ли, своим появлением вы внесли определенный дисбаланс в отлаженный механизм алхимических лавок Асмина. По вполне понятным причинам, вы снижаете цены на препараты. Это переманивает к вам определенную и, поверьте, не самую малую, долю покупателей в остальных магазинах, которые, к вашему сведению, уже давно пользуются услугами господина Шенна. Мой наниматель был, м-м-м, опечален падением своего дохода.

Я почувствовал слабый запах Гиз, доносившийся из-за ближайшей двери. Это чутко меня успокоило. А Ломье продолжал лекцию.

— Печаль господина Шенна можно убрать, лишь, м-м-м, восполнив определенный уровень недостачи. Поймите меня, огорченный господин Шенн, даже зная о готовящемся на вас налете, не станет шевелить и пальцем. В то же время, если вы согласитесь на его условия, то вы можете быть спокойны насчет сохранности вашего магазина.

— Полагаю, что ведьма, выпустившаяся со шляпой, — Ли́ра провела двумя пальцами по плотным краям полей, — Может быть вполне спокойна за сохранность магазина.

Поджав нижнюю губу, Ломье покачал головой. Я стал еще более спокойным — из ближайшей решетки, спрятанной за витриной, донесся запах Гальзы. Не знаю уж как, но этому огромному ящеру без труда удастся перемещаться в поместье.

— Вы не понимаете трагизм ситуации, мисс Фольди. Представьте, что поздно ночью, пока вы спите, в ваш магазин врываются четверо отморожков. Они достают свои инструменты, — с этими словами бугай Юлий извлек из сумки небольшой ломик. Глаза Лиры вновь округлились. — И уже примеряются к вашим витринам. Поверьте, они не станут, м-м-м, деликатно вскрывать замки. Они разобьют стекло и...

— Немедленно покиньте мой магазин. — в голосе Лиры не было мольбы или неуверенности. Это был по-настоящему строгий голос. Голос ведьмы.

— Необразованное быдло не понимает, где какие зелья. Они будут кидать в сумку как молоточковые противорвотные, так и чрезвычайно дорогостоящие препараты. Ущерб может быть колоссален. И, подходя к кассе, они могут случайно пнуть вашу мерзкую крысу...

Он занес ногу, чтобы пнуть меня. Представьте? Он *всерьез* решил, что странное животное в лавке ведьмы не несет совершенно никакой угрозы. Зря, ой-й зря.

Кратким, но очень мощным выбросом жара я откинул его на три-четыре шага, к донным духам спалив ему ресницы с бровями, непоправимо испортив ткань рубашки и сорвав шляпу. От неожиданности рэкетир звучно упал на задницу. Лицо его вытянулось и стало похожим на лошадиное. Юлий застыл со своим ломиком.

Немая сцена продлилась около пяти секунд. За это время лицо Ломье налилось красным, как спелое яблоко. Ожог.

— Юлий, разбей витрину, — хрипло приказал Ломье.

Но Юлий его не слышал. Он, открыв пасть, смотрел на появившуюся Медоносную. К его чести, у Ломье тоже открылась пасть. Да и у меня, откровенно говоря. Почему? Да потому что Медоносная была в ярости.

Худая нечеловеческая фигура, сотканная из тумана, застыла в воздухе в локте от земли. Низкое гудение ее мельтешащих крыльев вселяло ужас (Кот хотел убежать, но я не дал), по комнате гулял ветер. Саму Призрак было видно не очень хорошо из-за облака столь же разъярённых пчел. Темно-желтые точки в равной пропорции смешивались с серо-голубыми. Вид изуродованного призрака в гневно жужжащем ореоле никого не оставит равнодушным.

Лира вышла из-за прилавка и встала перед Призраком. Ветер трепал ее мантию, а глаза ведьмы чуть не сверкали от ярости.

— У вас остались какие-либо вопросы, господин Ломье?

Рэкетир только сглотнул.

— Сожалею, что мой кот не оставил вам бровей. Искренне жаль. Просто он не любит, когда его называют крысой. Итак, если мы закончили, попрошу вас покинуть мой магазин и впредь не возвращаться.

Ломье, прихватив шляпу, поднялся с пола, соорудил вежливое лицо на последних остатках самообладания, поправил обгоревшую потемневшую рубашку и громко произнес, пытаясь перебить жужжание Медоносной:

— Я вас полностью понял и ваша, м-м-м, позиция будет донесена до сведения господина Шенна. Приятного дня. За мной, Юлий, — произнес он гораздо тише и быстрым шагом покинул магазин.

Как только его силуэт перестал быть виден из окна, Лира рухнула на колени. Призрак тут же развеяла призрачных пчел, прекратила летать и опустилась на пол. Я подскочил к девушке почти одновременно с Гиз. Настоящие пчелы с жужжанием разлетались по дому.

— Лира, все в порядке? — с тревогой спросил я.

— Да не в порядке ничего, Джас, — покачала она головой. — Я знала, что так будет, но не была готова. И так скоро...

— В их среде дела делаются быстро, — ответил я. — Но мы действительно можем защитить магазин.

— Ты явно не зря тренируешься, — слабо улыбнулась ведьмочка. — А как ты его, а?

Я издал смешок. Ну да, я и сам не ожидал сожженных бровей. Но так даже лучше.

— Но, — Лира вздохнула. — Нам надо что-то делать с ситуацией. Нам теперь небезопасно ходить по городу. Мы перестаем брать заказы.

Гиз нахмурилась.

— Ладно заказы. Но как мы будем совершать покупки? Я молчу про уже наши заказы, как на рынок за едой выйти?

Внезапно из-за витрины раздался голос Гальзы:

— Во-первых, ходить за покупками только втроем. Я, полагаю, смогу отпугнуть очень многих бандитов, даже десятку волшебников укажу на их место. Но любые контакты с внешним миром следует ограничить, пока не вернется Ранф или не очнется Фелиция. Они сумеют найти выход, пусть даже и излишне прямолинейный.

— Ты сейчас подразумевал Ранфа? — уточнила Гиз.

— А кого же еще? Он не станет церемониться и ходить на поклоны к мэру, а попросту перетряхнет всю тень города, как моннгу перетряхивают шкуры в поисках вшей. Да и поступит с ними соответственно. И во-вторых. Кот, отлично сработано. Я не рискнул высовываться так сразу. Считаю, что ты прошел полную проверку.

Я кивнул. Действительно, во время моей схватки, пусть она и длилась меньше секунды, я чувствовал облако жара за мной — галгара был готов спалить Ломье до углей.

Нашим оптимистичным взглядам суждено было разбиться о жестокую реальность.

Отныне из дома мы выходили только втроем. Быстрые походы на рынок и обратно, без выполнения заказов горожан. Я ночевал в кресле в магазине, каждую ночь готовясь к схваткам. Этот способ дал бы результат, если бы на дворе царило средневековье. Но мы же вступили в просвещенный век, и поэтому способы ведения таких войн стали совершенно другими.

Лира успела получить пакет с ценными ингредиентами для ритуалов, и все. Ее заказ трав и семян пришел не полностью, а что пришло — пожухло и было мертво, а семена не дали никаких всходов, как бы Гиз не билась. Удивительным образом уменьшился поток покупателей, и мы больше не могли зарабатывать больше одной-двух крон в день. Многие поставщики, у которых Лира докупала те или иные травы, наотрез отказались с нами работать. Точно так же поступили и городские стеклодувы, так что Лире пришлось уведомить покупателей о том, что в магазине будет действовать скидка для тех, кто вернет склянки.

Вместо войны нам объявили блокаду. Я мог бы справиться с полудюжиной налетчиков или даже одним-другим волшебником, но я никак не мог повлиять на экономику Асмина. «Алхимические снадобья Фольди» медленно душили.

А потом теневая сторона Асмина все же сделала свой ход.

Удивительным образом Лира сумела настроить Маяк так, чтобы один из выходов из поместья выходил на наш участок за городом. Это упрощало транспортировку того сырья, что у нас имелось, да и в целом облегчало жизнь.

Одной ночью мы услышали громкий, повторяющийся звон стекла со стороны заднего двора. Когда я выскочил из дома, пыхая небольшими струйками пламени, налетчики уже перемахнули через ограду и скрылись в роще.

Несколько стеклянных секций было разбито. А, как вы помните, стеклодувы отказались работать с нами. Сейчас это не имело практического значения, так стояло начало лета, и редкие травы чувствовали себя вполне комфортно. Но вот что будет осенью...

В целом, наше положение было весьма и весьма незавидным.

Звякнул колокольчик.

Ли́ра отложила книгу и встала за прилавок.

В магазин вошел констебль. Обычный мужчина средних лет в синем мундире и синей каске. На боку у него висел палаш.

— Добрый вечер, уважаемая госпожа Фольди.

— Здравствуйте, офицер.

— Хочу вам передать одну новость. Официальное предупреждение мэра, — я сильно напрягся. — В городе были замечены следы деятельности вермиалистических культов. Нашли недавно покинутое святилище Тысячи глаз, а в пригороде один гражданин утверждает, что видел членов Червивого яблока. На улицах может быть беспокойно, особенно под вечер. Будьте бдительны, мисс.

Ли́ра только кивнула.

Когда констебль вышел, она тяжело вздохнула.

— Час от часу не легче.

— А что это такое вообще?

— Как известно, во всех Драконьих королевствах червивые запрещены. Тем не менее, никакой указ не отменит сам факт их существования. Вермиалисты, будучи инкогнито, склонны собираться в культы. На территории Бравии самые известные как раз Тысяча глаз и Червивое яблоко.

— Я думал, все червивые вместе...

— Отнюдь, — фыркнула Гиз, незаметно подошедшая к Лире. — Они зачастую преследуют разные цели и пользуются разными методами их достижения. Тысяча глаз действует через теневые стороны городов, делая святилища. Они довольно многочисленны для вермиалистического культа. Червивое яблоко насчитывает всего дюжину членов, но зато все они — старые, матерые вермиалисты. Тысяча глаз копит ресурсы, непонятно для чего. А вот деятельность Червивого яблока — загадка. Никто ни разу не ловил ни единого их культиста. Одно известно точно — эти ребята друг дружку на дух не переносят.

— Теперь можно ждать городских боев, — согласно кивнула Ли́ра с озабоченной миной на лице. — Так и до комендантского часа недалеко.

Снова прозвенел звоночек.

В магазин ввалился весьма потрепанного вида парень в кителе. Не устояв на ногах, он упал на колени, и с его головы слетела сиреневая треуголка. Я не сдержался и громко зашипел. От парня пахло порохом и кровью.

На его одежде зияли многочисленные прорехи и краснели пятна крови, а сам он прижимал руку к левому боку. Сквозь плотно сомкнутые пальцы струилась кровь.

Ли́ра тут же подскочила к мужчине. Я последовал в полушаге от нее. Можете меня осуждать, но я был готов пустить в незваного гостя десяток-другой искр.

— Гиз, закрой магазин. Мистер, вы меня слышите?

— А, что? Да, — мужчину сильно шатало. — Я попал к Фольди?

— Да, вы в моей алхимической лавке.

— О, славно. Я хотел бы попросить вас об одолжении — не могли бы вы залатать меня, пожалуйста? Я все обязательно оплачу.

Ли́ра молча приподняла его (как только сил хватило) и усадила его на диван. Черной тенью она метнулась к кассе в поисках необходимых препаратов. Я же, все еще настороже, рассматривал нежданного гостя.

Это был бледный молодой парень с глазами цвета стали и небольшим шрамом на подбородке. Под глазом только начинал наливаться роскошный синяк. Весь парень был в крови — потеки на ботинках, брызги на брюках, а изорванный серый китель на левом боку был сырым и темно-багровым.

Ему было очень плохо — неточные размашистые движения, расширенные зрачки, капельки холодного пота на лбу. Лира подскочила к нему и уложила на диван, ничуть не заботясь о вытекающей и пятнающей диван крови.

Девушка тут же тихонько прошипела — нечем было снять мундир. Догадливый парень вынул из ножен на боку длинный кинжал и подал его девушке. Пока Лира срезала с него порванную одежду, я все думал, где же я видел этот кинжал раньше.

Когда Лира с помощью Гиз сняла тряпки, в которые превратился мундир, то нам открылось не самое приятное зрелище. В парня всадили пулю.

— Гиз, из моей лаборатории тонкие щипцы, узкий нож, бутылку спирта.

Гиз даже не стала кивать — просто кинулась к дверям.

Я быстро вскочил на подоконник и окинул взглядом улицу.

— Лира, все тихо, никого нет.

Гиз уже была тут и подала ведьме все необходимые материалы. Лира, быстро перебрав пузырьки, выдала парню один, с серой непрозрачной жидкостью.

— Пей, — строго сказала она.

Не успев допить небольшой пузырек, парень потерял сознание.

— И долго он так будет? — поинтересовалась Гиз.

— Недолго, около получаса, — покачала головой ведьма. — Не будем терять времени.

Прямо на диване Лира провела быструю операцию — вынула пулю, изрезала входное отверстие, отбрасывая маленькие кусочки мяса. Потом она промыла водой рану, залила туда по очереди два зелья и зашила рану принесенными Гиз нитками. Напоследок ведьма туго забинтовала место ранения.

Смотав все тряпки вместе с отработанными материалами, Лира возложила на них руку и прошептала формулу. Все остатки мундира неожиданно пропали, а пациент судорожно вздохнул, когда к нему резко вернулся нормальный цвет лица. В сознание он не пришел.

— Его нельзя оставлять прямо тут, Лира, — сказала Гиз.

— Гальза, прошу тебя, поможешь нам?

В середине комнаты откуда не возьмись появился галгара. Он был встревожен — чешуя топорщилась, а хвост медленно мотался туда-сюда.

И как он, духи его разорви, так смог?!

Ничего не сказав, только осмотрев все происходящее, он неожиданно аккуратно подхватил бесчувственное тело и аккуратно протиснулся в дверь, почти не оцарапав косяк. Гиз последовала за ними.

Лира начала колдовать над диваном, моля духов убрать с него кровь.

— Лира.

— ...тахху ианша шу шурр на гааф...

— Лира!

— ... кфео о ноф хаа!

Кровь на глазах впиталась куда-то вглубь дивана, не оставив и следа.

— Духи Червивого дна, Джас! Вот зачем меня отвлекать! Теперь у нас есть полуосознавшийся дух мебели.

— Что?!

— А вот не надо в следующий раз меня отвлекать. Я вместо слова «высота» сказала «мебель». Так что это все ушло к крошечному духу дивана. Теперь уже не такому крошечному. Думаю, с ним можно даже поговорить.

Я пытался сопротивляться, но все же не удержался и охренел.

— Какой еще дух дивана?

— Вот и узнаем, — устало повела плечами Лира. — Ну давай. Чего хотел?

— Ты узнала парня?

— Нет. Впервые вижу.

— Лжешь, и сама о том не знаешь. Подскажу, ты как-то раз тоже двинула ему кулаком в глаз.

Лира задумалась, и тут же побледнела. Да, ее явно настиг тот же проблеск неумолимого осознания, что и меня. Этот парень являлся тем самым волшебником Шума, судя по треуголке, сонитистом, которого мы вдвоем одолели в великой битве за труп мотылька.

— Да ладно, Джас. Он нас не помнит. Я пожертвовала Духу Всех знаний полудрагоценный камень с моей кровью. Это солидная жертва. Хотя и дух тоже солидный. Ладно, пойдем посмотрим на нашего нежданного гостя. Я произнесла рискованную формулу, но вроде я должна была вернуть ему большую часть его крови.

Гальза положил парня в предпоследней гостевой комнате и самоудалился. Я чувствовал запах дыма и огня из маленькой решетки — галгара и сейчас наблюдал за нами. Гиз прислонилась к стене неподалеку от кровати.

Подойдя к подранку, Лира вынула из кармана крошечный пузырек с темно-коричневой жидкостью. Я доподлинно знал — это был на удивление едко пахнущий спирт. Ведьма поднесла открытый пузырек к носу парня.

Он сморщился, чихнул и, открыв глаза, простонал.

— И долго я...

— Да минут двадцать, — ответила ему Гиз.

Он окинул комнату мутным взглядом. Остановившись на мне, его взгляд стал осмысленным.

— А тебя, лысого кота, я помню превосходно. Неплохо ты меня тогда отделал, — удивительно, но он улыбнулся.

У меня все внутри похолодело.

— Но парни Дауда получше будут, — он откашлялся. — Позвольте представиться, меня зовут Эдвин. Я сонитист, бывший член круга Оборона. Прошу прощения за обстоятельства моего появления. Понимаете ли, я хотел бы к вам наняться.

Глава 9. Наши новые кадры

— То есть, — Лира склонила голову набок, пытаясь осознать необычность ситуации. — Наняться? Прямо в наш штат?

— Ну, да. Пока оплаты не надо, мне необходимо лишь убежище, еда и лечение.

— И зачем мне нанимать вас, господин Эдвин...

— Эдвин Моуз. Понимаете ли, такая щекотливая ситуация... Я являюсь одним из немногих в этом городе, кто открыто противостоит Дауду Шенну. С вашей поддержкой я, скорее всего, справлюсь с ним.

Бровки Лире приподнялись. Предложение заинтересовало не только ее, но и меня.

— Вы имеете в виду защиту поместья?

— Я имел в виду отнюдь не поместье, мисс, — с улыбкой покачал головой Эдвин. — Я доподлинно знаю, что ваше поместье находится под хорошей защитой. Иначе в ваш магазин уже наведались бы налетчики. Я говорю о, так сказать, внешних операциях. Я был немного вхож в тень города, так что знаю, за какие ниточки надо дергать.

— И какие же претензии у вас к Шенну? — полюбопытствовала Гиз.

— У него мои вещи, — нахмурился Эдвин. — Они незаменимы.

— Например?

— Это допрос? — бровь сонитиста изогнулась.

— Из чистого любопытства, — состроила глазки волшебница.

— Мой инструмент, — вздохнул Эдвин.

— Какая нам действительная практическая выгода от вашего присутствия, мистер Моуз? — потребовала ответа Лира.

— С вашей помощью я смогу гораздо быстрее сломить Дауда. Я уже давно ищу его, даже пришлось устроиться в городской дозор, но Дауд выдал меня оттуда. Я потерял место в гостинице, а под конец этого чудесного дня на меня устроили засаду. Если б не вы...

— Как я могу вам доверять? Вы с равной вероятностью можете быть человеком Шенна, — прищурилась ведьма.

С трудом Эдвин приподнялся на кровати, поправил недлинные русые волосы и произнес:

— Дух Двух смертей, заberi мою душу, если я служу человеку по имени Дауд Шенн, или каким-либо образом имею с ним дела!

Лира вскрикнула, Гиз почему-то зажала уши руками... И ничего не случилось, только мигнул свет в лампе над кроватью. Немая сцена длилась порядка двадцати секунд, после чего еще бледная Лира обратилась к Эдвину:

— Не знаю, кем вас считать — человеком невероятной решительности или безумцем.

— Безумцем вполне подойдет, — улыбнулся Эдвин. — На подобную решительность могут пойти только они. Другая клятва не обладает подобной эффективностью.

— Что есть, то есть. Что ж, мистер Моуз, отдыхайте. О конкретных деталях нашего контракта поговорим позже, — кивнула Лира.

— Замечательно, — счастливо улыбнулся Эдвин. — Хотел еще поинтересоваться, а откуда вы выписали столь чудного котенка? И как вы обучили его инферналистскому волшебству?

Все трое посмотрели на меня. Я внимательно посмотрел на Эдвина, потом на Лире.

— Ли́ра, он мне нравится, — заявил я.

— И почему же? — опешила ведьма. В это время Эдвин молча пялился на меня.

— Пока он единственный человек, кто не назвал меня крысой при первой встрече, — я запрыгнул на кровать к Эдвину. — Будем знакомы, мистер Моуз. Я Джаспер. И уж простите за тот инцидент при туше мотылька.

— Да ничего, — медленно кивнул Эдвин. — Отмечу ваш профессионализм.

— Вы интересный человек. Полагаю, мы сработаемся.

Ближе к вечеру я имел удовольствие наблюдать сонитиста в действии. В это время Ли́ра готовила новые зелья, галгара и Призрак занимались своими делами, а Гиз сидела в «моем» кресле (я обосновался в кресле Ли́ры) и читала книгу, украдкой поглядывая на волшебника.

По словам Эдвина, он интересуется в основном «гармоническими колебаниями». Как охотно пояснил сам волшебник, Мо́щь Шума может облекаться в три формы: гармонические, резонансные и какофонические колебания.

На деле все было просто — Эдвин сидел у растопленного камина в гостиной, привалившись к медленно разогревающемуся камню, и прикладывал тонко пищащее лезвие своего кинжала к многочисленным порезам и огнестрельному ранению.

Кинжал у Эдвина был прямо на загляденье. Длинной с предплечье, с прорезиненной ребристой рукоятью. Сердечник из твердого металла, а лезвие и обух из более светлого и мягкого, с примесью меди — этот сплав лучше проводит колебания. На самом деле это был не столько кинжал, сколько мультиинструмент — так называемый армейский резонатор. Почти не требует заточки, отлично проводит все три типа колебаний — им можно как разрубить противника на куски, так и подлечиться, что нам и продемонстрировал Эдвин. Лезвие заставляло мелкие порезы затягиваться полностью, а крупные — подживать.

Естественно, для этого Эдвину приходилось сидеть с обнаженным торсом. Я вовсю пялился на татуировку под его ключицей. Словно бы две буквы «L» повернули под 45 градусов.

— Эдвин, а у твоего тату есть обозначение? — поинтересовался я.

— Ага. Это тип моего инструмента.

— А есть типы?

— Струнные, духовые, клавишные и ударные. Мне повезло — у меня струнные.

— Что будете предпринимать? — поинтересовалась Гиз, бросая очередной быстрый взгляд.

— Сейчас надо зарастить пару царапин, после этого буду дальше раскручивать клубок, — ответил волшебник, немного изменяя высоту писка кинжала и прикладывая его к шву пулевого ранения.

В гостиную вошла Ли́ра, вся в облаке ароматов трав и спирта.

— А как вообще так получилось, что вы пришли к нам с таким ранением?

— У меня длинная и не самая приятная история. Понимаете ли, за Даудом стоит какая-то организация, и им зачем-то потребовалась моя Табакерка. Собственно, у меня с ним не было никаких дел, пока его головорезы не выкрали ключ от нее, а заодно мой инструмент. Это произошло в Красных Княжествах, в Диртце, и след вел досюда. Полагаю, что координаторы Дауда приказали ему возглавить тень города. А с его-то способностями...

— Сильный волшебник? Вертексалист или другой сонитист?

— Бери выше, — усмехнулся Эдвин. — Я почти полностью уверен, что он вермиалист.

Спина Гиз моментально выпрямилась. Лира же нахмурилась и продолжила диалог:

— Буквально за несколько минут до вашего появления к нам приходил констебль, уведомляя о появившейся активности Тысячи глаз и Червивого яблока.

— Ваши невысказанные выводы верны, мисс Фольди. Я полагаю, что Дауд является членом одной из групп. Эти два культа всегда находятся рядом. И если насчет целей Тысячи глаз я могу говорить с приличной долей уверенности, то вот насчет Яблока нет.

— Забавное совпадение у наших с вами целей.

— И не говорите, — согласился волшебник, гася пение резонатора. — Трудно одному вести войну с целым культом. Я рад, что у меня нашлись союзники. Насколько я понял, Дауд без проблем возглавил тень и теперь берет дань с большей части городских предприятий.

— Под это понятие пошла и моя лавка, — кивнула Лира. — И я даже приветствую то, что вы решили избавиться от этого мерзавца. Только вот лично я не смогу вам помочь.

— Думаю, я мог бы прикрыть тебя, — подал я голос. — Мне как раз нужна небольшая практика.

— Джаспер! — Лире тут же не понравилась моя затея.

— Лира, этот напыщенный пузырь решил, что будет неплохо пнуть меня. Я очень зол на него. И, как мне кажется, моих навыков хватит для нескольких бандитов, боящихся зачерпнуть Мощи.

— Мисс Фольди, если у этого кота хватило навыка нейтрализовать меня, то он не самый слабый боец, — хохотнул Эдвин, но тут же его голос стал серьезным: — Мне довелось понюхать пороха, так что я позабочусь о нем как смогу.

— Лира, ты же понимаешь, что мы не сможем добиться ничего, если будем сидеть тут? — обратился я к своей хозяйке.

— Я не возражаю против войны с Даудом. Это необходимо. Но я не знаю, нужен ли ты там.

— Ты видела меня в действии. У меня есть навыки, но нет практики. И если и наработать ее, то только под присмотром специалиста.

— Напоминаю, что я служил в круге Оборона, — подал голос волшебник. — Начал с Летней войны, участвовал в Битве Девятнадцати, потом восстание Белого города, прорыв в Ууцине, а мелких стычек так и не счесть. Последние восемь месяцев преследую червивого, похитившего мой ключ.

С каждым наименованием брови девушек ползли все выше и выше.

— Кстати, да, я хотел поинтересоваться, что за табакерка, — подал я голос. — Ты так сказал, будто это чье-то имя.

— Да, это имя, — мечтательно улыбнулся волшебник. — Это моя Шкатулка.

Видя мой непонимающий взгляд, он пояснил:

— Нечто вроде корабля, в котором можно жить в Шуме. Мой дом, моя лаборатория — все в моей Табакерке. Собственно, Табакерка — это все, что у меня есть, — развел руками Эдвин. — Так что Дауд Шенн поплатится. Вероятнее всего, головой.

Пополнению выделили комнату. Удивительно, но Лира принесла откуда-то ворох мужской одежды, и Эдвин наконец-то мог перестать ходить по дому без верха, красуясь развитой мускулатурой и богатой коллекцией разнообразных шрамов.

Было несколько забавно наблюдать взаимодействие Эдвина и Маю. Все началось с того, что неугомонный пенек решил посмотреть, что за комнату открыли. А теперь представьте

шок Эдвина, волшебника, не раз, по его словам, бывавшего в Горелых землях, когда в его комнату зашла дрянь-боец, почему-то зеленая и в солнцезащитных очках, а потому без такой давящей ауры кровожадности. Рефлекторно Эдвин выхватил резонатор, но Маю, поцелуй духи его макушку, решил, что его новый приятель решил поиграть с ним в догонялки. Мне пришлось сначала успокаивать чуть не поседевшего Эдвина, а потом и разбуянившегося на ночь глядя Маю.

Наутро Эдвин захотел посмотреть, что я могу. Обсудив это сначала со мной, потом с Лирой, мы выдвинулись в замок Черного барона. Я отказался сидеть в багажном отделении так что Лире пришлось не двигать коленями всю дорогу. На них сидел я.

Когда мы прибыли, Эдвин долго осматривал площади перед донжоном. Удовлетворившись осмотром, он начал разминаться — одновременно со мной. Лире не удалось сдержать смехок, глядя на потягивающегося кота и потягивающегося рядом человека. Потом я снова шокировал Эдвина тем, что показал ему истинную мощь народа челокоотов — прямохождение. Стоит заметить, что к тому моменту я уже мог вполне сносно передвигаться на двух конечностях и даже непродолжительное время бегать.

Начал свое представление Эдвин. Он вынул свой кинжал и пояснил, что резонатор является основным, но слишком уж многофункциональным инструментом волшебников-сонитистов. Все его функции выполняются хорошо, но не так, как привык сам Эдвин, владея своим инструментом.

Вынув кинжал, Эдвин попытался срубить небольшое деревце, росшее из груды камней около стены. Мягкое лезвие не то что не смогло перерубить ствол толщиной чуть больше хвоста, а только затупилось.

И тут Эдвин резко провел по обуху кинжала пальцем, и металл громко, но мелодично *завзучал*. Лезвие моментально вернуло былую остроту, и Эдвин одним движением как перерубил деревце, так и оставил глубокую зарубку в стене. Та моментально зазмеилась трещинками.

Как пояснил Эдвин, это была лишь часть силы резонансных колебаний. На моих глазах он срубил остаток деревца, отойдя от него на пять шагов — лишь силой давления звуковых волн. Положив кинжал на сгиб локтя, он словно прицелился в стену. Пять коротких, едва различимых взвизгов — и в стене образовалось пять новых трещинок.

А потом Эдвин показал мне нечто, что выходило за грань доступного понимания. Он с улыбкой вытянул в мою сторону резонатор, и тот неожиданно пошел волнами. Прочный металл извивался, как змея, причем далеко не только в плоскости.

— В нашем мире, Джаспер, звук имеет форму волны, — он изобразил на земле симметричную волнистую линию. — А вот в Шуме такое положение дел не обязательно. — вторая линия была волнистой, потом она моментально становилась плоской, потом снова волнистой...

Я не совсем понял этот момент про волны, но картинка слишком сильно различалась между собой. Только в этот момент я осознал, что все волшебники используют физические законы *другого мира*. Аж голова закружилась.

Когда я посмотрел на него, Эдвин с ухмылкой изогнул взвизгнувший кинжал буквой «Г». Потом закрутил его вокруг собственной оси, делая что-то вроде штопора. Наигравшись, он показал мне практическое применение этого. Он подошел к дереву потолще и сделал выпад, нарочито показывая мне, что тыкает мимо ствола толщиной с бедро. В момент удара кинжал словно смазался, и, хоть Эдвин завершил удар в двух кулаках от дерева, на коре

красовалось три выщерблины.

Спрятав резонатор в ножны, Эдвин рассказал мне, что благодаря звукам и, главное, отзвукам, может ограниченно смотреть сквозь тонкие стены и видеть очертания предметов в полной темноте. Что своими касаниями он, в зависимости от выбранных колебаний, может творить с материалами всякое.

«Гармония» — сказал он, и прирастил к камню отломившийся кусочек. «Резонанс» — сказал он, завязав ветку толщиной с палец в узел. «Какофония» — мрачно заявил он, когда взял в руки отрубленный ранее кусок ствола, и тот с страшным ревом разлетелся облаком щепок прямо в его руках.

Ну а потом он отряхнул руки и сказал:

— Я предпочитаю не пользоваться какофонией. Слишком грозная и неуправляемая сила. Я предпочитаю ближний бой с применением в основном резонанса. И тут даже не обязателен мой резонатор.

И тут он выбросил перед собой кулак, и его рука сама по себе изогнулась вбок в середине предплечья. Выглядело это настолько неестественно, что я незамедлительно охренел.

— Это называется АРБ — армейский резонансный бой, — пояснил волшебник, делая снова выпрямившейся рукой три оборота вокруг оси. — Сонитистов круга Обороны этому учат всех без исключения. Как ты уже понял, мне необязательно наносить точные удары. Но тут совершенно меняются точки приложения силы. Да и кости нужно иметь тренированные. Очень тренированные.

Чтобы еще раз доказать мне преимущества АРБ, Эдвин почесал локоть правой руки. Правой рукой.

— У меня есть одна знакомая, фанатка фрельядара, — подала голос с интересом следящая за демонстрацией навыков Лира. — Она никогда не отказывает себе в удовольствии поспарринговаться с какой-то новой школой боевых искусств. Не помню среди ее соперников пользователей АРБ.

— Ты говоришь о мисс Гиз? — уточнил Эдвин.

— Как догадался?

— Вы уж извините меня за откровенность, но мисс Гиз худая, стройная и очень гибкая. В движениях ее рук я уже замечал какие-то нотки, характерные для жителей восточных гор. Все это навело меня на мысль о том, что мисс Гиз использует или фрельядар, или хаумм.

— Хаумм слишком, по ее мнению, перегружен особыми техниками.

— Это точно подмечено, — рассмеялся Эдвин. — Для каждого «Удара парящей золотой цапли» нужно пару лет растяжки и изнурительных тренировок. А этих ударов там... Фрельядар более прямой и грозный. Она использует кастеты или дольг?

— И то, и то.

— Тогда действительно, может, стоит ей предложить несколько тренировочных боев, — задумался волшебник. — Ну да ладно. Джаспер, покажешь, что можешь.

Я пожал плечами, привычно вызывая смехок у Лир.

— По понятным причинам, из меня вообще не лучший боец ближнего боя. Но могу сделать так, — я припомнил гара «арса» и, подпрыгнув, срубил у маленького деревца ветку толщиной с палец. — А вот сейчас пройду по спектру доступных мне способностей.

Я выпустил сразу несколько струй огня, длинную спицу плазмы, дохнул мощным потоком жара, испепелив траву на добрых три десятка шагов, уже привычно обстрелял

любимыми искрами донжон, сыграл прямо в воздухе простенькую мелодию и, в завершение, окончанием мелодии расколол небольшой булыжник.

Повернувшись к сонитисту, я сразу же отметил вытянувшееся лицо. Совладав с удивлением, он сказал:

— Мистер Джаспер, я, признаться, думал, что в тот раз вы обрушили на меня всю свою мощь. А вы, получается, меня просто пожалели.

— Эдвин, — я сел на разгоряченный камень, обвив голым хвостом лодыжки. — Давай вернемся на «ты». Мне так нравилось больше. И потом, я не то чтобы умею всем этим распоряжаться.

— Ты действовал довольно оригинально, должен признать. Сразу скажу, что ты на уровне неплохого инферналиста-выпускника. Не офицер, но уже взводный. И сколько тебе, говоришь?

Я задумался. В конце концов, за меня ответила Лира:

— Скоро уж полгода должно быть.

— Если такие результаты получены за полгода, — покачал головой Эдвин, — То не будь воля духов стать мне твоим врагом лет через пять.

Он помолчал, а потом, глядя сквозь меня, тихо пробормотал:

— Может, скоро я и вернусь в Табакерку...

Следующие два дня были тихими. Эдвин большую часть времени проводил или привалившись к нерастопленному камину и водя по телу резонатором, или смотрел в окно у входа в лавку.

Наутро третьего дня он подозвал меня. Я запрыгнул к нему на подоконник.

— Джас, видишь его? — он указал на мужчину с прической «конский хвост», одетого как рабочий фабрики — рубаха и полукомбинезон.

— Ага. Странно, что тут поутру слоняется рабочий.

— Этот парень уже третий день маячит перед лавкой, — пояснил мне Эдвин. — И этот прокол окончательно меня укрепил. Но вот вопрос, человек ли это Дауда или кого-то еще?

— Например?

— Например кого-то из Червивого яблока. Их культисты все же не в одиночку работают, — сонитист задумчиво хмыкнул. — А знаешь, Джас? Не хочешь потрясти этого актеришку?

Тут уже задумался я. Не найдя разумных причин для отказа, я глянул на Лиру. Чуть недовольно сощурился, она все же кивнула мне.

— Хозяйка дала добро, — усмехнулся я. — Каков план?

— Мы с тобой идем на рынок. С весьма высокой вероятностью этот типчик последует за нами. Идем на рынок старого города, чтобы можно было пройти проулками. В одном из них, потемнее, и трясем его. Ты морально к этому готов?

— Один из них хотел меня пнуть. Так что я хотел бы иметь такой же рост, чтобы пнуть парочку из них.

— Хороший настрой, Джас, хороший...

Эдвин сходил и переоделся — штаны на подтяжках, белая рубашка в голубую полосочку, и даже дань моде — тонкие красные полосы на скулах (мужская альтернатива узорчатым лбам девушек). Франт, в общем, и даже без резонатора — человек идет на рынок, зачем ему кинжал? За спиной сонитиста находилась небольшая сумка, в кармане кошелек с

позвякивающими горстями. И за этим милейшим молодым человеком увязал лысый кот (на самом деле челокот, но кого это заботит) в синем пончо с красным кожаным ремешком. Да, я тоже могу позволить себе обновки.

Мы вышли на залитую солнцем улицу. Теплые лучи грели мою бледно-розовую шкурку, придавали золотой отблеск желтоватым камням домов старого города, награждали блеском листья плюща и цветов на подоконниках. Редкие прохожие пребывали в положительном настроении от такой прекрасной погоды.

Чудесный день для кровопролития.

Как и предсказывал Эдвин, типчик ненавязчиво двинулся за нами. Я подметил преобразование волшебника — напевающий красивую простенькую мелодию и мягко улыбающийся, он внимательно контролировал происходящее. Ледяной, совершенно не веселый блеск его серо-стальных глаз несколько пугал.

Мы проследовали узкими, более-менее оживленными улицами почти до самого рынка. Оставалось идти еще минут пять, и Эдвин нырнул в чистенько выглядящий проулок — «сократить путь».

Крыши рядом стоящих домов почти соприкасались, погружая это место в полумрак. В этом месте, пожалуй, сумели бы едва разминуться двое прохожих. Тут было прохладнее, чем на солнечных улицах. Окна сюда не выходили, дверей тоже не было. Небольшой изгиб проулка скрывал нас от взгляда равнодушных прохожих.

А вот и отличное место, как раз под настроение этого дня.

— Джас, нырни сюда, — тихо отдал приказ Эдвин, когда мы проходили мимо невесть кем оставленных деревянных ящиков, уже порядком ссохшихся. — Подожди тут нашего типчика. Выскакивай, как он пройдет мимо. Он должен понять, что соваться через тебя вообще не является разумным действием.

— Принял, — коротко ответил я, удивляясь перемене в таком оптимистично-жизнерадостном Эдвине.

Сказано — сделано. Я нырнул в пахнувшие пылью, крысами и гнилыми яблоками ящики и затаился там. Спустя минуту мимо меня прошел человек, пахнувший кислым пивом, жареным мясом и табаком. Типичный запах кабака. Я даже рискнул высунуться, и это все же был наш псевдорабочий.

Когда он прошел шагов десять, я выскочил из ящиков и сел, обхватив хвостом лодыжки. А спереди из-за поворота уже выходил поблескивающий глазами Эдвин. Наш подопечный застыл как вкопанный, когда увидел, что объект его слезки собирается войти с ним в недопустимо тесный контакт. Он хотел было рыпнуться назад, и даже успел развернуться, но тут он заметил меня. А со мной заметил и небольшую стенку (скорее заборчик) из тихо пышущего жаром огня. Моя последняя разработка. Только жрала Мошь как не в себя, иначе горит секунд пять.

Наш горе-актер начал бешено вертеть головой, пытаясь просчитать риски. Подумав, он выбрал наиболее верное решение. Он кинулся в сторону Эдвина.

Верное для нас решение, хе-хе.

Собственно, на удивление гибкий бандит почти уклонился от сонитиста. Почти. Ему не повезло, что гибкость рук Эдвина не зависит от его суставов.

Схватив поднырнувшего под его левый локоть бандита, Эдвин не стал останавливать его движение, отнюдь. Он попросту впечатал бандита лицом в грязную брусчатку, заставляя меня поморщиться от громкого хруста переносицы.

Без труда подняв горе-актера в воздух, более рослый и мощный Эдвин впечатал его в стену. Лицо бандита со свернутым набок носом было плохо различимо из-за крови. Она же уже начинала портить ему безрукавку. Хвост преследователя бессильно повис, в то время как хвост сонитиста редко и сильно дергался.

— И кого пасем? — тихо задал вопрос Эдвин. Я потушил огонь и подскочил к ним.

— Ведьму и зеленоволосую волшебницу.

— Хо, а ты не из смелых? — губы волшебника исказила нехорошая ухмылка. — Ну и правильно, может, только и обойдешься сломанным носом и провалом в памяти. Имя?

— Дольф, по прозвищу Петрушка.

— Тот, кто отдавал приказы, — видя, как скривился Петрушка, Эдвин тряхнул его, хорошо приложив затылком. — Давай ты не будешь юлить, а я не буду отрубать тебе кисточку. Пойдет?

Глаза Петрушки округлились.

— У тебя нет резонатора.

— Распространенное заблуждение, — вздохнул волшебник. — Чтобы что-то отрубить, мне совсем не нужен резонатор.

Эдвин махнул хвостом, и один из ящиков, в которых я прятался, развалился напополам.

— Последний раз спрашиваю. Кто. Отдавал. Приказы, — с каждым словом Эдвин бил Петрушку затылком о стену.

— Ай! Ладно-ладно, Густав, Густав Два зуба. Чаще всего его можно найти в притоне на севере города. На Пионовой улице, если считать от базарной площади, третий проулок в сторону пригорода. Там будет дверь с зеленой полосой на стене над ней, там притон «Головастик».

— Бойцы?

— У него в подчинении пять головорезов, один из них вроде как волшебник, какой — не знаю.

— Да ты самый настоящий кладезь информации, — восхитился Эдвин. — Посетители притона?

— В «Головастике» торгуют грибным пивом и настойкой мягкосонника.

— Владыки Дна, настойка мягкосонника? — брови Эдвина взлетели. — Торговля-то небось идет?

— Два зуба не жалуется.

— Ну а сам Два зуба под кем ходит?

— Раньше ходил под Топором, а теперь под Шенном. Шенн скоро весь город подомнет.

— Ну это мы еще посмотрим. Спасибо за сотрудничество, сладких снов.

Эдвин резко отпустил Петрушку, и тот от неожиданности рухнул на колени. Волшебник приложил к его голове раскрытую ладонь, прозвучал странный звук — то ли треск, то ли пощелкивание — и бандит без чувств упал на бок.

Сонитист наклонился к нему и тщательно проверил все карманы и, зачем-то, запястья и шею. Удовлетворившись осмотром, он встал и пояснил.

— Проспит часа два. Провал в памяти будет с вчерашнего вечера, я надежно подчистил, всяко надежнее, чем Лира мне. Амулетов при нем не было, ничего не было.

Волшебник потянулся, зевнул и стер с кулака маленькую каплю крови.

— Не хочешь заявиться в один мерзкий притон, в котором торгуют особенно мерзопакостной дурью?

— А когда? — полюбопытствовал я.

— Да прямо сейчас, — улыбнулся Эдвин, доставая из сумки резонатор в ножнах.

Глава 10. Притон "Головастик"

Мы с Эдвином шли по одной из улиц старого города. Держали мы путь на окраину Кузнечки — жилого района, выросшего из бывшей кузнечной слободы.

— А кстати, как так вышло, что у тебя не стерлась память? — задал я давно назревший вопрос. Из-за него Лира уже третий день ходила задумчивая.

— Всё армейские амулеты, — пожал плечами волшебник. — Точнее, амулеты мои, но вот методики плетения армейские.

— Ни разу не видел амулетов.

— Их делать сложно. У меня их всего штуки четыре. Точнее, уже три. Надо будет сплести новый, от вмешательства в сознание и память.

— Большие преимущества дают?

— Смотря какой именно амулет, как сплетен и насколько качественно заговорен. Но я этим почти не интересуюсь. Что успел выучить в круге Оборона, тем и пользуюсь.

— А вот круг Оборона...

— Какой ты любознательный кот, я тебе поражаюсь, — улыбнулся Эдвин. — Круг Оборона — это одно из подразделений армии. Есть обычные солдаты, есть особые корпуса, а есть корпус для волшебников и ведьм — круг Оборона. Попасть туда непросто, нужен как минимум Черный сертификат класса не ниже «Рыцарь» или «Наваждение». Да, постоянно надо куда-то ходить и защищать интересы Бравии, но, с другой стороны, о тебе заботятся, и самые последние разработки используются в первую очередь на нас. Кстати, хотел задать тебе вопрос, Джас.

— Да, слушаю.

— А Лира знает, что ты именно кот, а не волшебник?

— В смысле?

— Ну ты не результат Обмена Кальнфаро.

Какой догадливый. С ним все же надо быть чуток поосторожнее...

— Конечно, Лира в курсе. Она меня купила на рынке, не забывай.

— Интересное ты существо. Никогда таких не видел.

Дальнейший путь у нас прошел в молчании.

Мы проследовали тихими улочками старого города, по касательной миновали торговый район с его дурманяще пахнущими лавками, потом мы прошли мимо череды жилых домов, миновали широкую стену, отгораживающую ткацкую фабрику, перешли через пешеходный мост через местную речку и, наконец, пришли в Кузнечку.

Кузнечка — район особенный. Он стоит несколько особняком от остального города — Асмин почти весь расположен на правом берегу одноименной реки, и только Кузнечка расположена на левой. Еще двадцать лет назад тут были только кузницы и избышки для местных рабочих. У мастеров же были свои дома чуть поодаль. Потом несколько предприимчивых дельцов поставили там пару лавок вместе со своими домами. Потом один фабрикант поставил там один из своих красивых цехов вместе с парой двухэтажных барачков для рабочих, и власти города наконец поставили небольшой мост для пешеходов. Так кузнечная слобода стала Кузнечкой.

Со временем барачков становилось все больше, красивый цех расширялся, появлялись питейные заведения для рабочих, появилась первая фабрика, потом вторая... Сейчас

Кузнечка представляет собой несколько нелюбимую смесь промышленного и спального районов. Унылые двух- и трехэтажные бараки с облупившейся штукатуркой, многочисленные пабы с их вечерним буйством, чадающие трубы трех фабрик — ткацкой, консервной и табачной. Конечно же, в вони химических реагентов, дешевого табака и рыбьего душка не могло родиться ничего нормального, так что Кузнечка была, так сказать, самым криминогенным районом города. (А поставщиком длинных и непонятных ни для кого, кроме меня, слов — головная боль. Головная боль — интересно, а ко мне вернется весь мой запас памяти?)

С чистеньких улочек основной части города мы сразу перешли к грязевому болоту, кое-где выстланному досками: где свежими, а где и прогнившими. Идти по ним было не сказать, что прям удовольствием для людей, но люди терпели. Мне было хуже — я же не мог надеть ботинки. Да и где б я их нашел еще... Пришлось чапать по полузатопленным доскам, надеясь, что мне не предстоит купание.

Вместо прилично выглядящих горожан тут были рабочие фабрик — обоих полов. Людей было немного — основная рабочая смена началась не так давно. Но мы все же имели удовольствие наблюдать усталые лица, запыленную одежду, от которой пахло то едкой химией, то табаком, то не самой свежей рыбой. Женские лица не знали косметики, а мужские слишком близко знали дно бутылки.

Из милого и чистенького Нового времени я попал в затхлое, провонявшее дымом Новое время. Да уж...

Мы быстро дошли до базарной площади. Унылое зрелище — воз с дешевым, явно не первой свежести мясом, несколько навесов, где торговали едой и одеждой, и палатка бродячего фокусника — последний как раз убирал ее в небольшую повозку. С базарной площади выходило четыре улицы. Эдвин поинтересовался у ближайшего прохожего, где же находится Пионовая улица. Рабочий, покосившись на резонатор, махнул рукой в сторону противоположного края площади. Поблагодарив рабочего, Эдвин двинулся в ту сторону, я же последовал за ним.

Пионовая улица, не смотря на свое красивое название, не могла похвастаться ничем особым. Мы быстро миновали два проулка и завернули в третий.

Пройдя мимо пирамиды из ящиков, мы очутились в довольно гнусно выглядящей подворотне. Бело-зеленые стены трех зданий сходились, чтобы образовать прямоугольник немного неправильной формы. Тут росла жиденькая трава, находились две лавки и, слева от входа в подворотню, в стене находилась небольшая каменная арка с яркой зеленой полосой над ней. В глубине арки находилась крепкая дверь, окованная железными полосами. У арки, на одной из лавочек, сидел парень в нехарактерной для этой местности одежде городского денди и курил сигарету, на нас он почти не посмотрел.

— Эй, добрый человек, это не «Головастик»? — обратился к курильщику Эдвин.

— А кто спрашивает? — ответно поинтересовался вихрастый юноша, покосившись на кинжал Эдвина, уже покоившийся в ножнах на бедре.

— У меня есть дело к Двум зубам.

— Два зуба недавно зашел. Он не слишком в хорошем настроении, так что, возможно, уже подумывает о Яркосне.

— О, а у вас и Яркосон продают? — чуть наигранно удивился Эдвин.

— Чистейшая настойка мягкосонника, сэр! Лучшая в городе! Молоко, если доплатить пару молотков, нальют неразбавленное. Спать можно днями, если есть горстка-другая!

— Спасибо за положительные отзывы. Я, пожалуй, пойду внутрь.

Эдвин направился было к арке, но курильщик его обогнал и сам направился к двери.

— Как вас представить Двум зубам?

Сказал он это, повернув голову чуть вполоборота. Не церемонясь, Эдвин с силой двинул его в висок. Охнув, курильщик осел на землю, где волшебник снова провернул с ним трюк по исчезновению памяти. Подняв непотушенную сигарету, Эдвин оторвал тот кончик, который старательно обсасывал юнец и сам сунул его себе в рот.

Мы подошли к двери. Выяснилось, что в верхней ее части есть небольшое окошко. Эдвин постучал в него. Через полминуты окошко открылось.

— Кто идет? — рыкнул пропитый голос.

Вместо ответа Эдвин выдохнул затяжку.

— Смоль, ну поганец, говорил же так не делать...

Разозленный стражник отворил дверь. Обрюзгший мужик в фартуке получил нечеловечески быстрый удар в горло. Шагнув в прокуренное помещение, Эдвин еще раз ударил его в лицо и, когда ослепленный болью мужик сполз по стене, повторил свой излюбленный фокус.

Мы очутились в начале недлинного, плохо освещенного коридора. Рядом с дверью был стул и стол, уставленный бутылками. Очевидно, тут сидел этот здоровяк.

— А ты явно не церемонишься, — заметил я, чуток морщась.

— А чего мне реверансы разводить? — удивился волшебник. — Во-первых, они поступили бы еще жестче. Во-вторых, мой сертификат не «Наваждение», не «Инфилтратор» и уж тем более не «Маскарад». Я «Клык» — пришел, вырезал всех, кого надо, и ушел. Меня готовили по этим схемам. Война, конечно, внесла свои коррективы...

Объясняя это, Эд успел обыскать толстяка.

— Дальше, Джас, будет только хуже. Приготовься. Если что, лучше используй те искры. Они у тебя почти как пистолетные пули.

Я кивнул, и мы пошли по коридору.

Заплесневелые стены, тусклые лампочки, запах гнили, застарелой мочи, пота, выпивки, крови, молока и странный, неприятный запах какой-то травы — все это составляло просто непередаваемую гамму. Добро пожаловать в «Головастик»...

В коридорных стенах виднелись ряды тонких, наспех сколоченных дверей. Сквозь широченные щели мы с Эдвином видели грязные матрасы и охапки соломы, в которых спали, тихо бормоча что-то, мужчины и женщины.

— В Горелых землях можно найти одну травку, — тихо объяснил мне Эдвин. — Если сделать из нее настойку, то, выпитая буквально по капле, она дает долгий сон, насыщенный приятными, разноцветными видениями. В это время с безвольной тушкой можно делать все, что душе угодно. Такие дела, Джас. В таких притонах принято разводить настойку в молоке, получая так называемый Яркосон. Но, в любом случае, нам туда, — волшебник указал на дверь побротнее, видневшуюся в конце коридора.

Перед ней Эдвин остановился и достал из кармана странную штучку — плетеный браслет, к которому была прикреплена непонятная фигурка. Присмотревшись, я увидел, что это была фигурка человечка, с большим мастерством причудливо сплетенная из трех тонких медных проволочек. Надев браслет на запястье, Эдвин без стука вошел в комнату. Я тенью шмыгнул за его сапогами.

В большом зале находился практически пустой бар. Круглые столы, высокие стулья,

барная стойка — все было старым, обшарпанным и грязным. В воздухе носился запах грибов, кислого пива и этой странной травы. За одним из столов находились двое, еще один, жутко пьяный, валялся под ним. В самом углу заведения, за наиболее чистым столом, находилась группа из трех людей. Эдвин сразу же направился к ним.

Эти трое, в слегка потрепанной одежде горожан, сидели и вполголоса что-то обсуждали. Верховодил у них мужик с шрамом на лбу и отсутствующими передними зубами. Рядом с ним сидел еще один парень с «конским хвостом» и пожилой мужчина в синей широкополой шляпе и плаще.

— Добрый день, господин... — вежливо начал Эдвин.

— Мы тебе не обслуга, травоед, — отмахнулся от него Конский хвост, поправляя цветастые подтяжки. — Иди, сейчас тебе плеснут Яркосна.

— О нет, я пришел сюда не за настойкой, — Два зуба и Синяя шляпа бросили на него подозрительные взгляды. — Мне нужна информация.

Услышав это, двое пропойц подхватили своего бесчувственного друга и удалились из кабака.

— Садись, — коротко махнул Два зуба.

Эдвин сел за столик. В то время, как основные трое оценивающе оглядывали друг друга, Конский хвост открыто пялился на меня. Ну и пусть пялится, главное, чтобы не видел, как волшебник сжал рукоять резонатора.

— Понимаете, господа, мне очень срочно нужна информация о местонахождении одного человека. Его зовут Дауд Шенн.

— Дауд Шенн с кем попало не встречается, — заметил Синяя шляпа.

— У меня совершенно точно найдется, чем его заинтересовать, — заверил его Эдвин.

— Как хоть зовут тебя?

— Я Эдуард Мольс.

— Не слышал о таком, — вставил ремарку Конский хвост.

— Я путешествую вслед за Шенном.

— Густав Два зуба, — кивнул Эду главарь.

— Альберт. Просто Альберт, — приподнял шляпу пожилой.

— Порох, — емко представился Конский хвост, откинувшись на жалобно скрипнувший стул.

— А что конкретно тебе есть предложить Шенну? — поинтересовался Два зуба.

— У него мои вещи. Хотел заключить обмен, — просто ответил Эдвин.

Два зуба и Альберт рассмеялись.

— Да Шенн тебя скорее убьет, чем вернет то, что его заинтересовало.

— И на этот аргумент найдутся свои контраргументы.

— А ты уверенный в себе донный ползун, я посмотрю, — заключил Альберт.

— У меня нет такого количества времени, чтобы препираться с вами, — в голосе Эда исчезла вежливость. Я услышал тончайший писк, когда он начал подготавливать кости к АРБ. Для людей этот писк неслышен. — Так или иначе, я получу информацию от вас. И лучше отдать ее по-хорошему.

Внезапно Порох встал, отодвинув стул, вынул револьвер — это совершенно точно был длинноствольный револьвер — и приставил ствол к виску Эда.

— Выбирай тон и выражения! — прикрикнул Порох.

— Джас, я все равно их не выпущу.

Я понял все сразу. Короткое усилие, и четыре искры насквозь прожигают ладонь Пороха. Он орет и роняет револьвер. Эдвин, не вынимая, взмахивает клинком. Грозно ревущее лезвие прорезает сначала ножны, а потом и стол как горячий нож масло. Безуспешно — удивительно проворный для старика, Альберт вскакивает, а Два зуба просто откидывается на стуле и падает на пол.

— Просто скажите, где Шенн! — орет Эдвин. В нем больше нет ничего от того дружелюбного парня лет двадцати пяти-тридцати. В голосе инфразвук, а недлинные русые волосы шевелятся от вибраций в костях черепа.

Вместо ответа Альберт отскакивает назад и вздевает руки к низкому потолку, а Два зуба пытается забежать за стойку. Слышу, как тихо ругающийся Порох вынимает откуда-то нож. Что ж...

Поток пламени из пасти раскаляет лезвие, и воющий Порох роняет и нож. Вместо того, чтобы баюкать и эту руку, он делает ко мне рывок, и я ничего не успеваю сделать. Кожаный сапог вонзается в мой живот, и я кубарем лечу через всю комнату. Приземляюсь боком и, пока в крови кипит адреналин (короткий укол в голове), выпускаю в полет целую россыпь искр. Те вонзаются в руки, ноги и живот Пороха и тот, наконец, падает без чувств.

Тем временем Два зуба добежал до стойки, а из рукавов Альберта выплыли прямо в воздух... Что-то вроде рыб. Метровые оранжевые тела, несколько пар плавников, хищные глаза и загнутые вперед, топорщащиеся из пасти клыки. Семеро особей, резкие, дерганные движения — они словно пытаются удержаться в воздухе. Эд прокручивает в руках визжащий кинжал.

Выпускаю на свободу всю мощь *гиль* — белые и блестящие, как бриллианты на солнце, кусочки металла летят, вспарывают воздух и твердую чешую странных рыб, оставляют кратеры в белой стене и вырывают куски из деревянной стойки. Оттуда слышится наполненный болью крик, а Альберт потерял двух рыб. Оставшиеся резко мечутся в сторону волшебника, но одна избрала своей целью меня.

Когда она подлетает, я резко ныряю вперед и гарой «коготь» вспарываю ей брюхо. Выпотрошенная рыба тяжело плюхается на дощатый пол. Успеваю заметить, как Эд уже разобрался с последней из рыб. Невероятная скорость. Пахнет холодной рыбьей кровью и требухой.

Лицо Альберта краснеет, из рукавов плаща широким потоком льется темная вода, но она не падает на пол, а застывает в воздухе послушным его воле щупальцем. Взмах, и Эдвин с грохотом переворачивает собой столик, за которым минуту назад сидел Два зуба.

В комнату, позади меня, врываются два охранника весьма подпитого вида, с окованными железом дубинками в руках. При виде хаоса, мертвых рыб и длинного водяного щупальца Альберта они застывают как вкопанные и становятся легкой мишенью для искр гиль. Кусочки металла оставляют длинные порезы, ожоги и насквозь пробивают тонкие места, вроде ладоней.

Охранники падают, матерясь и зажимая кровоточащие раны. Я метил только по конечностям, чтобы не убивать. Все же я еще к этому не готов.

Меня неожиданно скручивает судорога, и я отрываю немного крови. Ублюдок Порох неплохо меня пнул.

Звучит выстрел, громкий, как хлопок по ушам. Я оборачиваюсь. Альберт согнулся, изо рта струится кровь, а над своим столиком стоит поседевший, морщинистый Эдвин с дымящимся револьвером. Сонитист подскакивает к Альберту и вопящим кинжалом начисто

срубает ему голову. Кинжал даже не замедлился.

Сначала на пол проливается несколько сотен литров воды, потом в нее падает голова, а затем и тело. Просачивающаяся сквозь доски куда-то вниз вода быстро окрашивается красным.

Старик-Эдвин подсакивает к моим противникам и быстрыми тычками в туловище обрывает их страдания. В его глазах я не вижу никакой пощады. Становится *действительно* страшно — кажется, адреналин меня отпускает. Пока я об этом размышляю, Эд сует револьвер в карман и добывает стонущего Пороха.

Я, шлепая по мокрому полу, забегаю за стойку. Там, посеченный щепками и обломками, рычащий Два зуба пытается оторвать кусок рубашки. Старик-Эдвин уже подошел — я слышу это по тому, как он скрипит сапогами по хлюпающему полу.

— А теперь, дружок, ты понял, насколько я был серьезен? — Эд хватается Два зуба за грудки.

— Понял, — устало машет рукой Два зуба. — Сам я не пересекался с Шенном. Я пересекался с его правой рукой, Ульрихом. Он курсирует по городу и близлежащим областям, наставляя всех на правильный путь. Я только примерно знаю, где он.

— Тебя надо заставить говорить? — Эдвин теряет терпение.

— Да нет. Он через неделю хотел навеститься в твое заведение, насколько я слышал слухи. Точнее не скажу.

— Ясно. Благодарю за содействие.

Эдвин отпускает Густава, и тот шлепается обратно в лужу. Волшебник привычным жестом обхватывает голову бандита. Звучит не треск, а звук, настолько густой, что его можно намазывать на хлеб. Два зуба обмякает, а из его носа начинает струиться кровь.

Эд выпрямляется и устало облакачивается на остатки стойки.

— Что вообще случилось?

— Они вспыхнули.

— Кто это был? — я тыкаю лапой в сторону тела Альберта.

— Фастигиалист, волшебник Последнего океана. Полный профан. Силенок хватил только на то, чтобы призвать коралловых акул и облить меня из временного потока.

— А с тобой все норм будет? Выглядишь как печеное яблоко.

Эдвин фыркает, и вдруг от его тела доносится тихий, но всепроникающий звон невероятной чистоты. Я стоял рядом с Эдвином и не сумел сдержать мурлыканья — так хорошо стало от этого звона. Вообще не волновало то, что мы стоим посреди трупов в разгромленном притоне. Звук кончился резко, на полутоне — я глянул на Эдвина, и передо мной снова был двадцатипятилетний волшебник.

— Полечились, и хватит. Информацию я получил. Согласись, трудно переоценить ее значение.

Я молча кивнул. Ради информации о грядущем нападении стоило перевернуть вверх дном один гадюшник.

— Теперь немного подожди. Если хочешь, можешь пока обыскать остатки стойки. Я пока проверю карманы этой троицы и тех двух. Кстати, ты держался молодцом.

Я, стараясь не глядеть на тело Двух зубов, обыскал руины стойки. Мои искры пробивали все, что можно — бутылки с дешевым алкоголем были разбиты, кружки расколочены. Я сумел найти еще один, немного ржавый, револьвер, мешочек с грязными горстями и молотами и два пузырька с молочно-белой жидкостью. От пробок пахло той самой травой. О

находках я доложил Эду, обиравшему Густава.

— Револьвер выкинь, поворотный механизм проржавел, я тебе как спец говорю. Мешочек оставь, деньги руки не красят. А вот Яркосон...

Я понял, что это были пузырьки с драгоценным наркотиком. Эд просто кинул их в стену, и сотни и сотни горстей, распространяя горький аромат, начали стекать по стене.

— У этих товарищей ничего толкового не было. Разве что патроны к «Ольгерду» этого Пороха, — Эдвин тронул рукой карман с револьвером. — Ну и у глубинщика паршивенький амулет на отвод глаз. Пойдет, в принципе.

Эдвин жестом попросил меня остаться и быстро проверил дверь, к которой так стремился Два зуба — там был запасной выход на улицу. Закрыв дверь и подперев ее одним из уцелевших стульев, волшебник бросил внимательный взгляд на кирпичный потолок и отдал мне указания:

— Я сейчас буду вытаскивать спящих травоедов из их сонных гнездышек. Прямо на улице штабелями буду класть. Твоя задача — чтобы все здесь горело. Сможешь?

Я покосился трупы, мокрый пол и неуверенно кивнул. А справлюсь?

— Я не слышу, Джас.

— Да, справлюсь, Эд. — ответил я, глядя прямо в глаза волшебнику.

Он ухмыльнулся. К нему возвращалось его обычное настроение.

— Отлично. Встречаемся на улице.

Когда он вышел, оставив дверь открытой, я еще раз с неудовольствием оглядел зону работы. Делать было нечего.

Пока я передвигал один из стульев к стене возле двери, Эд вытащил на улицу уже двух бесчувственных человек. Усевшись на стул и выпустив в плохо отшлифованную древесину когти, я выпустил поток ослепительного огня. Не прошло и мгновения, как зашипела, испаряясь, вода, и занялась одежда на Порохе.

Я выпускал огонь около трех минут. Очнулся, когда Эдвин тронул меня за спину.

— Пошли, я все! — он едва перекричал пожар.

Я оценил ревущий огненный ад, что устроил, кашлянул от обилия дыма и выскочил на улицу, обогнав Эда.

На жиденькой травке около лавочек лежало шесть человек, вяло двигающихся и пускающих слюни. Двоих из них мы знали — это был Смоль и безымянный привратник. Эд окинул их быстрым взглядом, посмотрел на меня и кивнул.

— Спасибо за помощь.

— Не за что. Но не скажу, что был прямо рад.

— К этому сложно привыкнуть, — вздохнул Эдвин. — Ну что, пошли?

И мы двинулись прочь от чадающего дымом притона. Мы шли домой, готовиться к осаде.

Глава 11. Величайшая проблема Джаспера

Удивительно быстро мы вернулись на чистенькие улицы старого города. Мы шли молча — я пялился на широкую спину Эдвина и его изредка дергающийся хвост. Наконец, когда мы проходили мимо очередной забегаловки, он обратился ко мне:

— Джас, ты не голоден?

— Ну есть немного.

— Давай зайдем, я тоже проголодался, — и, не дожидаясь моего ответа, волшебник нырнул под брезентовый навес, дававший тень веранде.

Эдвин сел на изящно изогнутый стул, за столик на двоих. Поняв его, я залез на противоположный стул. Стол доходил Эдвину до границы груди и живота, а мне он был по шею. Подошла приветливая официантка — белая одежда, накрахмаленный фартук, русые локоны и дешевый блокнот в руках.

— Доброе утро. Что будет заказывать гость?

— Мне пару сэндвичей и стакан осса, моему фамилиару пару куриных крыльев. Немного прижарьте их на гриле, если можно.

— Сэндвич с ветчиной или куриной грудкой?

— Рыба есть?

— Красная.

— Будет замечательно. А если и добавите горчицы...

— Будет сделано, господин, — поклонилась официантка и удалилась.

Когда она ушла, Эдвин взял бумажную салфетку и быстро протер обувь — на ней остались разводы от воды, смешанной с кровью.

— Ты всегда так работаешь? — задал я интересующий меня вопрос. Я все же полагал, что градус жестокости будет ниже.

— Да, — просто ответил Эдвин.

— Не легче ли было просто выведать информацию? Или, на худой конец, купить?

— Покупать — слишком дорого для меня. Помимо Костра и Табакерки, у меня есть тренированное тело и специфические навыки, которые я не особо стесняюсь пускать в ход. Поверь мне, Джас — это была довольно быстрая и почти мирная схватка.

— На войне хуже?

Эдвин задумчиво кивнул. Улыбка еще держалась на лице, но его глаза были полны тумана.

— Во время экзамена на Черный сертификат судьи оценивают твои навыки и способности к их применению. Ты борешься один на один, борешься в строю и дерешься с превосходящими силами. Цели больше тебя, цели меньше тебя. Твоя территория и противоположная тебе. Оценивается не только способность справиться с испытанием, а еще и то, как именно ты их проходишь. В итоге твоему сертификату присваивается класс. «Рыцари» хороши в строевом бою. «Стаи» действуют малыми группами. «Дуэлянты» искусны в бою один на один. «Канониры» могут испепелить целые отряды врага. «Наваждения» ведут подрывную деятельность в тылу врага, и прочее, и прочее. Знаешь, для чего нужен класс «Клык»?

— Просвети.

— Представь, что ты генерал. Вошел недавно в город врага, выбрал среди местных

лояльного тебе заместника, которого готовили спецслужбы, оставил в городе гарнизон и несколько «Канониров», после чего ушел воевать дальше. Если ты не будешь создавать волшебные вихри в определенных точках, то очередной выстрел Разломного орудия может попасть в города твоей страны. И тут, через пару недель, приходит депеша. Ты ошибся в человеке. Обычно такое заканчивается пощечиной, разрывом отношений, дракой с тем, кого ты считал другом, — Эдвин усмехается, но тут же немного добавляет в голос стали. — Но этот случай закончился гибелью двух сотен рядового состава, пяти волшебников «Стая» и двух «Канониров». Ценные кадры. Ты ошарашен: «Как же так, это же был надежный человек из наших!» А вот и нет — гурры умеют подкупать. Эта история доходит до высшего командования, и они очень опечалены. Даже не твоему просчету — ты все сделал по инструкции. Они опечалены тем, что по вине одного человека, ну, с небольшой группой сторонников, погибли несколько сот человек, и что над уже нашим городом реет флаг Гурра.

— И что делает опечаленное командование?

— Командование посылает «Клыка». Он инкогнито прибывает в город, тратит два-три дня на разведку: мятежники почти всем составом живут в ратуше. Замечательная ситуация. Поздно вечером «Клык», не таясь, заходит в ратушу, и через примерно час выходит. Еще через час полицейские получают донесения горожан о шуме из ратуши. Они заходят туда, и видят лужи из крови. Груды из мелко порубленного мяса. На самом деле у «Клыка» все прошло быстро и чинно, он даже толком не был поцарапан, врагов убивал быстро и милосердно. Но потом ему пришлось навести беспорядок. После полицейских в ратушу заходят корреспонденты, и на весь город раздаются крики о недопустимости перехода под флаг гурров. Его, к слову, нашли в глотке бывшего доверенного человека. Так бывает, — еще раз пожал плечами Эдвин. — «Клык» тратит еще пару дней, чтобы быть уверенным, что ни один мятежник не усомнится в старой поговорке диртциан — «пролил кровь — жди крови». Потом у «Клыка» было еще несколько таких городов, важные шишки из тройки стран, пара отрядов моннгу и даже один-единственный галгара. «Клык» по праву гордится той победой. Стоит учесть — целью «Клыка» было не просто устранить цель, а устранить как можно более зрелищно, чтобы никому не хотелось повторить путь этого бедолаги. А потом столь узкого специалиста посылают на фронт, так как дела государства в Летней войне шли не так чтобы хорошо. И «Клыку», средству террора, воину, оставляющему багровый след, нужно вступать в прямой контакт с противником. И они не кончаются, и не кончаются. Раньше у него были цели, помехи и прочие. Теперь у него только товарищи и враги. Ему пришлось привыкнуть к тому, что все можно решить не волшебством, а простой пулей. Газом. Артиллерией. А знаешь, что было хуже всего? — он помолчал. Мне не хотелось говорить, поэтому он продолжил. — А хуже всего то, что «Клыку» было всего шестнадцать. Знаешь, на войне бывает так легко потеряться...

Официантка принесла на подносе два сэндвича — между золотистыми ломтиками хлеба ярко-красная рыба, зеленые овощи и горчица цвета меда, умопомрачительный запах слабосоленой рыбы и пряностей. К сэндвичам шел широкий стакан, наполовину полный каким-то бирюзовым алкогольным напитком. Передо мной, на стул, поставили бумажный кружок с двумя крыльями, которые чуток подержали на гриле.

— Спасибо большое, — Эд проводил официантку взглядом. Продолжил, как только она ушла. — На войне легко потеряться. Паспорт сгинул в срочном бегстве из одного поселка — на него наступали варага. Тут не до скоординированного отступления — каждый брал свое и бежал, сражаясь с дозорными орды. «Клык» попал к войскам другой страны — а разницы

почти никакой. Те же люди, брошенные в такую же мельницу, как и наш с тобой герой. Да, герой — когда он еще служил своему государству, то его представили к награде за невероятно эффективное и эффектное убийство себе подобных. Но знаешь, когда Орудие дало осечку и война прекратилась сама собой, «Клык» ушел, чтобы его не нашли. Он не хотел конфликтов, но это единственное, что он умел. И вот тут, Джаспер, вскрывается самое интересное. Занимаясь своим делом на войне, он был героем. Придя с войны и изредка занимаясь тем же самым, просто защищая себя, он был убийцей. А ведь делал он одно и то же. А вторая доля этого самого интересного заключается в том, что никто не вывесит объявление: «компании требуется квалифицированный убийца, оплата сдельная, по числу голов». А там, дальше...

Эдвин устало махнул рукой. Немного пересев, он взял первый из сэндвичей и впился в него зубами. Он жевал его тщательно, старательно измельчая каждый кусок. Доев, он окончил свой рассказ:

— Сначала наемник — ведь помимо него с войны пришли те, кто наслаждался такой работенкой, как у него, и многим требовалась защита. Другим мечь. За некоторых я деньги не брал. Законченные мрази, — рыкнул волшебник и потряс головой. — Война, Джаспер, очищает не всех. Потом наш «Клык» вспомнил, что он еще может собирать информацию о различных целях, и стал сыщиком. И знаешь, у него даже получалось, и получалось хорошо. Он за пять лет даже никого не убил. И тут, в один не самый прекрасный день, у него забирают то последнее, что приносило ему радость. Что было свидетельством его человечности и его силы. «Клыку» ничего не оставалось, как идти по следу похитителей и заниматься тем, что у него получалось лучше всего. Вот тебе история Эдвина Моуза, он же «Клык» ноль-пятнадцать.

Я помолчал. Эдвин тянул из стакана свой алкоголь.

— Можешь рассказать о тех вещах? — попросил я.

— Табакерка — это мой дом. Изнутри он как двухэтажная квартира. Там уютно — я тратился на него. Есть даже застекленный садик с видом на Шум. Там замечательно, — Эдвин, умиротворенный, прикрыл глаза. — А Костер... Как-нибудь в другой раз, хорошо? Я давно никому эту историю не рассказывал. Не хочу сразу говорить все.

Эдвин одним махом опрокинул в себя бирюзовый напиток. Я дожевывал крыло и внимательно посмотрел в глаза Эдвину.

— Спасибо за доверие.

— Всегда пожалуйста, Джас. Просто я не хотел, чтобы ты смотрел на меня как на убийцу. То есть, я он и есть, это так. Но... Я никогда не получал от этого удовольствия.

— Я понял тебя, товарищ.

Эдвин усмехнулся.

— Подумать только. Кот может быть более вежливым и приятным, чем многие люди. Хотя, на самом деле, тут мало удивительного. Мисс, можно расчет? — крикнул он официантке.

Мы подошли к лавке. За углом Эд остановил меня и присел на корточки:

— Я полагаю, Лира может узнать о Петрушке, но никак не о «Головастике».

— Не дурак.

— И, пожалуй, о нападении тоже стоит умолчать. Справимся сами?

— Смотря, сколько их там будет, — уклончиво ответил я.

— Я еще пособираю информацию. Там посмотрим...

Волшебник встал, и мы вошли в лавку.

Солнечный день, пахший цветами и табаком внезапно сменился на сумерки с ароматом трав и спирта. Мне нравился этот запах. Лира, сидевшая за кассой и читавшая очередной гримуар, встрепенулась от звона колокольчика.

Эдвин устало выдохнул и опустился на синеватый диван. Удивительно, но немолодой, частично промятый диван принял его, словно был великолепнейшей мебелью — Эдвин расслабился, частично утонул в мягком плюше, его тело приняло наиболее оптимальный угол. Я заметил, как спинка дивана медленно двигается за спиной Эда. Кажется, это был диван-массажер.

— У-ух... — выдохнул волшебник. — Обожаю этот диван. Самая удобная мебель, на которой я сидел.

Волшебник погладил диван по подлокотнику. Последний немного выгнулся под его рукой.

Да, Эдвин облюбовал этот диван. Лира сначала была недовольна, что в помещении присутствует посторонний, но увидев, что и диван облюбовал Эдвина, смирилась. Дух, проснувшийся в старой мебели, явно считал себя обязанным Эду, и как мог окутывал его заботой.

Я, сморщившись от этих телячьих ласок, тоже запрыгнул на диван. Потоптавшись, я разочарованно опустил голову на подлокотник — старый и твердый диван. Обернувшись, я с завистью посмотрел на Эда, которому было так мягко, что он на ладонь ушел куда-то вглубь синеватого выцветшего плюша.

— А у тебя в Табакерке есть диван? — поинтересовалась Лира.

— А-агха... — расслабленно выдохнул Эд. — Но даже и вполтину не такой великолепный, как этот.

— Ну да, ты же не скормил духу в своем диване стакана три собственной крови... — вполголоса пробормотала ведьма.

— Что?

— Как прошло преследование, спрашиваю?

— Ах, это. Мы с Джаспером немного потрясли того молодчика. Мы не узнали, где Шенн, но зато узнали местонахождение его ближайшего помощника. В ближайшее время, после выяснения еще нескольких деталей, мы накроем и его.

— Мы?

— Джаспер проявил себя настоящим боевым товарищем. Толковая поддержка, хорошее управление своими способностями, отличный импульс. Будь он человеком, то «Рыцарь» был бы у него в кармане. А то и кто покруче.

— Джас, ты сам как? — с материнской тревогой в голосе спросила Лира.

— Да вроде нормально. Необходимо иногда разогнать кровь. Не скажу, что это была непосильная задача. У моего учителя превосходная школа.

Из решетки за диваном до меня донесся едва слышный аромат дыма. Это был условный знак.

— Пойду, что ли, гляну крыс в подвале.

— Тебе дверь открыть?

— Да, пожалуйста.

Лира вышла из-за кассы, и мы вместе пошли в коридор, оставив Эда присматривать за

лавкой.

— Как тебе он?

— Когда люди врут, я это чувствую, — мотнул я головой. — Сегодня он мне рассказал свою историю, и нигде не солгал. Легкой его жизнь не назовешь. Он человек, который хочет покоя, но умеет почти только воевать. Думаю, на него можно положиться.

— Но эти его драки...

— Ты же борешься за бабушку и Медоносную, — сказал я Лире, пока та отпирала дверь в подвал. — Вот и он борется за то, что считает для себя важным. Ну ладно, спасибо. Меня ждут очень большие ящерицы.

И я забежал в подвал. Оттуда несло жаром и духотой — Гальза уже открыл свой котел и ждал меня.

И снова очная ставка перед лицом почти всемогущего ящера. Хоть и неплохой... разумный, приятный собеседник, но его без малого четыре метра роста и шесть конечностей повергают Кота в трепет.

— Сегодня, кот, без новшеств и особенных гара. Сегодня я покажу тебе один особенный прием, который может спасти жизнь или подарить легкую победу.

Повторилась уже стандартная история с обменом кровью. Когда я слизнул кровопламя, то ощутил на голове привычное давление чешуйчатой лапы...

Из моей руки вырвалась тугая струя огня, бившая на триста хвостов. Жар был так силен, что раскалял камни докрасна. Я мог поддерживать этот огонь вечно, но таким образом можно победить только мягкотелых людей или шустрых моннгу.

Недавно мой учитель показал мне один фокус, так что самое время испробовать его...

Я пропустил через себя большой поток Мощи, накапливая его в теле — огонь грозился вырваться из меня, но я сдерживался как мог. Когда из-под когтей первый раз капнул огонь, я использовал этот фокус.

Выпусти пламя не из тела — точка пространства вне его, и желательно подальше. Не береги силы и выплесни все одним импульсом. Таковы были слова моего учителя.

Выбрав в качестве точки камень в семидесяти трех хвостах от меня, я выпустил весь суоль разом.

Расцвел приторно-сладкий, бело-желтый, ревуший цветок. Спустя мгновение меня пошатнуло могучим ударом воздуха.

Это был *харраку*. Мой первый удачный *харраку*.

*

Мы с Лраггой охотились на панцирника. Мы с ним вдвоем освоили *харраку*. Он, конечно же, быстрее. У него три рога, так что можно понять.

Я взял охотничий молот и четыре дротики, а Лрагга прихватил кол и два дротики. Такой выбор он объяснял маленьким фокусом, которому научился у бродячего даургу. Мол, нужна металлическая гара и освоенный *харраку*, и тогда можно пробивать панцирников влет.

После полудня выслеживания и его беспрестанного хвастовства мы, наконец, нашли панцирника.

Нам не повезло — толстая туша панцирника находилась совсем рядом с рекой. Тут недавно был выброс подземного олова, и огромное существо неторопливо хрустело застывшими потеками металла. Конечно, торопиться не надо — в любой момент можно нырнуть в реку, залечь на дно и фильтровать поток гангат.

Я жестом показал Лрагге, что найду со стороны реки. Друг пожал плечами и фырканьем согласился. Я приоткрыл рот и, держа язык направленным в сторону панцирника, заскользил на шести лапах к реке. Резких изменений в его температуре не было, поэтому я спокойно достиг кромки реки, где и закрыл пасть — бесполезно.

Кипящее железо струилось у моих нижних коленей. Встав из реки, я проверил состояние дротиков и молота — не подплавились ли, по-прежнему острый ли боек молота. Все в порядке.

Я взял дротик длиной в две трети хвоста не за середину, как обычно, а за самый краешек. Прицелившись, я мягко запустил дротик. Перед тем, как его тупой конец оторвался от моих пальцев, я сделал маленький выброс харраку — направленный прочь от моих пальцев.

Обычно дротики едва ли могут оцарапать покров панцирника. Но это был харраку — и дротик наполовину ушел в мягкую плоть чудовища. Панцирник вскинул голову и взревел. Олово сыпалось из его пасти. Он развернулся и хотел было нырнуть в реку, как увидел меня. Я встал во весь рост и взревел громче панцирника.

Сразу после этого громко треснули две пластины, одна за другой — фокус Лрагги. Чудовище замотало головой. Мне даже не надо было пользоваться вагарр. Хватило прыжка.

Острый боек охотничьего молота вошел глубоко в темя панцирника. Могучий зверь вздрогнул, прохрипел что-то и свалился на бургристый от потеков олова берег реки.

Славная охота. Мы отметили наш успех громогласным ревом, а потом и горячей плотью панцирника.

Я не удержался — хрящи и кожа с крыла все же выплеснулись из меня.

— Забавный ты, — довольно рыкнул Гальза. — Держишь Отпечаток лучше, чем люди, но такой слабый желудок...

Щелкнув пальцами, галгара превратил выbleванное крылышко в едва заметное пятнышко золы.

— А вообще, теперь тебе следует отдохнуть. Потом начинай практиковать харраку. По-вашему — взрыв. Делай его мощным, делай его слабым. Попытайся сделать его направленным. Главный момент очень прост. Ты можешь взять два листочка с дерева и положить их рядом, на расстоянии... Ну да, примерно как ширина твоего уха. Ты должен сделать направленный взрыв вдоль листочков так, чтобы они даже не шелохнулись. Сумеешь это повернуть, и я покажу тебе трюк, которому меня научил Лрагга. А теперь иди и отдыхай. Кстати, могу согреть тебе воды в ванну. Просто от тебя несет человеческой кровью.

— Ты только Лире это не говори, — отмахнулся я, размышляя про эти листочки.

— Не буду, кот, не буду, — махнул мне на прощание хвостом галгара. Дверь его котла захлопнулась.

Я зашел в ванную комнату, на ходу снимая пончо. Она располагалась за одной из дверей на втором этаже. Вся комната была выложена мелкой плиткой: у потолка светло-голубой, а все ниже и ниже цвет был все темнее, вплоть до сине-черного у пола. Комната освещалась так же, как и весь дом — электричеством. По стене шли толстые чугунные трубы, которые заканчивали кранами у монументальной ванны и каменного умывальника. Около умывальника находился шкафчик с разнообразной косметикой, шампунями и мылами. Под шкафчик был запихнут мой тазик.

Я, снова встав на две лапы, с трудом вытащил алюминиевый глубокий таз и как мог подтащил его к ванне. Встал вопрос — как же мне наполнить его водой?

Меня выручила Призрак. Внезапно появившись сбоку и перепугав меня, она вытащила свой главный инструмент — плотные перчатки с тонкой вышивкой. Как объяснила Лира, призраки пользуются такими перчатками, чтобы взаимодействовать с миром. Конечно, считается хорошим тоном покрывать медью ручки дверей и все в этом стиле, но так меди не напасешься. Поэтому придумали двухслойные перчатки: слой ткани и слой тончайшей медной кольчуги, почти невесомой. Призраки взаимодействуют с медью, а медь — со всем остальным. Для защиты нежных колечек и нужна плотная ткань.

Правда, все призраки бродячих поместий были необычными, и могли в какой-то степени взаимодействовать с миром и так. Но, все же, Медоносной было удобнее работать в них.

Призрак без труда подняла таз и поставила его в ванну. Включила воду — сначала холодную, а потом и горячую. Густое облако пара заволочло ванную. Наполнив таз, Призрак без видимого труда переставила таз на пол, порывшись на одной из полок шкафчика, достала мне крошечный обмылок. Он сильно пах жасмином и, кажется, яснозором. Приятный терпкий аромат. Я с поклоном принял обмылок и залез в воду.

Прошипел от боли и удовольствия одновременно. Как один раз объяснил Гальза, у всех инферналистов проявляется одно их свойств галгар. Знаете ли, галгары никогда и нигде не замерзают. Почему? А попробуйте хотя бы продрогнуть, если у вас вместо крови самый настоящий огонь. И это свойство распространяется на каждого человека-инферналиста. В том числе и вашего покорного слугу.

Поэтому, в принципе, Призрак могла налить мне ледяной воды. Холодно мне бы не было. Неприятно, конечно, но не более. Но Призрак налила мне кипятка. А от жара, как ни парадоксально, галгары не защищены. Да, галгару можно сжечь. Правда, задача нетривиальная. Как и тест с листиками...

Я лег в просторный таз на живот, поджал ножки и положил подбородок на бортик. Балдеж.

Призрак села на теплый кафельный пол и, сняв перчатку, аккуратно меня погладила. И ведь знает, где мне нравится. Да, за ушами, вот тут. Да, можно чуть пониже. Да-а-а-а...

Я лежал и мурлыкал. Лежу в горячей ванне, и меня гладит довольно жуткий призрак. А что? А мне можно. Сейчас со смешком вспоминаю мой трепет перед ней. Нет, он, конечно, остался в разумной мере, но прямо не сравнить. Медоносная была стеснительной, вежливой и заботливой. А еще ей нравилось играть со мной.

Сидели так мы долго. Наконец, Призрак тихо вздохнула, вспорхнула на ноги, отряхнула от чего-то невидимого передник и собралась выйти из комнаты. И тут мой Кот решил проявить любопытство. А почему бы и нет...

— Уважаемая Медоносная.

Призрак остановилась и развернулась ко мне. Ее холодные черные глаза и тонкий рот ничего мне не сообщали, но в позе ее плеч и по характеру движений я видел заинтересованность.

— А у вас есть имя?

Призрак вытянулась. Брови медленно поднялись на лоб. Руки, как и обычно, сложенные в замочек на переднике, сжались.

Мама.

Призрак наклонила голову и тряхнула ею. Длинные волосы упали ей на лицо. Тихо-тихо, на границе слышимости, я услышал:

— Амелия...

И она растворилась.

Ого. Она говорит. И голосок красивый...

— Амелия, значит, — вполголоса пробормотал я. — Кажется, она все же перестает быть такой страшной.

Почувствовав, что вода остывает, я пропустил сквозь себя Мощь, и она снова начала исходить паром.

Выбравшись из ванной, я обтерся мягким махровым полотенцем. Вообще, это было полотенце для ног, но мне оно было как раз. Одевать свой пончо не стал, напротив, положил его в корзину для грязного белья. Голячком погарцевал в гостиную, укладываться спать, а то Кот все уши прожужжал. Да, еще не ночь. Но вспоминаем, что я кот, и все становится на свои места.

Я свернулся калачиком на своем кресле. Не то, чтобы мне было прохладно, но, тем не менее, так было просто уютнее.

Один из плюсов того, чтобы быть котом — ты засыпаешь почти моментально. Никаких бессонниц и получасовых дум перед сном. Просыпаться так же легко, как и засыпать. Поэтому я довольно легко проснулся ночью из-за громкого монотонного гула. Звук доносился с двери на задний двор, в глубине коридора за лестницей. Я, подчиняясь любопытству Кота и своему собственному, немедленно выдвинулся к месту происшествия.

На пороге распахнутой настежь двери стояла Призрак, вернее, Амелия. Она стояла и смотрела на закатное небо, темное от гудящих туч. Я протиснулся между ней и косяком, выбрался на улицу и глянул на происходящее.

В воздухе беспорядочно носились низко гудящие тучи. Не считая пяти центров, масса туч была распределена равномерно. Тучи мерно затягивались куда-то в область чердака. Присмотревшись внимательнее, я заметил, что туча состоит из некрупных точек, и часть этих точек равномерно перемещалась между тучей и садом. Больше всего их было в оранжерее.

— Пчелы вернулись, — едва слышно прошептала Амелия. Гудение пчел почти перебивало ее.

— Твои?

— Да. Я позвала.

И Призрак замолчала, любуясь тысячами пчел.

Прошло два дня.

За это время изменилось немного. Посетителей не становилось ни больше, ни меньше. К нам приходили человек десять-пятнадцать в день. Лира грустно вздыхала и с напускным оптимизмом заявляла, что взяла отличный темп чтения. И, действительно, названия книг в ее руках менялись с умопомрачительной скоростью. «Уловки в договорах с элементарными духами Солнца и Лун», «Практика использования договоров на крови», «Материалы контрактов», «Грозовая маготроника», «Отмена фундаментальных законов и ее практическое применение» и многие другие книги сменялись в ее руках за дни нашей вынужденной осады, вернее, эмбарго.

Еще одна важная деталь — по всему дому начали летать пчелы. Пять роев, которыми, судя по всему, управляла Амелия, расквартировались на чердаке. Пчелы были повсюду — в саду, в окрестных рощицах, летали по всему дому. Причем для Лиры и Гиз это было совершенно в порядке вещей — ведьма выставила в саду поилку для пчел. Насекомые, собственно, вели себя более чем прилично — никого и никогда не жалили, в доме летали у стен и потолков, ночью уходили в свои домики. Судя по всему, в квартирку пчел вела резная дверь напротив двери ритуальной и, по моим прикидкам, комната была просто исполинской. Мне было любопытно залезть туда. А что Кот, спросите вы? А Кот трусил лезть в обитель Призрака. К счастью, в этом я уже его не понимал. Зато Кот частенько пытался охотиться на пчел, и те никак этому не препятствовали. Я же тщательно следил за тем, чтобы наши с ним прыжки не убили ни одной пчелы. Проблем с Медоносной мне не нужно.

Сама Амелия стала выглядеть чуть посмелее, чаще появлялась на глаза и оба вечера ужинала с нами, за общим столом. Если что, ее ужин состоял из половины чашки подслащенной горячей воды.

Из-за множества пчел я отменил все тренировки на территории поместья, и мы с Лирой начали каждый вечер летать в замок. Если я и тренировался в поместье, то только пассивно. (Процесс выглядел так — я пропускал сквозь себя Мощь и ни на что ее не тратил; необходимо терпеть нарастающий жар в венах и мышцах до тех пор, пока из пальцев и пасти не закапает ярко-оранжевая густая жидкость, немедленно прожигающая все, на что попадет.)

Утром третьего Эдвин вежливо попрощался с нами и ушел на разведку. При нем были три кроны и резонатор. Меня он с собой не взял.

Я крался вдоль коридора. Более чем уверен, что он устроил засаду дома, а не в саду. Зря. Я бы там не почувствовал его запаха. Задача теперь в том, чтобы его найти.

Заглянул в гостиную. Гиз сидела в моем кресле, поджав под себя ноги и нервно мотая кончиком хвоста. Пол под ней украшали смятые бумажки, в руках девушки был блокнот. Так выглядел процесс предварительных расчетов для машины Альмори.

— Его тут нет, — даже не взглянув на меня, махнула блокнотом Гиз.

— Уверена?

— А-ага. Так, а если взять корень из шестнадцати и двух, то как это отразится на цвете стебля? Хм, надо прикинуть состав подкормки...

Оставив бурчащую себе под нос Гиз, я двинулся в направлении кухни. Он не мог спрятаться в прихожей, так что сначала исследую кухню.

Дверь в помещение была приоткрыта. Запах старой кухни, несомненно, приятный, перебивал запах хлеба, ветчины, сыра и горчицы. Ага, Лира тут кашеварит. Я носом приоткрыл дверь и глубоко втянул воздух. В воздухе были слабые нотки салата.

— Лира, ты добавляла салат?

— Нет, я готовлю сейчас без зелени.

Я протиснулся в кухню. Моего противника не наблюдалось. Но ведь он мог зайти и за центральную стойку...

Напряжение... Я выдал импульс жара с обеих лапок. Такая температура наверняка убила всю заразу. Теперь можно и вспрыгивать на стойку...

— Джаспер, куда?!

— Тс-с-с!

Я под взгляд Взрослой Недовольной Ведьмы прокрался по краю столика до противоположного конца. Там, вжавшись в дерево, полулежал, готовый к прыжку, Маю. Меня он не видел — боец считал, что я зайду со стороны Лиры.

— НЯ-ХА-ХА-ХА!!! — с громким хохотом я свалился пеньку на спину, аккуратно прихватив когтями его мохообразную шкурку.

Мотнув головой, Маю подпрыгнул и удивительным образом перекрутился в воздухе. Я оказался на полу, подмятый под тушку дрии.

— Не-ет! Пенькам не сдаюсь! — заверещал я, прямо ощущая, как из мозга улетучиваются все серьезные мысли, уступая Коту: «боремся, но не царапаем сильно. Запах салата — друг».

Мы затеяли свару прямо на кухне. Сцепились в клубок — я бил его лапами, изображал, что молочу когтями задних лап по животу, захватывал его, кусая за плечи и загривок. Он бодал меня, ощутимо прикладывал меня об пол или стенки кухни, отрывисто шлепал лапами по бокам и животу, подбрасывал меня. Я был ловчее и быстрее, а он в полтора раза массивнее и, что удивительно, более прыгучим.

Наш клубок разняла посмеивающаяся Лира.

— Уже долго боретесь. Ничья.

Я откатился в сторону, тяжело дыша. Кот, источая довольство, уступал место Джасперу. Маю же тряхнул лобастой головой и приготовился бодать меня.

— Стоп, Маю, я все. Нашел я твою засаду.

Пенек молча сменил позу и уселся на пол.

— Ну вот и славно. Лира, себе мастеришь? Можно мне тоже ветчины?

— Призраку делаю, — девушка протянула мне кусок ветчины.

— Амелии? — удивился я, хватая зубами мясо. — Очень иншерешна, пакашши!

— Прыгай сюда.

Я послушно забрался на стол и встал на задние лапы — передними буду держать ветчину.

Лира сделала совершенно обычный сэндвич. Два треугольных бутерброда, где между двумя слоями хлеба лежали сыр и ветчина, смазанная горчицей.

— Клапшика, — прочавкал я.

— Гляди, — с усмешкой ответила Лира.

Она достала из кармана дырчатую коробочку с приделанным кольцом. Я знал это инструмент — курительница. Лира засыпала туда щепотку какой-то травки из кармана, оттуда же достала флакончик с молочно-белой жидкостью и капнула капельку. Запахло водой и дымом.

Ведьма красноречиво указала мне глазами на курительницу. Я аккуратно поджег травку, и из коробочки начал струиться неожиданно густой не то дым, не то пар. Лира схватила один треугольник, обкурила его со всех сторон дымом. Потом отставила курительницу в сторону и полюбовалась совершенно обычным сэндвичем.

После этого она с жутким чавканьем смяла сэндвич. Прямо на пол полетели кусочки сыра и ветчины, горчица заструилась по ее ладони. Ведьма сдавливала сэндвич снова и снова, пока он не превратился в непонятное месиво (пахнущее, впрочем, вполне прилично).

И, конечно же, когда на столе вдруг оказался призрак сэндвича, я охренел. Это был самый обычный сэндвич, только состоящий из того же тумана, что и Амелия.

— К слову, — сказала Лира, снимая с руки комок мякиша, — Ты назвал ее по имени. Она тебе его сказала?

— Ага.

— Это значит, что она тебе доверяет. Ты окончательно стал членом нашей семьи. Поздравляю.

Лира улыбнулась мне, а потом взяла и сделала еще один призрачный сэндвич. Ведьмочка отошла вымыть руки, а когда вернулась, то заметила, что я, урча, доедаю уже второй мякиш.

А что? Все равно выкидывать, а я голоден, как варага.

Тот вечер запомнится мне навсегда.

После ужина и незабываемого зрелища удивленной призрачными сэндвичами Медоносной, Лира и Гиз собрались проводить очередной ритуал, призванный вернуть разум Фелиции в наш мир. Гиз пошла раскрашивать мелками пол в комнате бабушки, а Лира села в гостиной. В ее руках находилась очередная книга толщиной с меня. Закладка из кусочка цветной бумаги отмечала новый ритуал. Лира хотела напоследок еще раз повторить формулировки и список жертвенных предметов.

Моими же приоритетами были следующие занятия: лечь на кресло, свернуться калачиком, терпеливо дожидаться, пока Лира уйдет, аннексировать ее кресло и счастливо заснуть уже там. План был идеален и был опробован уже не раз.

Однако, мое спокойствие было нарушено самым грубым образом. Неожиданно Кот взбесился. Одновременно с этим я почуял невесомый аромат, едва слышный, но такой дурманящий и очаровывающий. В теле пробежалась горячая волна, и я выдохнул струйку огня.

— Джаспер! — крикнула испуганная Лира.

Но я уже не слышал. В тот момент я впервые полностью уступил Коту. Я стал лишь неслышимой и невидимой точкой зрения, запертой в теле кота. Наше тело вскочило, заполошно оббежало всю комнату, громко промяучило и, не церемонясь, вскочило на подоконник, а оттуда через форточку прямо на улицу. Последовало не самое приятное приземление на брусчатку.

— Джаспер, ты куда? Что с тобой?! — донеслось мне вслед.

Мы же не слышали ничего — мы неслись по вечернему Асмину, не замечая ни оббитых плющом балкончиков, восхода восьми лун, ни других запахов. По мере нашего сумасшедшего бега незнакомый аромат усиливался и нарастал, делая жар в груди невыносимым.

Наконец, мы остановились. Я кое-как перехватил контроль над упертым кошачьим телом и бегло осмотрелся. Запах завел нас в один из крошечных двориков-садов старого города. Чарующий аромат струился из окон второго этажа. Я присмотрелся, окончательно захватывая тело, и обмер от ужаса.

На застекленном балконе второго этажа извивалась молодая кошечка с серой шерстью. В свете восьми лун ее выхоленная шкурка переливалась перламутром. Именно она источала тот внеземной запах.

— Не-е-е-ет!!! — заорал я во весь голос.

— Ми-я-я-я-у-у-у! — не согласился со мной кот, скрывавшийся до этого в кустах.

— Мя-я-я-а-а-у-у-ур-р! — завторил ему еще один бродячий кот.

В садик на всех парах влетела Лира. От нее шел густой запах тревоги и пота.

— Джаспер! Джаспер! Что с тобой?!

— А-а-а-а! — орал я благим матом. — Не-е-ет!

— Подлить тебе еще?

— Ды-а.

Я глядел, как Лира наливает мне очень слабый отвар белоснежника. Успокоительное средней силы, как я знал. Воняло это просто несусветно, и слава Сонму — это перебивало даже воспоминание о том запахе. Меня очередной раз передернуло.

— Лира, ну я же был человеком. Какие, на Дно, кошки?

— Ну сейчас-то ты кот, — справедливо заметила Лира.

— Я разговариваю, осознаю действительность и управляю этим распроклятым огнем! Да я даже читать умею! Какие еще кошки?! — я почувствовал, что на глаза наворачиваются слезы.

— Ну ведь физиология у тебя кошачья. И часть сознания тоже. В конце концов, людям обычно не свойственно прыгать за перышком на шнурке.

Я всхлипнул и шумно отхлебнул сладковатого отвара.

— Я даю Коту волю только тогда, когда это забавно. А это я не назову забавным.

— Но ты нюхаешь...

— Это другое!

Лира только пожала плечами. Я еще раз хлопнул белоснежником.

— Если тебя это вдруг успокоит, можешь сегодня поспать со мной, — ничего не выражающим тоном предложила Лира.

Я, подумав, согласился. Мне пришлось подождать, пока Лира и посмеивающаяся Гиз закончат ритуал наверху. Как и обычно, с нулевым результатом. Потом Лира приняла ванну. Ее крик «можно подниматься» застал меня, когда я допил неприятно сладкое варево.

Ну и славно.

Я, все еще переживая трагедию, поднялся наверх. Протиснулся в щелочку двери Лире. Девушка уже сидела на кровати и причесывалась. Я окинул ее беглым взглядом.

— Ну хоть мой совет приняла к действию.

Она скептически осмотрела свою темно-красную рубаху до колен.

— Думаешь?

— Ну, это лучше того тюля.

— Сам ты тюль.

Лира отложила расческу, щелкнула выключателем света и забралась под цветастое одеяло.

— Давай.

Я вздохнул. Чувствовал себя в тот момент невероятно глупо, но, в конце концов, почему нет? Коты должны спать со своими хозяйками. Сонм, как же это ужасно прозвучало...

Я запрыгнул на упругий матрас Лире, рефлекторно потоптался и улегся на бочок, спиной к Лире.

— Спокойной ночи, хозяйка.

Ведьмочка довольно хихикнула.

— И тебе спокойной ночи. Какой же ты милый котенок!

И тут я ощутил, как ее рука обхватила мое тело и вдавило его во что-то подозрительно

мягкое. Впрочем, я быстро догадался, что это была не подушка. И знаете, что я сделал?

Я заснул. Я же кот.

Спалось мне хорошо — я даже не просыпался.

Глава 12. Недобрые предзнаменования и лягушки

Утром меня разбудили звуки спора, доносившиеся откуда-то снизу. Спорили парень и девушка. Интересненько.

Я выбрался из объятий мирно сопящей Лиры (хорошо, что я кот, а то звучало бы очень пошло), скатился на пол, автоматически зачем-то отряхнулся и погарцевал в сторону шума. Споры доносились с первого этажа. Как только я спустился по лестнице и прислушался, оказалось, что споры доносились из каморки Гиз, где стояли ее аппараты. Я подошел к приоткрытой двери.

— Если ты возьмешь коэффициенты Барра, то как ты тогда составишь график приложения Мощи? — голос принадлежал Эду. Значит, волшебник вернулся из разведки.

— А ты не знаешь, что с помощью таблиц Аер Минзу коэффициенты Барра легко переводятся в коэффициент Саломии? — нарочито спокойно поинтересовалась Гиз.

— А как Саломии поможет тебе выстроить ровный график? У Саломии графики как ребенок нарисовал.

— Один учебник, и весь Саломии как на ладони, — отмахнулась волшебница. — Вернемся к началу проблемы. Где ты видишь проблему с высчитыванием эфирных влияний? Где ты вообще увидел тут влияние эфира?

— Те же Аер Минзу доказали, что эфир содержится и в нашей атмосфере, и влияет даже на трансграммацию!

— Так при чем тут трансграммация? Я беру стебель, прогоняю через спиральный опознаватель с помощью формулы Протта, потом беру третичное уравнение Ас Мада, смотрю на интеграл. Если положительный — пересчитываю на Альмори. Если отрицательный, то все в порядке, и я совершаю цикл Энкреса, завершая на уравнении семи корней. Дальше подставляем цветовую палитру к преобразователю, и готово! И никакого эфира.

— Спиральные опознаватели с цветовой палитрой, — фыркнул сонтист. — Дорогая игрушка все равно остается игрушкой. Как ты без перфокарт определишь точку восхождения?

— Для этого я и останавливаюсь на уравнении семи корней, — Гиз чуть не рычит.

— Звучит логично, — признал Эд. — Но тем не менее, ты помнишь про искажение Роуга?

— Проклятье, конечно помню! Первый курс, мистер Моуз! Не держите меня за дурочку.

— И как ты собираешься бороться с ним? Искажение при таком массиве данных неизбежно.

— Искажение строится лишь из-за трансграмматора. А у меня трансграмматор выключен напрочь!

Я протиснулся в комнату. Небольшое помещение было уставлено шкафами и тумбами, состоящими, казалось, только из проводов и мигающих лампочек. Вместо ожидаемой мешанины, все провода были аккуратно уложены или прикреплены к стенам. Гиз и Эд стояли друг напротив друга у низкого столика с толстой стальной столешницей, к которой подходили как минимум пять проводов. На столике стоял горшок с самой обыкновенной крапивой.

— Всем доброе утро. На каком языке вы говорите?

Эдвин покосился на меня. Кончик его хвоста раздраженно дергался. Гиз же сверкнула на меня глазами. Кажется, она действительно зла. Но на меня-то за что?

— Матемагия! — хором ответили эти двое.

— Мистер Моуз решил научить меня, как правильно изменять расположение листьев на стебле, — тут же продолжила Гиз. — И у нас случилась научная дискуссия.

— Мисс Гиз, по моему мнению, не воспользовалась одним важным принципом, — невозмутимо ответил Эд.

Из горла волшебницы донесся сдавленный рык, и я заметил, как она кончиками пальцев погладила кастеты.

— Гиз, а у тебя раньше получалось изменить положение без этой формулы? — задал я вопрос. Хвост волшебницы тут же забился из стороны в сторону. Кажется, арбористка была в ярости.

— В том-то и дело, что нет. В моих расчетах что-то не сходится.

— Тогда, возможно, стоит и посмотреть влияние эфира, — произнес я, вкладывая в голос как можно больше успокаивающих ноток. И немного ультразвука одного интересного спектра, который я открыл для себя совсем недавно — он успокаивающе действовал на людей. Хвост Гиз замедлил свои удары по воздуху. — Ты продолжай, а мы с Эдвином отойдем пока. Так ведь, Эдвин?

— Так, так, — согласился Эд. Я услышал в его голосе тот же самый ультразвук и едва сдержал смешок. — Действительно, нам уже пора.

Мы вышли из каморки, уставленной перемигивающимися и тихо гудящими приборами. Эдвин сразу же направился в помещение магазина, где, к моей зависти, плюхнулся в свой диван.

— Иногда мне кажется, что это самый лучший диван под солнцем и лунами, — блаженно вздохнул он, поглаживая подлокотник. После этого волшебник провалился еще глубже в ставший мягким как облако диван.

Я тоже запрыгнул на диван, потоптался и разочарованно сел, обхватив лодыжки хвостом. Для меня это был самый обычный плюшевый диван.

— Ты что-то вызнал? — любопытно спросил я.

— Ага. Много подробностей. Заодно и тень почистил.

— Все еще жестко работаешь?

— Да я по-другому и не умею, — пожал плечами Эд. — Есть хорошая новость, средняя и плохая.

— Давай по порядку.

— Хорошая — Ульрих точно знает, где находится Дауд. Средняя — Ульрих никогда не ходит в одиночку. Плохая — Ульрих является чудесником.

— А почему это плохая новость?

— Потому что я не могу подготовиться к сражению, — с неудовольствием пробурчал Эд. — Есть разные тактики против волшебников разных доменов, но он чудесник. Кто знает, что он может? Информации об этом я так и не добыл. Гипотетически, он может все, что угодно.

— Например?

— Я видел четырех чудесников и с тремя из них дрался. Самые неудобные противники на свете. У одного был пятиметровый хлыст, с которым он в прямом смысле слова управлялся как с конечностью. Еще один доставал из-за спины ножи, в любом количестве.

Другой, самый слабый и почти не доставивший мне неудобств, мог дышать в воде. Один из моих товарищей был классным чудесником. Бесплезная в боевом плане способность, но тем не менее — он мог из любого набора ингредиентов и где угодно приготовить невероятно вкусное блюдо. Догадаешься, что самое вкусное я пробовал в окопах под Воллалом?

— Даже и не предположу.

— Фёл однажды приготовил рагу. Он взял каску, поймал и освежевал двух крыс, добавил чуток лука, репы и специй. Один мой товарищ, инферналист, на струе огня все это приготовил.

— Бе-е-е.

— Ни в одном ресторане я не ел ничего вкуснее, — хохотнул Эд. — В любом случае, вряд ли Ульрих закидает нас тарелками с пастой. Скорее всего, у него что-то сильное и полезное в бою. Нам надо подготовиться.

— И каким же образом?

— Тренировки.

Я, Лира и Эд этим же вечером начали тренировки в замке.

Накопить силу. Мошь скапливалась в теле, жгла каждый сосуд, обжигала мышцы. Мои нервы были запальными шнурами. Огненная Мошь, не находя выхода, стекалась в руки, выделялась оранжевыми капельками, пахнувшими дымом и раскаленной плазмой. Капельки собирались в капли, а те стекали по моим когтям и падали на землю. Древние булыжники нижней площади шипели, дымились и плавилась.

Когда жар захватил и сердце, я выбрал в качестве точки булыжник на дальней стороне площади. Видя, как я озираюсь в поисках цели, Лира подняла проклятый ею зонт и с хлопком раскрыла его.

Единоментно влил всю Мошь в булыжник. Буквально на миг я увидел, как камень засветился белым, а потом он исчез во взрыве. *Харраку*.

Обидно, но взрыв не был большим — метра три-четыре в поперечнике, и гас почти моментально. Его хватало для того, чтобы булыжник разлетелся мелким крошевом по площади, но на большее — нет.

Маленькие острые кусочки полетели в нас троих. Я с помощью жара создал направленный ток воздуха, и он банально отталкивал всю крошку от меня. Лира просто прикрывалась зонтом, и слабенький дух ветра откидывал от нее все камушки. Эдвин же с пищащим кинжалом в руках со сверхчеловеческой скоростью ловил на лезвие каждый более-менее крупный фрагмент.

Вздыхнув, я снова принялся нагнетать в себя Мошь. Уже близко к перегреву. Накопить Мошь, взорвать еще что-нибудь. От возможных осколков Лира прикрывается зонтом, а Эд отражает их кинжалом, так что я не сдерживался.

Я прогнал через себя еще три взрыва. К этому времени от меня уже шел пар — я был близок к перенапряжению. Но я был доволен, ведь только так можно расширить свой предел.

Воздух, проходя через мою гортань, становился сухим и горячим. Камни около меня нагрелись и источали жар, из-за которого дрожал воздух. Собрав последние силы, я выдохнул струю огня. Она получилась едва ли метра на четыре. Результат не самый лучший.

Внезапно Лира закричала:

— Джаспер, на крыше!

В ее голосе слышалась паника, поэтому я собрался как мог и взглянул вверх.

На огромной высоте, на самой полуобвалившейся крыше донжона стоял человек и смотрел на нас. Он был одет в угольно-черный балахон, из-под которого торчали носки сапог, окованные металлом. Лицо незнакомца скрывала слишком большая для человека маска: овал цвета выбеленной кости с тремя парами отверстий для глаз, низ маски покрывала сетка трещин. Из-под маски выбивались длинные, до середины спины, волосы цвета снега. Почему-то его силуэт внушал трепет.

Я услышал, как вдохнул Эдвин. Его кинжал сменил писк на грозный рев первобытного существа. По мурашкам, пробежавшим по спине, и появившемуся чувству отвращения я понял, что Эд прибегнул к какофонии. Позади меня Лира торопливо что-то шептала.

Человек на крыше же не шевелился. Я досадливо кусал губы — мои искры и в лучшей форме не долетали до крыши, а теперь, когда я устал и перегрелся...

Внезапно незнакомец спрыгнул в пролом крыши. Еще пара мгновений — и он вылетает из одного из верхних окон и летит напрямик в густой лес, окружавший замок. Судя по тому, что не было треска веток, он или разбился, что маловероятно, или сбежал.

— Уходим, — в голосе Эда звенела сталь. Ему пришлось сказать это громко, чтобы перебить рев резонатора.

Лира только кивнула и кинулась заводить ступу. Я же, подчиняясь порыву, бросился в донжон, одновременно начиная разогреваться.

Дебил? Да, возможно.

— Джаспер, духи Дна! Куда ты? — донесся до меня голос Эда. Я же со всех ног бежал в руины донжона.

Я уже пару раз был в руинах — исследовал их, удовлетворяя свое любопытство и любопытство Кота. Донжон до сих пор носил следы осады — разломанная сгнившая мебель, изуродованные трещинами, подпалинами, следами лезвий стены. Тут всегда стоял запах сырости, плесени и гари. Я без труда нашел путь до пятого этажа донжона. Там, в одной из комнат, я нашел, что искал.

Кострище. Спальный мешок. Миска с кашей.

Каша мне была неинтересна, как и кострище. Но вот в спальный мешок я забрался чуть ли не целиком. Тщательно обнюхав его и запомнив запах, я побежал вниз, молясь, чтобы тот жуткий человек был один.

Эда я встретил в холле донжона. Он напряженно осматривал следы разрушений.

— Джаспер! Твою кошкину мать, ты совсем рехнулся?

— Я запомнил его запах.

Эд замолчал. Подумав, он кивнул.

— Риск оправдан. Но больше так не делай. Ты показал себя безрассудно.

Мы бегом проследовали до ступы. Как только мы в нее вместились и Эд запер дверцу, Лира резко стартовала в воздух, вызвав у всех троих сдавленный выдох. Лихо развернувшись, ведьма потратила мгновение на то, чтобы закинуть в отделение для духов клочок белой ткани, после чего на всех парах понеслась к поместью.

— Джаспер, нам придется выбрать другое место для тренировок. — в голосе Лиры звучала легкая паника.

— А что случилось? Кто хоть это был?

— Один из культистов Червивого Яблока. — мрачно ответил Эдвин.

Лире пришлось доложить о происшествии констеблям. Все же, сегодня мы увидели червивого. Когда я спросил у Эда, почему именно Червивое Яблоко, он ответил, что только они скрывают лица масками и ходят в таких балахонах. Откуда он это знал, мне неизвестно.

Однако, когда я уже ночью спросил Гальзу о его чувстве чужого внимания, то он удивил меня ответом. Оказалось, что чужое внимание с особняка частично спало. Интересные дела творятся...

Когда я уже собрался ложиться спать, меня позвал Эдвин. Мы с ним сели в магазине (конечно же, на диване), волшебник достал блокнот и схематически нарисовал первый этаж поместья, и порядка часа мы с ним составляли стратегию. У нас не самый слабый инферналист и довольно сильный сонитист контактного боя. Против нас чудесник со свитой из четырех-пяти человек. Как они могут подойти? С какой стороны? Мы продумывали именно этот момент.

Когда Эд признался, что уже готов упасть от усталости, мы разошлись, а я по привычке свернулся в Лирином кресле. Неожиданно для меня Кот посетовал, что я не хочу идти к своей хозяйке. Дурак, мол, ты, человечиска. Хозяйка теплая, кормит и вкусно пахнет, и даже во сне не ворочается. Что еще надо для счастья?

Действительно, что еще надо для счастья?

Весь следующий день для нас прошел спокойно. Он бы был такой весь, если бы Эд не захотел более подробно разобрать тактику.

Эдвин изготовил на большом листе бумаги план первого этажа со всем окружением поместья, что в городе, что за городом. Чтобы было не так скучно разбирать возможные варианты, он приготовил фагатху. Это было гуррское блюдо, по словам Эда, «единственный смысл существования этой нации». Представляло оно из себя блюдо с гренками из черного хлеба с кориандром, и эти гренки следовало макать в миску с полужидким паштетом, из-за пригоршни специй бывшего довольно-таки острым.

Могу сказать несколько вещей. Первое. Действительно, фагатха была очень вкусная, хоть и острая. Второе. Фагатхи надолго не хватает. Третье. Я, когда грызу хлеб, действительно похож на огромную голую крысу. Четвертое. Взаправду, разбирать возможную степень вооруженности вражеского отряда было не так нудно, когда ты ешь фагатху.

— А если у них будет что-то крупнее револьвера? — подумал вслух Эдвин, заканчивая хрустеть очередной гренкой.

— Да мне не кажется, что они будут брать что-то эдакое. Ну подумай, ведьма решила припугнуть двух переговорщиков, зачем тут винтовки? Хватило бы трех-четырех человек, и пусть у одного будет револьвер. Хорошо, можно предположить, что они перестраховались, и револьвер теперь у каждого...

Я повернулся и взял гренку, столкнувшись взглядом с Лирой, стоявшей в дверном проеме. И знаете, я хотел бы сказать, что у нее на лице была маска Взрослой Недовольной Ведьмы. Но нет, перед нами в данный момент, без всяких масок, стояла Не Очень Взрослая Ведьма В Ярости.

Ну что тут можно сказать? Только одно. Мама.

Лира, печатая шаг, подошла к двум изваяниям в виде глупенького лысого кота и еще более глупенького сонитиста, который решил приготовить ароматную фагатху. Ведьма окинула взглядом план, немного заляпанный паштетом, взяла гренку, медленно обмакнула

ее в паштет и долго, долго жевала. Одновременно с этим она ухитрилась сверлить взглядом нас обоих. Одно слово, ведьма!

— Итак, — дожевав фагатху, начала Лира. — С чего бы начать... Фагатха хороша.

— Спасибо, мисс, я старался. Рецепт получен от военнопленного повара, — с непроницаемым лицом отозвался Эдвин. Я понимаю, что я испуган, но от него-то почему чую запах страха?

— Я можно выяснить, зачем вам, господа, понадобился такой подробный план поместья? И разговоры какие-то о револьверах...

— Миледи, понимаете ли, мы решили спроектировать несколько амулетных ловушек, и как раз обсуждали...

Лира вытащила из кармана синий камушек.

— Дух Истины, жертвую тебе камень с побережья Последнего океана! Пусть человек Эдвин и кот Джаспер отвечают только правду, иначе у них изо рта будут лезть лягушки!

Свет в электрических лампах мигнул, а камушек рассыпался бесцветной пылью.

— Миледи, мы праа...

Эдвин не договорил, так как из его рта полезла самая обычная садовая лягушка. Зрелище было настолько отвратительным, что у меня даже дыхание перехватило. В итоге лягушка тяжело плюхнулась на пол, Эдвин закашлялся, а я очень сильно охренел.

— Лира, а можно не надо? — взмолился я, делая жалобные глаза.

— Надо, — жестко ответила Лира. — Выкладывайте все, что есть.

— Мы тут с Джаспером решили подумать, как мы, в теории, смогли бы отразить налет банды головорезов Дауда.

— Мистер Моуз, начинаете вы хорошо, но давайте правду. У меня отец исследователь Последнего океана, даже участвовал в третьем Спуске. У меня таких камушков — можно улицу выложить, а вы не хуже меня знаете, что Дух Истины никогда не отказывается от камней с побережий Океана. Я могу не ограничиться лягушками, — доверительно сообщила ведьма. — Вы вот знали, что в степях Сууло водятся иглосони? Они как мышки, но покрыты жесткими, торчащими во все стороны иголками. Понимаете ли, мистер Моуз, выплюнуть иглосоню может быть труднее, чем лягушку.

Эдвин самым натуральным образом побледнел.

— Мисс Фольди, мы преследовали благие цели. В ходе моей последней... — Эд выплюнул еще лягушку. — Настолько конкретизировать?! В ходе первой разведки... — еще лягушка. — В ходе первой разведки под вашим началом я, совместно с котом Джаспером, получил сведения о готовящемся налете на поместье «Медо...» Бродячее поместье «Медото...» — две попытки, и две лягушки квакали под столом. — Ладно, может, лавку Фольди? Действительно, он сказал именно так.

— Почему вы сокрыли от меня столь важный факт?

— С целью сохранения спокойствия в коллективе.

— Джаспер?

— Мы не хотели волновать тебя, Лира, — заискивающе проблеял я. — Мы неплохие волшебники, и я подумал, что мы справимся...

Внезапно мой рот раздвинуло чье-то ледяное, бьющееся, склизкое тельце. Чуть не умерев от омерзения, я выплюнул крошечную зеленую лягушечку. Та жалобно квакнула, прыгнула и упала со стола на пол. Меня немедленно вырвало прямо на карту.

— Джаспер, за собой уберешь!

— Понял, хозяйка, — на самом деле я правда не был уверен, что мы справимся. Кажется, у меня травма...

— Так, с причинами разобрались... — Лира тыкнула в меня пальцем. — Шауш! Пусть чихает!

— Пчи! — повиновался я, мотнув головой. — Пчи! А-а-а-пчи! Пчщ-щи! Пчи!

— Ты! — палец Леры тыкнулся в Эда. — Осша! Пусть веки не поднимаются!

Я из-за чихания не видел, но расслышал сдавленные мычания Эда.

— Госпожа Лира, но я же ничего не вижу...

— Действительно. Маловато как-то. Осша! Пусть еще и дыхания хватит только на само дыхание! Никаких разговоров!

Я расслышал жуткий хрип Эда, после чего ужаснулся:

— Пчхи! Пчи! Пчщ-щи!

Я услышал сильный удар ладонями об стол. И миска с паштетом, и я подпрыгнули.

— Два идиота! — закричала Лира. — А если бы вы вдвоем убились бы об этих налетчиков?!

— Кх-х-х-х-рэ! Кх-х-э-э!

— Пчи! Пчи! Пчи!

— Возражения не принимаются! Никаких «если» и «я же в благих целях»! Мы — один коллектив. А вы решили единолично решить его проблемы! И если мистера Моуза я могу понять, но ты, Джаспер! Тебе, донные духи, всего полгода!

— Хапчщ-щ-щи! — протяжно повинился я.

— С этого момента мы готовимся вместе. Я получаю все полученные разведанные от мистера Моуза. И деремся мы тоже вместе. Свою силу я вам уже показала. Всем все понятно?

Не знаю уж как там Эд, а я со всей силы закивал. Чихание мне отчасти в этом помогало.

— Осша, Шауш, хватит! — мы моментально перестали чихать и хрипеть. — Спасибо за помощь, Дух Истины!

Свет снова мигнул.

— Итак, — Лира примостилась на соседний стул. — Шауш, позови Гиз. Гальза, ты слушаешь?

Спустя пару секунд молчания из-за решетки донеслось глухое «Конечно, внучка хозяйки». Владыки Дна, да даже Гальза ее боялся!

— Ничего страшного, Гальза, все равно надолго тебя не утаить, — успокоила галгару Лира. — Мистер Моуз, в нашем коллективе есть еще один член. Галгара по имени Гальза.

— Приятно познакомиться, — донеслось из решетки с маленьким клубом дыма. — Заочно мы даже знакомы.

— Здравствуйте... — пробормотал ошарашенный Эд.

— О, у вас тут фагатха! — жизнерадостно удивилась Гиз. — А меня не позвали.

— Я позвала, — ответила Лира, не поворачиваясь. Яростный блеск глаз постепенно угасал. — Итак, выкладывайте всю информацию. И Джаспер, пожалуйста, испепели свое недоразумение.

— Фу-у-у, Джаспер, как не стыдно! Ой, а у вас тут лягушки под столом!

Меня снова затошнило.

Утром меня разбудил странный, громкий электрический треск. Я вскочил с кресла и

рефлекторно выпустил из пасти короткий язычок огня, всего-то полметра. В гостиной все было тихо, единственного живым существом тут, не считая буйной зелени (спасибо Гиз), был я. Снова послышался громкий треск. Прислушавшись, я понял, что звук доносится с заднего двора. Мы с Котом побрели в ту сторону.

На ярко освещенном утренним солнцем дворике было тихо. Вытянувшиеся деревья шумели листвой, с реки доносился запах водяной взвеси, и этот запах с порывами ветра перебивался ароматом разноцветья из оранжереи. Снова послышался треск — он шел из-за домика для прислуги, где находилась моя песчаная яма. Лира, в свое время, просто убрала бортики из своей старой песочницы, и там одно время занимался один талантливый челокот. Я, конечно же, побрел в сторону звука.

В моей песчаной яме, с какого-то перепугу окруженной невысокими металлическими кольшками, стояла Лира. Неожиданно, но она была одета в спортивный костюм — брюки и кофта с длинным рукавом, все темно-багрового цвета. Я впервые видел Лиру в нем, и надо заметить, что смотрела она весьма симпатично. По крайней мере, она не была такой худощавой, как Гиз.

Тут я заметил, что на Лире еще была какая-то сложная перевязь, состоящая из многочисленных ремней, обхватывающих ее бедра, живот, грудь и плечи. На крестце, в центре перевязи, висела большая жужжащая коробочка. Я бы с трудом, но поместился бы в нее. От коробочки шел толстый черный провод, он был закреплен на спине, правом плече и предплечье Лире. Провод заканчивался жезлом, который, в свою очередь, заканчивался обычной двузубой вилкой. Присмотревшись, я узнал вилку Гиз, которой она проверяла готовность мяса.

— Лира, что тут происходит? Звуки громкие.

— Понимаешь ли, Джаспер, так сложилось мироздание, что из ведьм получают не самые лучшие бойцы. Наше искусство заключается в неторопливости. Мы договариваемся с духами, приказываем им, а также владем Назначением и Отменой. Последние два, конечно, можно натренировать, но надо многое и понимать. Большие объемы знания. А времени... Ну, сам понимаешь. Однако, — Лира крутанула в руках жезл с вилкой. — Слава прогрессу, что ведьмы тоже могут пользоваться маготроникой. Я вычитала эту схему в одном журнале. Это разрядник. Новенькая разработка прямиком с Аэр Минзу.

— А что хоть за Аер Минзу?

— Остров, на котором правят и властвуют ученые, — отмахнулась Лира. — Сейчас не об этом. Суть в том, что это не самая лучшая разработка. Молнией, понимаешь ли, трудно управлять.

— Молнией?!

— Молния летит к ближайшему металлическому предмету. Даже если это твой союзник, молния не делает различия. Так что, для волшебников и обычных солдат и констеблей разрядник бесполезен. Но я вот подумала, а что, если ведьма с помощью Назначения придаст молнии направление? И вот тут начались мои разработки.

— Ты занималась маготроникой?

— Да, по вечерам, с Гиз. Она в этом дока. Пришлось, конечно, отказаться от занятий алхимией, — вздохнула Лира. — Но что уж там...

Она внезапно щелкнула какой-то кнопкой, и из ее жезла вырвалась ярко-фиолетовая молния, которая впиалась в один из металлических штырей. Запахло электричеством. Молния плясала целых три секунды, издавая этот самый жуткий треск. Когда Лира отпустила

кнопку, молния исчезла, а в воздухе, перебивая запах озона, появилась вонь от жженой травы и кислого железа.

— Вот так это выглядит. Но, если немного потренировать духа и потренироваться самой, то... Шаиш!

Лира повторно вскинула руку и щелкнула кнопкой. Снова вырвалась молния, но в это раз она, парадоксально изгибаясь, ударила в штырь за спиной Леры. Тут же ударила в противоположный. Перекинулась на соседний.

Я зачарованно смотрел, как за эти же три секунды молния поразила абсолютно каждый штырек. Очнулся я, когда Лира тяжело выдохнула и опустилась на песок.

— Но надо еще много работать. Мне надо заряжать разрядник своей Мощью и тратить ее на прицеливание. Дух в этом сильно помогает, делает мои удары более точными. Я рискнула и привязала к себе еще и третьего духа, — Лира продемонстрировала мне три маленьких колечка из тонкой медной проволоки на пальцах левой руки. — Теперь, помимо Кфо, у меня есть Шаиш и Осша. А еще я недовольна внешним видом разрядника.

— А что не так?

— Его не надеть под платье из-за коробки. А из-за ее веса нужны все эти ремни. Я чувствую себя куртизанкой, когда тут так стою, — Лира потерла бедро, оплетенное целыми тремя ремнями. — А еще для наворачия пришлось украсть вилку у Гиз.

— Ну не знаю, по мне, ты выглядишь мило.

Лира неожиданно покраснела.

— Спасибо. И, прошу просить меня за вчерашнее. Я несколько вышла из себя.

— Тебя можно понять.

— Я просто хочу позаботиться о тебе.

— А я о тебе, — глянул я Лире в глаза. Кажется, она скоро сравняется цветом с костюмом. — Давай вместе потренируемся. Я же, в конце концов, твой фамилиар...

Глава 13. Алхимия на палочке

— А как так вышло, что мы плевались лягушками? И что за Назначение и Отмена?

Я лежал в тазике с прохладной водой, а Лира поливала меня из ковшика. Я только-только перестал исходить паром.

— Плевались вы из-за духов. Они перемещали лягушек из сада к вам в рты. И я не раскаиваюсь, по мне, это была необходимая часть воспитательного процесса. А вот Назначение и Отмена... Это основная сила ведьм. Тут, понимаешь, две стороны одной монеты, Джас. Лично я предпочитаю больше возиться с духами или зельями, мне это ближе. Но все же, немного Назначением я владею. Отменой хуже.

— А как вообще это проявляется?

— Назначение добавляет предмету или явлению свойства, им не характерные. Отмена убирает характерные свойства. Допустим... Ну вот.

Лира еще раз подняла жезл и, немного постояв, выпустила молнию. Росчерк с характерным звуком ударился в ближайший металлический стерженек. Повеяло прохладой. Присмотревшись, я очень удивился — стержень был покрыт изморозью.

— Молния обычно не замораживает предметы. Знаешь ли, это для нее нехарактерно. Отменой я убрала ее температурное воздействие, а Назначением его вернула, но со знаком минус. Теперь конкретно эта молния может остужать предметы до пяти-семи делений. Но мне нужно подобным образом обрабатывать каждую молнию.

— Любопытно.

— Да, область применения очень широка. Но это далеко не самый быстрый процесс, так что боевое применение очень сомнительно, — огорченно вздохнула Лира.

— Я очень надеюсь, что тебе не придется сражаться.

— Ну да, ну да, — фыркнула ведьмочка, поправляя ремни, обвивавшие ее живот. — Ты и Моуз, конечно же, раскидаете всех чудесников, я в этом не сомневаюсь. Но что скажет задиристая Гиз?

— Я надеюсь, что она ничего не скажет.

— Ну жди, — усмехнулась Лира, отложила ковшик и встала. — Не хочешь пройтись в город? Купить продуктов.

— Конечно, сходим. Гиз не возьмем?

— Она занята. Хочет сменить цвет стебелька крапивы.

— А зачем ей это?

Лира только пожала плечами.

— А Эд?

— Мистер Моуз тоже занят. Плетет амулеты, сидя за кассой.

— Эд на кассе?

— Ну вообще-то он мой работник, — напомнила мне ведьмочка. — Я даже скоро должна заплатить ему первую зарплату, так что пускай работает. А то только на разведки ходит. Сидит, наверное, в барах и слушает.

Я благоразумно не стал ей сообщать, что с разведок Эд приходил весь пропахший кровью.

— Ну вдвоем так вдвоем.

— Я переоденусь и приду вниз. Так что встречаемся в прихожей.

Я кивнул, вылезая из тазика и небольшим импульсом Мощи высушиваясь. Снова клубы пара. Интересно, я смогу подрабатывать баней? Сразу нарисовалась сценка, где я лежу на лавке, а на меня льют горячую воду. Я блаженно жмурюсь, мурчу и источаю целые облака горячего, душного пара. Красота...

В таких думах я на двух лапках — тренировки прямохождения — добрался до гостиной, где сменил домашнее пончо на выходное. Поглаживая зеленую ткань, мне вспомнились первые деньки в Солнце и Лунах. А ведь это было около полугода назад...

Лира уже оделась и заканчивала шнуровать свои выходные лаковые ботиночки. Сегодня она снова отказалась от имиджа ведьмы — голубая просторная блузка, юбка до лодыжек, привычный минималистичный узор на лбу. Завидев меня, она, глянув в зеркало и оправив свои кудряшки, взяла холщовую сумку и вышла на залитую солнцем улочку.

— А кто сегодня готовит, Лир?

— Лир? — засмеялась ведьмочка. — Ты умудрился сократить имя из четырех букв? Ну, Дж, сегодня моя очередь. Хочу приготовить овощную запеканку в сыре.

— Звучит вкусно, — я облизнулся. — А мяса в ней не предусмотрено?

— Куплю тебе крылышек. Кстати, а почему крылышки?

— Они вкусно хрустят, — я еще раз облизнулся. — Знаешь, я бы не отказался от крылышек прямо сейчас.

Лира заливисто расхохоталась.

— Если бы я знала, какой ты обжора...

— То что?

— То взяла бы тебя еще быстрее!

Неожиданно ведьмочка схватила меня и начала тискать.

— Гхе! Лира! Мы на улице!

— Ну-у и что-о, — нараспев произнесла она. — Ты такой сладкий котенок, что мне постоянно хочется тебя обнимать.

— Пчи! Лира! Отпусти! Гха! — она с силой вжалась щекой мне в бок. Кот выл от вторжения в личное пространство.

— И подумать не могла, что котики без шерсти такие замечательные!

Я просто смирился со своей судьбой. Затискан до смерти девушкой, на которую внезапно напала любвеобильность. Эта не та судьба, что мне бы хотелось, однако, не худшая.

Наконец, меня, полуживого, аккуратно опустили на землю.

— Будут тебе крылышки, обжора.

Хм. Если так на это посмотреть, то вполне даже и ничего. А можно меня почаще тискать?

Мы долгое время шли молча. До рынка путь был не самый близкий, да мы и не сильно торопились. Лира мягко улыбалась чему-то своему, а просто шагал рядом, рассматривая прохожих, балкончики и витрины магазинчиков.

Должен заметить, что в городе очень редко можно было увидеть призрака. Не то чтобы это была диковинка — регулярно попадались самые обычные люди, просто полностью окрашенные в голубовато-серый цвет. Однако, все же, обычных людей было намного больше. Любопытно, а в чем причина. Я мог бы спросить у Лир, но вот интересуется меня сейчас другое.

— Лира, давно хотел спросить.

— Да, я слушаю.

— А как ты пришла к алхимии?

Ведьма пожалала плечами.

— Да не знаю, так получилось. Просто когда мы пришли на первое занятие, то... Занятие проходило в полуподвальном помещении одного из корпусов. Как раз стояло утро. Мы, пятеро ведьм, которым не было и пятнадцати, вошли туда в сопровождении аттестованной ведьмы, мастера-алхимика. Это было как попасть в сказку, Джаспер. Ряды столов с булькающими котелками, ряды чищенных по старинке, песком, тигелей, колоннады из извитого стекла, по тончайшим трубочкам струятся разноцветные зелья, солнечные лучи упавшими колоннами бьют прямо в сплетения стекла, и по всему подвалу пляшут зайчики, пахнет травами, спиртом, тайнами... Я была совершенно очарована. Даже не пошла на следующее занятие. Были проблемы потом, но в тот раз я сварила лучшее зелье в группе. А потом еще одно, и еще... В то занятие мы должны были приготовить три базовых зелья, а я сделала восемь. Так интересно! Интересно мне и сейчас. Поэтому и занимаюсь этим.

— А что ты вообще можешь рассказать про зельеварение?

— Хех, — Лира даже приосанилась. Удивительные перемены. — Это наука о создании препаратов из растительных и животных ингредиентов. Существуют обычные зелья — отвары, настойки, мази. Их может приготовить любой. Есть спиртовые зелья, для их создания нужен сертификат, он висит в моей комнате. Они действуют быстрее, конечно, но уже могут обладать токсичностью. Есть эликсиры — при их приготовлении нужна Мощь. Тут тоже нужен сертификат, и готовить их могут, понятно, только волшебники и ведьмы. Зелья можно еще разделить на обычные и боевые.

— Боевые зелья? — удивился я.

— Обезболивающие, повышающие силу или выносливость, обостряющие рефлексы, зрение или слух, банальные отравляющие зелья. Их надо пить быстро, поэтому их наливают в крохотные пузырьки. Соответственно, должна быть высокая концентрация, так что они довольно токсичны. Не каждый может выпить боевой эликсир, тут нужна привычка. Все боевые готовятся на семидесятиградусном спирте, так что вот.

— Тебе не лениво готовить одни и те же зелья из раза в раз?

— Не-а. Конечно, есть элемент рутины, но я же стараюсь оптимизировать рецепт. К примеру, общеукрепляющее зелье. Есть такое, оно довольно простенькое, повышает сопротивляемость болезням, немного поднимает выносливость и силу. Для него нужно приготовить отвар крапивы, слабую настойку гориглаза и вытяжки из альмея и синецветки. Альмей дает сильный горький вкус, поэтому классическое зелье не пользуется популярностью. Однако, я разложила альмей на составляющие, и оказалось, что нужна только кожица его мясистых листьев. Горечь дает мякоть, но нужна только кожица, представь? Но я пошла дальше. Для полноты действия, оказалось, нужно только одно химическое соединение, называется фермент. Их много, но мне был нужен один конкретный. Я его выпарила, развела и добавила в зелье. И знаешь что? Нужно было только чуток добавить корицы, и получается весьма вкусно. А эффект тот же, я проверяла. Я занимаюсь именно вот таким.

Я же шел и переваривал ее речь. Ферменты? Оптимизация составов? Этот мир меня удивляет все больше и больше.

— Ты просто улучшаешь вкусы?

— Ну я же не кондитер. В некоторых зельях я заменяю пять трав на три, в другом могу почти полностью поменять состав, обрабатываю Мощью не все зелье, а отдельные травы или

фракции перегонки. Я хочу привнести что-то новое в мир алхимии.

Очень целеустремленная девушка.

Запах рынка я почувствовал еще за квартал. Густой запах специй, легкий душок рыбы, запах краски для тканей, мебельный лак, уголь и много-много людей.

Рынок старого города был самый большой среди всех городских и работал каждый день. Состоял он из площади и выходящих на нее магазинчиков. На площади, в крытых палатках, был мясной ряд, рыбный, мебельный отдел, лавки с тканями и многое, многое другое. Свежайшее мясо, зелень и овощи, консервы, диваны, столы и стулья, ковры, шторы и портьеры, медальоны, зелья, специи, ножи, книги, посуда, одежда, обувь... С площади можно было уйти, полностью оснастив новенькую квартиру, приодевшись и устроив новоселье. Магазины же торговали, в принципе, тем же самым, но подороже и покачественнее.

Но мы пришли сюда за продуктами. Лира купила сыр у какого-то знакомого фермера, купила сладкий перец, брокколи, крошечную капусточку величиной с мой кулачок, морковь и еще какой-то овощ, напоминавший кабачок, но ярко-красный. Пока Лира педантично осматривала томаты, я засмотрелся на одного мальчика. В принципе, мальчик как мальчик — шортики, маечка, бант на хвосте (ужасная детская мода). Но я смотрел на то, что он держал в руках. Это был леденец на палочке в форме морковки.

— Лира.

— Да-а? — рассеянно протянула она, осматривая пятый томат.

— А есть ли способ нивелировать вкус любого зелья?

— Ну-у-у... Нет, — покачала головой Лира. — Всегда останется зелье, вкус которого не исправишь.

— Просто у меня идея.

— Да? Я сейчас пакую томаты, и мы идем домой.

Мы сидели в мастерской Леры. В котелке тихо булькало зелье, полезное для заживающих ран — не останется шрама. Где-то на верхней полке ведьминового шкафа заканчивал растворяться глаз лунного мотылька.

— Ты в курсе, что это самая странная идея, которую я только слышала? — Лира только сейчас поняла мою мысль.

— Ага, — кивнул я. — Но задумайся, *кто именно* подсказал тебе эту идею.

— Тогда ведь можно делать концентрированные зелья. Причем с пролонгированным действием.

— Каким?

— Удлиненным. В любом случае, это надо хорошо обдумать, — Лира нахмурилась. — Как сахар взаимодействует с препаратом? Как на продукт влияет токсичность? Хм-м-м. Знаешь, где-то тут лежал мой блокнот...

Лира, не глядя на меня, нашла свой блокнот и начала в нем что-то экспрессивно черкать. Пожалуй, лучше ее сейчас оставить.

Только когда я вышел из ее мастерской, я понял, что допустил существенную ошибку. Знаете ли, Лира сейчас вошла в раж, а это значит, что никто заниматься готовкой не будет.

— Ги-и-и-з! — закричал я. — Ги-и-и-з! Ты умеешь готовить овощные запеканки с сыром?

Ответа не было. Однако, на мой крик прибежал Маю. Дрия был готов к битве.

— О нет, пенек! Нет! Я не готов сражаться. Отведи меня к Гиз. Гиз. Ги-из! Ты меня понимаешь? Хозяйка твоя!

Пенек смотрел на меня сквозь свои очки. Интересно, где волшебница их взяла? И еще интересно, Маю меня понял?

Пенек прыгнул вперед и резко боднул меня. Я откатился в сторону.

Вот гад. Не понял.

Из-за ближайшей решетки донесся голос Гальзы:

— Кот, ты снова дерешься с дрией?

— Ну да. Но я не хочу! — крикнул я, подпрыгивая и пропуская снова напавшего пенька под собой.

— Ты можешь найти Гиз на заднем дворе. Она там с Эдвином.

О как. Интересно, что они там делают. Интересно, почему мне все интересно? Кот! Это все ты, засранец?!

Надо дойти до Гиз. Но перед этим... Просто Кот уламывает меня забороть Маю. И знаете что? Да, я сделаю это, и потрачу всего три минуты.

— Ну давай сюда, замшелый пенек! — я повернулся к Маю боком и сильно выгнул спину. Так я кажусь намного больше. Ну, я надеюсь. — Давай!

Маю застыл напротив меня. Подумав, он снова бесхитростно ринулся в лобовую.

— Дурачье! — заорал я, моментально прыгая ему во фланг и толкая в мохнатый (от слова «мох») бок. Неустойчивая древесная сарделька грузно падает на пол. Я вскакиваю сверху и начинаю, без когтей, бить его лапой по боку и ляжкам, приговаривая:

— Вот так! Вот так! Я тут босс! Я тут главный! Покорись челокоту!

Пенек покоряться отказался и провернулся подо мной. Я попался на это раньше, но не теперь, так что я соскочил с вращающегося бесенка и успел еще пару раз огреть его лапой. Встав, Маю сменил тактику. Ну, или мне хотелось так думать.

Теперь пенек прыгнул на меня, желая подмять. Поток слабонасыщенного энергией, быстро остывающего горячего воздуха я опрокинул уже его. С громким звуком «бух!» Маю упал на спину. Я снова стал в боевую стойку Кота.

Снова поднявшись, Маю помедлил и опустился на передние лапы. При этом он остался стоять на задних. Значение этой умильной позы — «сегодня ты победил, и ты босс».

— Вот так-то! — я встал на лапки и погрозил ему пальцем. — Пошли искать Гиз.

Пенек вскочил на ноги, два раза топнул лапой и засеменил в сторону двери во двор. Вот умный же, даром что растение.

Выйдя во двор, я не то чтобы удивился. Рано или поздно это случилось бы.

Гиз и Эд дрались. Ну как дрались. Спарринговались. На руках Эда были толстые матерчатые перчатки, закрывающие все до локтей. У Гиз на руках были такие же, и кисточка на хвосте была так же обмотана тряпками.

Я пришел к середине боя.

Гиз провела бесхитростный удар прямой в лицо, от которого Эд без труда уклонился. Гиз это предвидела, потому что в отклоненную голову Эда уже летел комок тряпок на хвосте. Шея волшебника внезапно изогнулась под невозможным углом. Не зная Эда, можно было бы посчитать, что он сломал себе позвоночник.

Сонитист упал на спину и резво откатился в сторону. Не давая ему встать, Гиз подскочила и плавным движением ударила сверху вниз. Эд молниеносно схватил ее за руку

и потянул чуть в сторону от себя. Гиз потеряла равновесие и упала на колени, где Эд едва заметным движением обозначил ей удар в скулу. Даже не дотронулся, джентльмен.

После этого Эд встал и помог встать Гиз.

— Четыре-два, — резюмировал Эдвин. — Ты в отличной форме.

— Спасибо. У тебя интересные решения, — Гиз отряхнула садовые брюки.

— Лучшая школа в мире, — хмыкнул Эд.

— Напомни, где ты учился?

— Никому не советую через это пройти. Школа просто кошмар, — хохотнул Эд. Не знаю, как Гиз, а вот я почувствовал в его смехе боль. — А насчет тебя... Больше импульса. Твои удары недостаточно массивны, если ты меня понимаешь. Они резкие и хлесткие, но они не сообщают противнику достаточный импульс, то есть, даже не останавливают его движения. Из-за этого тебя легко взять в захват, что я тебе и продемонстрировал. Кроме того, делай удары более грубыми и жесткими. Это тебе подарок, из курса моей Школы. Дерешься — не жалея.

— Поняла, — Гиз задумчиво взглянула на свои кулаки. — Давай еще раз.

— О?

Гиз встала в стойку: кулаки закрывают лицо, локти разведены, кисточка прячется за затылок.

— Хо? — усмехнулся Эд. — Ты снова хочешь приблизиться? Даже несмотря на то, что сила твоих ударов никак не могла нарасти за минуту? Тем не менее ты все равно хочешь подойти?

— Если я не подойду ближе, то никак не смогу сбить с тебя эту ухмылку, — пряча улыбку, грозно сказала Гиз.

— Хо-хо! Ну тогда подходи сколько захочешь!

Почему у меня такое дежавю?

Тем временем, битва началась взрывообразно.

Эд ринулся вперед, целясь кулаком Гиз в грудь. Та попыталась схватить его за рукав, но внезапно рука Эда приобрела дополнительный угол и направилась Гиз в лицо. Она отшатнулась, и Эд провел красивый боковой удар ногой, безо всякой жалости отправивший волшебницу на землю. Та зашипела, кувыркнулась и вновь оказалась на ногах. Она потеряла контроль — хвост молотил туда-сюда.

Эд аккуратно приблизился. Гиз внезапно выбросила вперед обе руки, целясь в лицо Эду. Странный удар. Эд просто немного отстранился. Тут руки арбористки, вместо того, чтобы продолжать путь к лицу соперника, ринулись вниз и вбок, став противовесами. Эд не стал отстраняться от мастерски проведенного высокого удара ногой — Гиз так же целилась в лицо. Он попросту остановил ее удар, схватив за лодыжку. Гиз, чей корпус лежал так низко, что часть косичек мела траву, дернула ногой в попытке освободиться. Эдвин издал ехидное «хе» и попросту приподнял ее за ногу. Гиз потеряла контакт с землей. Эд отпустил ее, и девушка снова рухнула на траву.

Но рано радоваться — прямо после удара спиной о землю, Гиз выгнулась мостиком и всадила стопу в живот Эда. Он охнул и отступил на два шага. Гиз поднялась с земли, отряхивая травинки и комочки почвы с брюк.

— Достаточно сильно? — спокойным тоном поинтересовалась она.

— Угу, — промычал Эдвин. — На палец ниже, и был бы отличный жестокий удар, гарантировавший бы тебе победу.

— Мне засчитывается?

— Ну-у... Считай, урок ты усвоила. Но вот интересно, как ты нанесла такой сильный удар? Без обид, мисс, но в тебе едва ли шесть камней веса.

— Я тут неожиданно вспомнила, что я арборист, — хохотнула Гиз. — Гляди!

Девушка внезапно подлетела к Эду и ударила его ногой в бок. Эд выставил блок. Удар Гиз заставил его отступить на целый шаг.

— Ого. Быстро учишься, мисс.

— Хороший учитель, мистер. Меня многие жалели, ведь я девушка.

— Ну пару раз ты мне хорошо, извините, влупила.

Гиз звонко расхохоталась.

— Гиз! — позвал я ее.

— О! Джаспер! Как тебе бой?

— Впечатляет. Правда, очень круто. Но меня больше впечатлит ответ на вопрос о том, умеешь ли ты готовить овощную запеканку с сыром?

— Хм, ну пару раз миссис Фольди ее готовила... — задумчиво протянула Гиз.

— О, запеканка! — оживился Эдвин. — Не ел ее со времен заварушки в Аннае. То есть, лет так шесть. Хе-хе, вспомнил, как я сыр для нее своровал.

— Кстати, Эд, а кто на кассе? — строгим голосом спросил я.

— Я закрылся на обед. Мисс Фольди это разрешает. Однако, обеда я не нашел. Зато мисс Гиз решила подраться. Кстати, ты ведь помнишь наш уговор?

— Но у меня были победы, так что уже не в счет, — отмахнулась волшебница.

Меня впечатляет, как они лавируют от «вы» до «ты».

— Что за уговор? — любопытствовали мы с Котом.

— Я побеждаю ее пять раз подряд, и мне сообщают имя этой леди.

Гиз скрипнула зубами.

— Джа-а-а-спер! — донесся до меня голос Лиры.

Следом появилась и она сама, держа в руках обычный леденец мутно-желтого цвета и пробирку с зельем этого же цвета. Веселенький полосатый фартук развевался на ветру.

Ого, быстро она.

— О, мистер Моуз. Не поможете девушке?

— К вашим услугам... — неуверенно произнес Эд, косясь на пробирку в руках ведьмы.

— Возьми пробирку. Аккуратнее, тестовый образец, — бедный Эд совсем сморщился. — Так. Шаиш, у него должно заболеть горло.

Эдвин с непонимающим выражением лица дотронулся пальцами до кадыка.

— Зачем? — хрипло сказал он, явно преодолевая боль.

— Для чистоты эксперимента, — ответила Лира и кивнула: — Пей.

Хмыкнув, Эд закинул голову и проглотил зелье. Спустя молчаливые и почти бесконечные тридцать секунд он повторно потер горло и сказал:

— Ну вроде все в порядке. Горло прошло.

— Значит, состав оптимальный и действует как задумано. Подержите, — Лира передала леденец Эду, вынула из кармана фартука блокнот и сделала в нем несколько пометок. Та-ак. Шаиш, повтори.

— Мисс Фольди! — моментально охрипшим голосом взмолился Эд.

— Все-все, — успокаивающим тоном произнесла ведьмочка. — Все хорошо, больше не буду. Съешьте леденец.

Эдвин с лицом мученика закинул в рот леденец. Спустя минуту — Лира засекала по секундомеру — Эд поморщился.

— Действует, но на вкус как мыло с мятой.

— Ты ел мыло? — хихикнула перемазанная землей Гиз.

— Ел, — пожал плечами Эд. — Когда ты находишься в руинах отеля после налета моннгу, не ел уже три дня, а из воды у тебя только фляга с бренди, будешь рад и мылу. Кстати, нашел качественное мыло. Хватило на день. Так что цените, дамы, свое четырехразовое питание. Кстати, я его тоже очень ценю, но еды дома нет. Только крылья, но я их трогать не рискнул.

— Ну да, еще бы, — шутливо насупившись, сказал я. Тем временем Лира закончила черкать пометки в блокноте.

— Что ж, давайте приготовим что-нибудь.

— Лира, у нас нет вина.

Ведьмочка тяжело вздохнула.

— Ну не злись, — протянула Гиз, вытянув из духовки противень с запеканкой и полив ее соусом. — Ну даже Ранф наливал нам вина к этой запеканке.

— А бабушка ругалась!

— И сама пила! — возразила волшебница. — А Ранф говорил, что без вина есть эту запеканку — преступление.

Из магазина за стенкой донесся вздох Эд и приглушенное «ну как же аппетитно пахнет!».

— Думаешь, сходить? — спросила Лира с лицом, выражающим: «ответь «нет», прошу, ответь «нет»!

— Да, определенно, — решительно кивнула Гиз. — Собирайся, а я пока закончу готовку.

— Я с тобой, — предупредил я.

— Да я и не сомневалась. Давай, одевайся.

— В отличие от некоторых, я уже одет.

Мне пришлось немного подождать Лиру. Потом мы направились в сторону того же рынка, чтобы зайти в бакалею. Без каких-либо затруднений мы дошли до рынка, Лира купила бутылку полусладкого вина, и мы направились домой.

По пути Лира решила сократить наш путь через дворы.

Когда мы прошли около половины пути, все это и произошло. Наш путь лежал через небольшой дворик, который, как и другие дворы старого города, зарос зеленью. Около прохода в следующий проулочек стояли два приличных джентльмена в серых плащах и кого-то ждали. Как оказалось, нас.

Когда мы хотели войти в арку, сооруженную между домами, нас остановили. Между нами было шагов пять.

— Мисс Лира Фольди?

Ведьмочка окинула одного из плащей взглядом. Обычный мужчина средних лет, таких, как он, в толпе десятки.

— Допустим. А что вам нужно?

— Да уже ничего, в общем-то.

В руке незнакомца блеснул длинный нож.

Я похолодел. Лира рефлексивно отступила на шаг.

Второй плащ достал второй нож. Плащи двинулись на нас, первый даже начал его заносить.

Я резко швырнул в них горячим воздухом, спасибо «ррам». Они отшатнулись, но бровей и уверенности не потеряли.

Проклятье! Я не боец ближнего боя! Что делать?!

Ответ дала фигура, спрыгнувшая откуда-то сверху.

Носки сапог обиты металлом. Мелькнули модные полосатые брюки. Верх не виден — торс, руки и голова прикрыты странной колышущейся тканью, такой черной, что, казалось, вечер стал намного темнее; в глубине ткани переливались бесчисленные крошечные искры всех оттенков зеленого. Лицо фигуры скрывала маска, сделанная из рельефной древесной коры.

Человек удивительно тихо приземлился между нами и плащами. Я быстро кинул взгляд наверх — там было четыре этажа. Окон над нами не было.

В руках фигуры (женской — *такие* обводы не мог скрыть даже балахон) тоже сверкнула сталь. Присмотревшись внимательнее, я и сам шагнул назад — в руках Маски была массивная сабля, судя по всему, кавалерийская.

«Откуда я это знаю?» — подумалось мне.

Плащи появления помехи не оценили. Ближайший из них повторно занес нож. Я заметил на его запястье уже однажды виденный мною символ — глаз с двумя зрачками. Мы же продавали этим парням вытяжку из мотылька, так какого донного ползуна они хотят нас убить?

Фигура взмахнула саблей. К моему шоку, второй плащ спокойно принял удар, предназначавшийся его товарищу, на свой кинжал. Даже не пошатнулся, гад. Вторым плащ попытался пнуть женщину в балахоне в живот, но та извернулась.

— Бегите уже, идиоты! — прикрикнула на нас Маска довольно низким для женщины голосом.

Мы, наконец, очнулись и побежали что есть духу. Для справедливости — Лира умудрилась, не выронив бутылку, подхватить меня за шкирку и бежать с нами обоими на руках. Великая девушка.

Мы бежали до самого магазина, куда Лира попросту влетела. Выронив меня и бутылку (не разбилась), она рухнула на пол.

— Что за сумасшествие творится?! — чуть ли не прорыдала она.

— Я не понял, что произошло? — вскочил встревоженный Эдвин.

— На нас напали культисты Тысячи глаз.

— Что?! Как вы выбрались?

— В том-то и вся соль. За нас вступился один из Червивого Яблока.

Глава 14. Налет

— Ну, вообще это рядовая ситуация, — протянул Эдвин, проверяя, как в ножнах ходит резонатор.

— Ты о чем? — не поняла пришедшая на шум Гиз.

— Про Глаза и Яблок, — пояснил волшебник. — Нет ничего удивительного в ситуации. Мы противостоям Дауду, а он с весьма высокой вероятностью имеет не последнее положение в Тысяче Глаз. Перешли дорогу ему — перешли и Глазам, все тут ясно. Яблоки же всегда старались мешать неведомым планам Тысячи. Скорее всего, на вас устроили засаду, а культист Яблок просто решил проредить живую силу противника, причем скрытно.

— У той дамочки была кавалерийская сабля, — сказал я Эду. — Непохоже это скрытный бой.

— От природы червивые — превосходные бойцы. Они по всем параметрам наголову опережают любой другой домен, если речь заходит о схватке. Хорошо действуют стаями, природные способности к полноконтракному и среднестациональному бою, эффективность и эффектность мер, а также самый лучший захват территории обеспечили им прозвище на полях Летней войны. Всем червивым, которые появлялись, присваивали класс «Подавитель». Эти парни не жалели никого, и появление облаков тьмы свидетельствовало о грядущих потерях и массовых разрушениях, — провел Эд краткую лекцию. Несомненно, она поспособствовала поднятию нашего боевого духа. — Так что, два вывода. Первый — если они не начали крушить все вокруг, то это можно назвать образцом скрытного вермиалиста. Второй — они начали действовать. Если и стоит ждать налет, то сегодня-завтра.

Из коридора в магазин внезапно зашел Гальза. Лира охнула от неожиданности и кинулась запирать дверь. Секундой позже галгару заметил и Эд — его волосы неожиданно встали дыбом, он развернулся на месте и выхватил тонко заверещавший кинжал.

— Успокойся, мастер звука, — пророкотал Гальза. — Мы с тобой через решетку общались.

Эд, все еще напряженный, пригладил волосы и явно нехотя спрятал кинжал. Я оглянулся — для полного сбора не хватало только Амелии, то бишь Медоносной.

— Я почувствовал усиление внимания на поместье. Его источник наконец начинает приближаться. Сегодня нам предстоит сражаться.

— С галгарой нам нечего бояться, — нервно хохотнул Эдвин.

— А вдруг они придут с двумя-тремя «Подавителями», как вы и выразились, мистер волшебник? — Гальза с щелчком приподнял верхний глазной щиток на одном из глаз. — Вот тут тошно станет даже мне. Впрочем, мы всего лишь алхимический магазинчик, так что «Подавителя» можно не ждать. Но готовым быть все равно нужно. Кроме того, отряд ведет чудесник, и что от него ждать, знает только Сонм.

— Нам надо обсудить план действий, — подала голосок Гиз.

Гальза кивнул.

— Мистер волшебник, доставайте вашу карту. Сейчас я прикину внимание врага...

Наступил вечер. Весь остаток дня мы были безумно напряжены, магазин не работал. Более того, ради облегчения обороны поместья мы убрали действие Маяка — поместье вновь было лишь за чертой города. Наверняка проходим было любопытно, почему это

красивый магазинчик превратился в притон.

Мы потратили время на то, чтобы торопливо поесть, составить общий план действий и подготовиться. Гиз нацепила свои жутко выглядящие кастеты и шипованную гирьку на хвост; весь остаток дня она потратила на фортификацию поместья. Девушка с помощью своей силы вытаскивала глубоко из-под земли валуны в человеческий рост, за которыми мы могли спрятаться в случае, если противник станет стрелять. Эдвин все сидел на подоконнике с тряпочкой в руках — сначала он протирал лезвие резонатора, а потом чистил и заряжал револьвер. На мой недоуменный взгляд он пояснил: «Сколько волшебников в последние секунды жизни узнали, что их искусство может уступить обычному кусочку свинца». Потом мне пришлось помочь ведьмочке. Лира заряжала свой разрядник — она пропускала через себя большой импульс Мощи, и энергия, подобно моей, тонкой струйкой стекала с ее пальцев в тонкую пробирочку, которую она впоследствии вставила в свой увенчанный вилкой прибор. Таких пробирок было три. Всю эту машинерию она умудрилась спрятать под ведьминский балахон. Маю радостно носился по всему дому, не понимая общего настроения. Галгара же был просто галгарой — он и без всяких приготовлений был зверской машиной для убийства.

Насчет последнего я много думал. Ладно, Эд и Гальза, они воины, которые видели эту Летнюю войну. Да даже Маю — он все же животное. Но Гиз, Лира и я, мы вот готовы убить? Я несколько сомневался в этом. Особенно сильно я сомневался из-за того, что я как бы тоже животное. Но меня это не извинит.

Готов ли я убить? Я не знал.

Они появились перед закатом.

Эдвин заметил, как неподалеку от ворот поместья мелькнула фигура в сером просторном плаще.

— Наро-од! — крикнул он, вытаскивая револьвер. — Кажется, у нас гости.

Мы, подчиняясь плану, выскочили из дома — все и разом. Я, Лира и Эдвин защищают фронт поместья, Гальза и Гиз с Маю обороняют сад. Да, наш план был прост как серебряная горсточка.

Гиз отменно поработала — весь садик перед поместьем был занят хаотично расположенными валунами, за которыми легко мог спрятаться человек. Однако, Гиз наложила на нас и на камни особое заклинание. Все просто — валуны, за которыми находились противники, меняли цвет на красноватый.

Мы тут же распределились за ближайшими камнями. Эдвин аккуратно высунулся из-за камня и зацокал языком. Я посмотрел на него как на идиота. Не, ну правда, мы тут вообще-то осаду держим. После пяти-шести цоканий он залег обратно.

— У нас тут их пятеро.

— И как ты это узнал?

— Эхолокация.

Офигеть. Он как летучая мышь.

Внезапно неподалеку раздался отвратительно знакомый голос:

— Госпожа Фольди! Мой товарищ Ульрих готов, м-м-м, простить вас, если вы немедленно передадите нам весь запас зелий, м-м-м, эликсиров и реагентов.

Лира тихонько что-то шепнула в кольцо. Спустя три секунды из-за дальнего валуна раздался ее голос:

— Могу дать Ульриху только отвар конских яблок!

Раздался грохот. По камню тут же забарабанили выстрелы. Полетела каменная крошка.

В момент, когда выстрелы прекратились, Эд еще раз цокнул языком. Прислушавшись к абсолютно неслышимому даже для меня эху, он сказал:

— Продвигаются. Двое сидят сзади, видимо, прикрывают, а трое идут в нашу сторону.

Я быстро выглянул из-за камня. Самый дальний от нас валун стал красноватым.

Хе-хе-хе. Идиоты.

Я напрягся и выдал короткий, но чрезвычайно мощный импульс, моментально раскаливший камень до такой степени, что тот начал неярко светиться. Послышался крик боли.

— Ня-ха-ха-ха-ха! — как мог тихо засмеялся я. — Желаю вам и дальше удачно использовать чужие укрепления.

— Один прямо рядом с нами, — прошипел Эд. — Я пойду к нему навстречу. Джас, прикрывай мисс Фольди.

Я кивнул. Эдвин короткими перебежками двинулся от валуна к валуну вправо от нас.

Как только он скрылся, два валуна слева покраснели.

«Да вы издеваетесь!»

— Лира, видишь?

— А-ага, — сосредоточенно протянула ведьма, нацеливаясь в ту сторону вилкой.

Постояв, она наконец нажала на кнопку. Длинная извилистая молния, издавая громогласный треск, дугой залетела за один из камней. Запахло дымом, палеными волосами и обожженным мясом. Никто не издал ни звука, но камень быстро приобрел свой обычный цвет.

Лира побледнела.

Я обеспокоенно посмотрел на нее. Наверняка она до последнего считала, это будет просто и бескровно. Не будет.

Тут весь правый фланг нашей обороны почти моментально окутался густым, как чернила, облаком — угольно-черное, с россыпью бесчисленных изумрудных искорок, поглощавшее свет. Оттуда донесся нечеловеческий рев и визг кинжала Эда.

Внезапно из-за второго валуна высунулась до боли знакомая харя — именно этот тип приходил в наш магазин и использовал это «м-м-м». Он поднял руку с револьвером и прицелился в Лиру. Ведьма не успевала ничего сделать — она была шокирована смертью противника.

Я плюнул в налетчика искрой гиль. Крошечный кусочек металла вошел ему в предплечье. Он дернул рукой, выругался и вновь прицелился. Я отправил еще искру ему в колено, попал в бедро. Этот упорный гад лишь припал на одно колено и прицелился тщательнее.

Я прислушался к верещащему Коту и за кратчайшее мгновение кое-что понял.

Я кот, и у меня есть хозяйка. Хочу ли я убивать? Нет. Готов ли я убить за нее? Да. Сделаю ли это? Еще раз да.

Третья искра вошла ему в центр лба. Его глаза округлились. По лбу и носу стекла струйка крови, и он завалился назад.

От его смерти я не почувствовал абсолютно ничего, кроме странного удовлетворения. Он угрожал моей хозяйке, и получил по заслугам.

Только вот это мои мысли или мысли Кота? Вернемся к этому позже, сейчас важна моя

хозяйка.

— Лира, соберись! Лира!

Девушка встрепенулась. В глазах появилось осмысление, а к лицу вернулся цвет.

— Потом будешь это осознавать. Сейчас нужно действовать!

Девушка кивнула. Однако я успел заметить, как дрожала ее нижняя губа.

Неожиданно облако начало быстро растворяться в вечернем воздухе. Из него к нам, абсолютно не скрываясь, подбежал Эдвин, пряча в ножны идеально чистый клинок. Его черные брюки и серая рубашка были заляпаны кровью.

— Не моя, если что, — пояснил он и, покрутившись, поцокал. — В районе больше нет никого крупнее белки. Надо идти на помощь той группе.

Эд кинул взгляд на убитого противника и кивнул мне. Я кивнул в ответ.

Мы заспешили в сад.

Когда мы оббежали поместье, то нашим глазам предстала разруха. Деревья сломаны, большая часть валунов выворочена из земли и частично раскидана, частично расколота. Ведьмочка ахнула, глядя на погнутый купол оранжереи, где стекло осталось едва ли десятая часть. Около ограды лежали примерно трое людей, небрежно разделенных на части. Судя по звукам, Лира едва сдерживала рвоту.

Галгары нигде не было, а Гиз дралась с каким-то бритоголовым мускулистым парнем в облегающей шелковой кофте. В их драке было явное несоответствие, почти физически раздражающее глаз — Гиз дралась тяжелыми, металлическими, шипованными кастетами и точно такой же гирькой, а у ее противника не было ничего. Однако, удары волшебницы не оставляли на нем следов, не было криков боли. Более того, массивный противник легко парировал ее удары и пытался отвечать. Девушка танцевала вокруг него, взрываясь сериями ударов, но словно пыталась сдвинуть скалу.

— Гиз! — заорала Лира.

Волшебница в этот момент точным ударом отвела кулак противника от своего лица и пнула его по ноге. Бритоголовый будто бы не заметил удара, но чуть замедлил свое продвижение. Это позволило волшебнице отскочить.

— Лира, это и есть тот чудесник!

— Где Гальза? — спросил Эд, вынимая резонатор. В это время качок просто пялился на нас.

— Эти ублюдки притащили с собой моннгу. Чтобы не разрушать тут все, Гальза увел его в сторону от поместья.

Моннгу? Ого, а эти парни не шутят. По рассказам, жители Вьюги могут посоперничать в силе с галгарами.

Бритоголовый парень откашлялся, привлекая наше внимание.

— Я не представился. Меня зовут Ульрих. Я — правая рука наверняка известного вам Дауда Шенна. Мой повелитель крайне разочарован принятым вами решением, Лира Фольди, — от отвесил шутовской поклон ведьме. — Дауд попросил меня разрушить вашу лабораторию, до полусмерти избить вас и ваших соратников с наказом более не влезать в предпринимательскую деятельность...

Он хотел сказать что-то еще, но к нему неожиданно быстро подскочила Гиз и что было сил вдарила ему по скуле. Качок даже не успел сменить позы. Во все стороны брызнул металл... Металл?!

Гиз сдавленно охнула от боли и отпрыгнула на безопасное расстояние. Волшебница

прижимала неестественно изогнутую конечность к руке, на кастете не хватало нескольких шипов. Чудесник же нагло ухмылялся. На его лице не осталось ни единого следа сильнейшего удара.

— Повторю. Моя задача избить вас до полусмерти. Но! — он поднял вверх палец. — Не думаю, что Дауд расстроится, если я перестараюсь.

Тут вперед вышел Эдвин. Он перехватил пищащий на высокой ноте кинжал поудобнее и встал в стойку.

— У тебя нет никакой защиты против резонатора. Лучше тебе сдаться, пока я тебя не покрошил, — прорычал Эдвин. Его волосы снова шевелились из-за колебаний, проводимых его костями.

— Ха-ха! Ну давай!

Эдвин хмыкнул, подскочил и нанес простой удар сверху вниз. Ульрих выставил предплечье, защищаясь от удара. Я видел Эда в действии и могу заявлять — удар должен был отсечь руку и оставить длинный разрез, идущий от лба до живота.

Должен был. Потому что он порезал только кофту.

Эдвин не растерялся — используя АРБ, он со змеиной ловкостью нанес несколько ударов в лицо, живот и на десерт пнул противника в пах. Ульрих даже не сменил позы, ухмылка не пропала с его лица.

Эдвин отскочил, уклоняясь от нарочито медленных ответных ударов здоровяка.

— Я слышал о твоём брате, — прошипел Эдвин, пряча клинок в ножны. — Оч-чень неприятный противник.

— Хо? — брови Ульриха взметнулись вверх. — Ты о чем?

— У гурров был один чудесник, ну совсем как ты. Неуязвимый.

Чего-о-о-о? В смысле неуязвимый?

— Лира, Гиз! — Эд обратился уже к нам. — Перед нами тот, кто может сопротивляться абсолютно любому наносимому урону.

— И как же нам его победить? — осторожно поинтересовалась Гиз.

Бритоголовый неожиданно резво двинулся в нашу сторону.

— Ну, того чудесника запихали в разлом Червиевого дна.

Обалденно. Первое серьезное столкновение, а у нас уже неуязвимые противники.

— Ну да, это точно мой брат, — рыкнул Ульрих, влетая в наш хрупкий строй. — Потому что я действительно неуязвим для ваших ударов!

Ударом руки он откинул вскрикнувшую Гиз на пару шагов, а пинком с разворота оттолкнул Эда.

Неожиданно Лира отскочила на три шага, вскинула свой жезл и нажала на кнопку. Ветвистая молния мгновенно влетела в налетчика. Три долгих секунды Лира непрерывно посылала электричество в противника. Она поддерживала бы молнию и дольше, но у нее кончилась первая склянка с Мощью. Молния прекратилась с звонким щелчком.

Нашим глазам предстал Ульрих. Дымящийся, но даже не закоптившийся. Налетчик лишь лишился своей кофты.

— Ух, бодрит! — крикнул он, насладившись нашими охреневшими взглядами.

Следующим действием он пошел в сторону еще больше отступившей Лире. Зря он так мразь. Я приготовился послать в него россыпь гиль...

И тут Лира из кармана вытащила револьвер. Взведя курок, она хладнокровно выпустила все семь пуль прямо в лицо Ульриха. Удивительно, но треск выстрелов и кусочки свинца

заставили его отступить на два шага, но, скорее всего, чисто рефлекторно.

Я выпустил поток плазмы толщиной с два пальца и тоже направил его в лицо чудеснику. Он пригнулся, уходя от последней пули и одновременно и от моей плазмы. Пуля ударила в камень за его спиной; брызнула каменная крошка.

— Вы все идиоты! Вам не победить, вы все умрете! — закричал он.

Внезапно на него сверху упало несколько обломков камня. Я успел заметить, как один из них прочертил на его плече тонкую красную линию.

Молния пронзила мой мозг — это можно использовать!

— Врассыпную! Мне нужно время! — заорал я.

Мы кинулись прочь от противника, которому не могли навредить. Он немного растерялся, так как не ожидал такого хода, но, сориентировавшись, кинулся за... Гиз!

— Эдвин! Надо ее прикрыть! — крикнул я сонитисту.

— Я тут как раз собрался кое-что попробовать... — ответил Эд с мрачным лицом.

После этого его правая рука стала странной. Она удлинилась, начала причудливо изгибаться. Из нее, прорывая ткань его рубашки, начали расти странные наросты, больше похожие на шипы из кожи. Все это сопровождалось отвратительным ревом, от которого чесались кости и хотелось вырыгать желудок.

— Ого, — протянул Ульрих, переводя взгляд на Эда. — Говорящие коты и какофонические уродцы. Что вы тут за зверинец собрали?

Вместо ответа Эд словно подлетел к нему, змееобразно уклонился от двух ударов в голову и прижал раскрытую ладонь к животу качка. Рев какофонии на мгновение усилился, а потом затих. Эд отскочил.

— У-ух, — поморщился Ульрих, громко после этого отрыгнув. — Это было несколько неприятно. Больше так не делай.

Эд снова начал наращивать громкость какофонии.

Я же в это время лихорадочно думал. Камень, маленький осколок, упал на него и повредил кожу. В то же время ему нипочем удары, выстрелы и даже молнии. А что, если...

Я выскочил из-за укрытия и окатил его струей огня, настолько жаркого, насколько смог. Когда последние всполохи развеялись, я увидел, что не добился ничего, кроме того, что на нем почти сгорели штаны.

— Да что я тут с вами вожусь! — крикнул Ульрих и кинулся на Эда. Завязалась схватка, сопровождаемая звуками ударов и рева какофонии.

Спустя несколько секунд Эдвин отлетел от особенно мощного удара. В это время Гиз скрылась из виду, а Лира присела за соседним обломком камня и лихорадочно, но очень ловко перезаряжала барабан.

— Ты! — грозно заревел Ульрих. — Говорящий кот! Следующим будешь ты!

— Лира, стреляй в камень за ним.

— Что? — непонимающе воззрилась на меня волшебница.

— Стреляй в камень! За ним!

Лира щелкнула курком перезаряженного револьвера. Последовало три выстрела — все они ушли в камень за спиной Ульриха. К моей неопишуемой радости, мелкие осколки камушков до крови посекали его незащищенные плечи. Спину, наверняка, тоже, но этого я не видел.

— Сволочная ведьма! Убью!

Он было ринулся к Лире, но импульс его рывка погасил Эд. Почти потерявший сознание

сонитист схватил его за лодыжку.

— Дерьмоед! — качок два раза пнул волшебника в лицо. Эдвин потерял сознание и отпустил его.

— Лира, нам надо срочно отвести его от Эда и две-три секунды продержат его на месте.

— Н-но я плоха в ближнем бою... — ну, полуобнаженный чудесник и правда внушал ужас.

— Мы победим, если сделаем это.

Ульрих присел, а потом совершил умопомрачительный прыжок в нашу сторону. Без разговоров он провел простой прямой удар в Лиру, от которого девушка уклонилась, потом качок резким ударом, пошедшим по касательной, скинул меня с камня. Мы кинулись наутек, а ревущий от ярости налетчик побежал за... мной! Донные духи, мне конец!

Я пробежал около двадцати метров, как вдруг звуки его шагов прекратились. Я обернулся и увидел, как его оплетают быстро растущие и утолщающиеся побеги. Оглядевшись, я увидел неподалеку Гиз с такой яростной сосредоточенностью в глазах, что мне стало куда страшнее, чем было до этого.

Очевидно, она нас слышала, и поэтому я немедленно приступил к выполнению своего плана. Я начал нагнетать в себе столько Мощи, сколько вообще мог. Вены жгло огнем, началась изжога, каждый глоток воздуха стал для меня раскаленным комком пара. Уже буквально через секунду из-под моих когтей заструился жидкий огонь. Но этого было мало.

Ульрих начал срывать с себя побеги. В ответ их словно бы становилось только больше. Прошло еще две секунды, а я все накапливал Мощь. От меня начали идти клубы пара. И этого тоже было мало.

Зарывав, Ульрих рванулся вперед. От толчка бóльшая часть побегов оказалась вырвана с корнем, и чудесник начал медленно продвигаться вперед. Он обезумел от ярости и только невнятно рычал, глядя прямо мне в глаза. Я все накапливал в себе огненную Мощь. Около меня начала тлеть трава.

За спиной Ульриха внезапно возникло залитое кровью лицо Эда. Сонитист захватил шею чудесника в захват. Не было надежд, что он его придушит, но Эд хотя бы остановил его.

Еще три секунды... две... одна.

— Эд! Быстро назад!

В одно мгновение произошла куча событий. Из земли выскочили прочные темные корни, обхватившие ноги чудесника. Эдвин оттолкнулся от широкой спины налетчика и отпрыгнул метров на пять в сторону. Я разом выпустил всю эту, без преувеличения, ужасающую мощь Инферно в почву, на ладонь ниже ног чудесника. В ту же самую миллисекунду я представил наиболее мощный *харраку*, какой только мог.

Мгновением позже раздался взрыв багрового пламени. Во все стороны полетели клочья земли, а высоко в воздух взвилось тело чудесника. Взрывной волной в поместье расколотило все окна.

Ульриха подбросило метров на десять. Достигнув высочайшей точки, его тело безвольно перекрутилось и тяжело упало прямо на один из камней. Послышался хруст.

И все стихло.

— Все целы? — словно издалека послышался голос Леры.

— Ну, вроде да, — откуда-то донесся едва слышный голос Гиз.

Я увидел, как совсем неподалеку от меня на ноги встает Эд. Бывший солдат теперь весьма соответствовал своему прошлому — окровавленный, перемазанный землей, со свернутым набок носом. На моих глазах сонитист как мог оттер лицо от грязи, схватился за кончик носа и резким движением вправил его. Не то чтобы это сильно помогло, но теперь хоть нос смотрел в ту же сторону, что и глаза.

— Джас, проклятый самоубийца. Это было охренительно, хвала и почет.

Я охренел от таких слов Эда. Очень... разносторонний отзыв.

Сзади ко мне подковыляла Лира. Рассеянный взгляд блуждал по разгромленному саду, в то время как ее худые пальцы перезаряжали револьвер.

— Не знал, что вы стрелок, мисс, — с уважением протянул Эдвин.

— У нашей Лире второй класс по стрельбе, — пояснила Гиз, которая баюкала явно сломанную руку. — Лучшая среди ведьм факультета.

Ого. Ну так-то да, в стрессовой ситуации метров за пятнадцать уложить шесть патронов в лицо дорогого стоит. Но, пожалуй, мы зря напомнили об этом Лире. Внезапно с лица девушки схлынула вся кровь, и она начала оседать на землю. Эд успел подхватить ее, и аккуратно уложил на землю, подложив ей под ноги кусок камня.

— Стресс, такое часто бывает, — пояснил он.

После этого волшебник начал цокать языком, вертясь по сторонам, как флюгер. Спустя полминуты цоканья он затих, тряхнул головой и сообщил, что к нам движется галгара. Людей вокруг нас не было.

Гиз принесла в здоровой руке неполный черпак воды и окатила меня ею. Было очень хорошо — я весь зашипел и начал исходить густым-густым паром. Да, я словил очень мощный перегрев.

В этот момент волшебник вытащил резонатор и включил гармонию на полную мощность. Начал он с руки Гиз. Чтобы зарастить перелом, пришлось потратить около трех минут. За это время очнулась Лира.

Пройдясь нежно тянущим одну сладкую ноту клинком по всем нам, Эд принялся за себя. Закончив с подлечиванием, сонитист как мог отряхнулся. Глубоко вздохнув, он сунул руку за пазуху, вытащил оттуда какой-то очень странный приборчик, похожий на вытянутый сигарообразный свисток красного цвета.

— Ну что, перейдем к самому сладкому? — задал он вопрос.

— Ты о чем? — спросила Лира, с лица которой еще не ушла бледность.

— Ну как... У нас у всех есть несколько оч-чень весомых вопросов к нашему голому неуязвимому бойцу.

Невдалеке, как по заказу, послышался сдавленный стон Ульриха.

Глава 15. После боя

Я внимательно посмотрел на амулет в руках Эда. Длинной в палец, ярко-красный сигарообразный корпус, кончик как у свистка и маленькая кнопочка на боку в желобке. Судя по всему, эта кнопочка могла перемещаться.

— Если бы я мог, то использовал эту штуку сразу, — объяснил Эдвин. — Однако, после одной заварушки он работает из рук вон плохо, да и то через раз. А починить уже некому, такие дела. Однако, этой веселой вещице абсолютно плевать на силы чудесников, причем с высокой колокольни. Будь свисток цел, беготни бы не было. С другой стороны, будь он цел, я бы сейчас в Табакерке сидел... Не будем о грустном, будем о жестоком. Дамы, вы когда-нибудь видели пытки?

— Что? — синхронно выдали Гиз и Лира.

— Ну как что, — пожал плечами сонитист. — Мучения, которые я буду причинять данному неприятному типу. Соответственно, в обмен на разглашение необходимых нам сведений я эти мучения причинять не буду. Наверное. — в этот момент Эдвин был поход на перемазанного землей академика-извращенца, настолько обыденным тоном он все это говорил.

— Знаешь, мистер Моуз, — начала Гиз. — Никогда бы не подумала, что скажу это, но я в деле.

— Гиз?! — шокировалась Лира.

— Что Гиз? Этот ублюдок сломал мне руку. Мне было, мягко скажем, неприятно, а особым миролюбием я не отличаюсь, сама знаешь. Кроме того, будет действительно не лишним разузнать подробности о структуре стана врага.

— О-о-о! — восхищенно протянул Эдвин.

— Лира, — тут подал голос уже я. — Во-первых, нам действительно нужна информация. Это все, — я широким жестом обвел разгромленный сад. — Объявление войны. Войны нам, и войны на уничтожение. Этот ублюдок не удовлетворился бы сломанными конечностями. Во-вторых, пожалуйста, принесите еще водички.

— Госпожа Фольди, на стороне противника были вермиалисты. Лично прикончил троих, даже на территорию одного пришлось залезть, — Второй раз уже слышу это словосочетание. Интересненько, надо будет разузнать. Тем временем, Эдвин продолжал: — Да и наличие у врага револьверов, которые они не постеснялись пустить в ход. Да и потом, я более чем уверен, что у Дауда есть связи в полиции и каждом более-менее крупном городском круге. Так что мы об этих трупах даже доложить не сможем.

За водичкой, конечно же, никто не пошел...

Послышался многоголосый протяжный стон, словно доносившийся из загробного мира. Этот звук вызвал у меня мурашки по коже.

— Кстати, о них... — заметила Гиз, смотря куда-то мне за спину.

Я обернулся и пожалел, что это сделал. Однако, деваться было некуда, и мне пришлось порядком охренеть.

Из расчлененных, судя по всему, галгарой, трупов поднимался сизый дымок. Именно этот дымок издавал протяжный стон на добрых пять-шесть голосов. Постепенно дымок начал сочиться сильнее и собираться в шесть нечетких фигур.

Вот так и появляются призраки.

Внезапно из рошцы показалась огромная фигура Гальзы. Повреждений на нем почти не было, если не считать ряды глубоких царапин на плечах и предплечьях. Путь галгары как раз пролегал мимо этого призрачного сборища. В руках (о, великие духи) ящер тащил оторванную голову странного существа сопоставимых с самим галгарой размеров. Морда существа напоминала одновременно и белого медведя, и енота. Очевидно, это была башка моннгу.

Проходя мимо призраков, уже обретавших относительную плотность, он хмыкнул:

— Ох уж эти человеческие штучки...

Из-под его чешуи на хвосте внезапно потек темно-желтый металл. Он, словно кокон, послушно окружил хвост, которым Гальза взмахнул. За один удар он разметал все призраков. Те громко и жалобно взвыли, а позже и вовсе пропали.

Я заметил, как лицо Эдвина вытянулось.

— Не знал, что вы владеете санкроль, мистер Гальза.

Эд знает гара?!

— Хе, оставь этих мистеров для кого-нибудь другого. Я все же галгара. Просто Гальза и все. И нет, это не санкроль, это сангат, бронза.

— На практике разницы мало, — с осторожностью ответил волшебник. — Я мог бы подлечить ваши царапины.

— Твоя правда, мастер звука, разницы мало. — довольно ощерился галгара. — А свои волшебные штучки оставь. Само затянется. Одна линька, и даже следов не останется. Перед помещьем тоже будут призраки?

— Должны с минуты на минуту, — отчитался волшебник.

— Что ж, я, пожалуй, займусь этим. Сумеете тут все потом прибрать?

— Да, Гальза.

— А с этим что делать будете? — галгара указал одной из свободных рук на вяло шевелящегося Ульриха.

— Узнаем несколько необходимых вещей, и туда же.

— Ну и отлично.

И галгара вразвалочку, обманчиво медленно, пошел обходить особняк.

— Возвратимся к нашим баранам, — опасливо косясь в сторону ушедшего ящера, продолжил Эд. — Госпожа Фольди, вы же понимаете всю необходимость этого процесса?

— Понимаю, — скрепя сердце, кивнула ведьма. — Принимать деятельное участие не стану, но тоже задам несколько вопросов.

Эдвин кивнул, глубоко вдохнул и поднес свисток к губам. С силой подул в него и... не раздалось ни звука. Я внимательно присмотрелся и увидел, как кнопочка медленно едет вверх по корпусу. Эду пришлось три раза дуть в него, чтобы кнопочка с тихим щелчком встала в самое верхнее положение. Повозившись еще немного, Эд снял со своей шеи это причудливое украшение и спрятал в кулаке.

— Приступим, пожалуй.

И мы вчетвером подошли к едва шевелящемуся чудеснику.

Ульрих представлял из себя жалкое зрелище. Почти голый (остатки штанов держались просто чудом, ня-ха-ха), перемазанный землей почище Эда, весь в ссадинах и с переломанными ногами. Он пришел в сознание и медленно пытался отползти от нас, но явно не привык к боли, поэтому и двигалось его дело слабо. Почему-то мне было его ни капли не жалко.

Пинком Эдвин перевернул чудесника, обломив его попытку побега.

— Ну что, лысенький, говорить будем? — с отечески нежной улыбкой спросил Эд. Мне стало жутко.

— И что вы сделаете? — иронично приподнял бровь налетчик. — Я все такой же неуязвимый.

У этого парня самомнение явно в небеса задрано.

— Ну да, ну да, — понимающе кивнул волшебник, ткнув носком сапога в переломанную ногу чудесника, вызвав у того сдавленный стон. — Твое здоровье, очевидно, в идеальном состоянии. Что ж, говорить не будем?

— Не-а.

Эдвин вздохнул, сел на корточки и продемонстрировал ему свисток. Лицо Ульриха вытянулось чуть ли не вдвое.

— Вижу, в курсе, что это. Итак, повторю свой вопрос. Будешь сообщать?

— Вы, жалкие черви-а-а-а-а-а!

Когда изо рта чудесника донеслись оскорбления, Эд просто прижал тупой конец свистка к ноге и нажал на кнопку. Послышался тонкий свист, а потом, собственно, и раздался крик нашего испытуемого. Однако, кровью не запахло. Странно.

— Ты пойми, это не реплика, он настоящий. Просто чуток поломанный, — волшебник с неудовольствием осмотрел свисток, чья кнопка сдвинулась на половину желобка.

— Т-ты настоящий Алый Свисток?

Только не говорите мне, что Эдвин — член какой-то там суперсекретной организации... Ну пожалуйста, я уже привык к этому парню.

— Ага, — кивнул Эд.

Да проклятье! Хотя, я не знаю, кто такие Алые Свистки.

Волшебник приподнял свисток. На коже чудесника красовалась неглубокая дырочка диаметром примерно с палец. Дырочка не кровоточила и не спадалась, открывая всем желающим вид на берцовую кость чудесника. Фу, мерзость.

— Итак, повторю вопрос. Для особенно умных гостей нашего поместья. Мы хотим получить ответы на интересующие нас вопросы.

— А потом?

— Задрал торговаться! — рявкнула Гиз, пиная его по ноге.

— Леди права, дружище, — пожал плечами волшебник, оставшийся равнодушным к потоку брани чудесника. — Давай, я начну. Есть ли еще кто-то из твоих людей неподалеку?

— И да, и нет. Еще пятеро из моих ребят пошли в Головастик. Знаешь его? — проявил готовность сотрудничать Ульрих.

— Знаю. Печально, придется их потом поискать. Ну да ладно. Откуда моннгу?

— Шенн дал в подчинение. Чтобы уж наверняка. Он немного опасается ведьм.

— Ну, правильно делает... — судя по затуманившимся глазам, Эд вспомнил про лягушек. — Ладно, с этим понятно. Вы должны были сообщить кому-то о сделанной работе?

— Нет. Я доверенный человек Шенна. Сделал и сделал, всего делов.

— Ну да, действительно, делов-то, — хохотнул волшебник, а потом снова прижал к чудеснику свисток и дожал остатки, проделав в нем новую дырочку. — Будешь мне врать, я из тебя флейту сделаю, понял? — теперь в голосе Эда не было ни капли дружелюбия. — Надоело с тобой возиться. Надоела твоя спесивость. Надоела твоя ложь. С этого момента после каждого ложного слова я тебя прижигаю.

И Эдвин снова задул в свисток, и кнопочка медленно поползла вверх. Наполненные ужасом глаза Ульриха следили, как кнопка заняла свое верхнее место. Чудесника била крупная дрожь.

— Итак. Откуда моннгу?

— Его прислал Шенн. Он должен был проконтролировать ход работ.

— Хреново, — покачал головой волшебник. — Дальше.

— Он должен был встретиться с самим Шенном тут, в Асмине, через две недели. Сейчас Шенн в отъезде по делам Тысячи Глаз.

— О, даже не скрываешь? — изумилась Гиз.

— Свисток не забывается, — покачал головой Эдвин.

— Кто Дауд по иерархии? — внезапно подала голос Лира.

Чудесник сглотнул.

— Он лишь регионарный координатор. Что-то вроде офицера в структуре Тысячи. Следит за делами в городе и окрестностях.

— Его цель тут?

— Я не знаю.

Эдвин вздохнул и снова прижег чудесника. Тот взвыл.

— Правда не знаю! Я силовик! Меня не подпускают к такому! Указали — и я иду выбивать из них дерьмо!

— Еще разочек?

— Нет-нет-нет! Я... Я только знаю, что он должен будет получить некий важный артефакт. Он должен будет его выкрасть. Что-то действительно важное.

— Ну вот, а говорил, что не знаешь. Две недели, говоришь?

— Именно тогда этот артефакт и привезут. Шенн как раз должен подъехать.

— Что знаешь о самом Шенне? — продолжал допрос Эд.

— Червивый. Сильный сукин сын. Авторитет держит силой. Бывший атаман одной из банд Красных Княжеств.

— Отряд?

— У меня треть всех сил. Сам он держит остатки.

— Мне неохота считать, — Эд начал подносить свисток к бедру чудесника. Тот начал елозить и поспешно орать:

— Двадцать! У него двадцать человек! Моннгу был один! Волшебников пятеро, трое червивых, один глубинщик и один зажигалка.

— Все они — члены Тысячи?

— Да!

— А чудесники есть?

— Да никого больше нет! Шенна только недавно назначили на должность, он не успел собрать достаточную свиту.

В ход допроса вмешалась Гиз.

— Причина отъезда Дауда?

— Разборки с Яблоком. Они разгромили нашу базу в Ламагге, и Шенн метнулся выслеживать.

— Из-за чего сыр-бор?

— Да я почему знаю. Нападают, и все. Яблоко всегда нам мешает. Это оскорбительно, если учесть, что они все — сильнейшие вермиалисты. Ходят только в масках, как идиоты.

Снова раздался голос Лиры:

— Кто наложил на нас эмбарго?

— Что наложил? — искренне не понял Ульрих.

— Кто мешает нам торговать?

— Амир Быстрый. Подчиненный Шенна. Местный бандит, один из графов тени города.

— Где найти?

— Обычно он обретается в старом разделочном цехе консервного завода, в Кузнечке.

Там у них нечто вроде базы. Сам Быстрый контролирует Кузнечку и старый город, а, следовательно, и вас.

Возникла странная, давящая тишина.

— Еще есть вопросы? — спросил у нас Эд.

— Да вроде нет, — пожала плечами Гиз. Лира просто помотала головой.

— Ну и ладно.

— Может, это, перемота-а-а...

Ульрих пытался что-то сказать, но Эд поднес свисток к его лбу и проделал в голове чудесника ровную, аккуратную дырочку. Качок дернулся разок и затих, его глаза остекленели.

— Есть вопрос, он к вам, — сказала Лира. — Мистер Моуз, кто такие Алые Свистки?

Эдвин замер, а потом глубоко вздохнул.

— Понимаете ли, госпожа Фольди, на стороне противника часто были чудесники. Гуррское княжество всегда славилось своим высоким процентом чудесников. А наша страна разработала особый механизм для сонитистов. Дуешь в него, и особые волны на расстоянии порядка тридцати шагов лишают чудесника его мистических сил. Полезная вещь. Можно туда воздуха надуть, а потом просто давить на кнопку. Однако, один разочек мне пришлось парировать им удар кинжала, так что теперь он не издает волны. Он просто разом выпускает весь воздух, сильно заряженный какофоническими гармониками. Прodelает неглубокую дырочку в чем угодно. А я просто был волшебником-сонитистом на нашей стороне, вот мне его и выдали.

— Вы все время избегаете упоминания о «нашей» стороне, мистер Моуз, и о своей стране. За кого вы воевали?

Эдвин скривился, но в итоге еще раз вздохнул и ответил:

— Я родился в Артабасе, и бился за Артабас.

— Артабас, это Красное Княжество? — переспросила Гиз.

— Одно из. Было, — мрачно подтвердил Эд. — Для любознательных котов — Артабас был на стороне победивших в Летней войне, однако после Битвы Девятнадцати королей его силы полностью иссякли, и мое княжество было поделено между бывшими союзниками. Артабаса больше не существует. Большая тема, не люблю о ней вспоминать.

Повисло молчание. Нарушила его Гиз:

— Пожалуй, что тут стоит прибраться.

— Угу, — мрачно отозвалась Лира, оглядывая разгромленный сад.

— Госпожа Фольди. Если изволите — мои способности в области гармонии позволят срastить сломанные деревья. Растения выносливые, так что, полагаю, еще есть шанс.

— Думаю, с трудом, но я смогу выпрямить каркас, — пробормотала Гиз, оглядывая искореженную оранжерею.

— Эм, а где трупы? — удивился я, глядя на то место, где лежали тела. Сейчас там

ничего не было.

Все как один обернулись и воззрились на то же место, что и я.

— Действительно, а куда? — поинтересовался неизвестно у кого Эдвин после недолгой немой сцены.

— Кажется, у меня есть теория, — с подозрением ответила ему Гиз.

Ее теория подтвердилась буквально тут же. Со стороны входа в поместье мы услышали странные звуки. Несколькими мгновениями спустя мы увидели, как Маю с трудом тащит тело одного из нападавших. Каким-то образом дряя зацепился за одежду налетчика, и тяжело волок тело куда-то в сад.

— Да не-е-ет, — простонала Гиз, моментально срываясь на бег и уносясь в дальний конец сада. Все мы, в непонятках, последовали за ней.

Спустя еще несколько мгновений мы, собравшись в кучку, смотрели на саженец Лайун, выросший чуть выше человеческого роста. Чтобы вы понимали, еще вчера он был ростом с меня. У подножия дерева виднелось больше дюжины небольших холмиков, полностью покрытых короткой остролистой травой нежно-оливкового цвета. От этих холмиков сильно пахло кровью.

— Ну, зато одна из наших проблем решена, — протянул Эдвин.

— И не говори, — эхом отозвалась Гиз. — Все остатки исчезнут до утра. Ну, кости еще полежат дня три-четыре.

Маю с весьма довольным видом подтащил тело того самого Ломье (с моей искрой в голове) к самому стволу. Буквально на наших глазах тело оплели тонкие черные усики, и еще секунд через десять из тела, прорывая одежду, полезла трава.

Вспомнив яростный взгляд Ломье, направленный на Лиру (мою хозяйку, вставил свой молоточек Кот), и глядя на его труп сейчас, я почувствовал лишь это странное удовлетворение, которое бывает от далеко не лучшей, но необходимой работы.

— Н-да. А ведь в Горелых землях такое происходит каждый день, — задумчиво протянула волшебница. — Что ж, пойду зарывать валуны обратно.

— Госпожа Фольди, не могли бы ваши духи поддержать деревья, чтобы я смог их срastить?

— Да что вы заладили с этой госпожой, — нахмурилась на волшебника ведьмочка. — Просто мисс, не заикливайтесь на воспоминаниях о лягушках, — Эд едва заметно вздрогнул. У него детские травмы, что ли? — Из-за вашей «госпожи» я чувствую себя старухой, хотя мне нет и двадцати.

— Исправлюсь, мисс. Только надо бы сделать это сразу, потом я переоденусь и наведаюсь в Головастик.

— Мистер Моуз.

— Да?

— Спасибо вам большое.

Эдвин неожиданно смутился и почесал затылок.

— Да не стоит благодарности. В свое время я каждый день в такие разборки влезал. Благодарить нужно Джаспера, он ловко одолел чудесника.

От похвалы я приподнял мордочку кверху и зажмурился. Прия-ятно. Тут на мою голову опустилась чья-то горячая ладошка. Знакомые ощущения... Ну да, меня гладит Лира.

Да, вот тут, за ушами. Ага, холку тоже можно. Не-ет, вернись к ушам. Не-е-е-ет, вернись!

— Джаспер, хватит мурлыкать, — шутиливо отчитала меня Лира. — Сейчас тебе тоже найдем работу...

Восстановление сада затянулось до наступления темноты.

За это время Гиз убрала все валуны и начала выпрямлять каркас оранжереи. Она просто прикладывала ладони к металлу, и стальные рельсы сами, пусть и очень медленно, занимали свое место. К сожалению, это доломало почти все стекла. Придется воспользоваться услугами стекольщиков. Вот только как...

Эдвин с помощью духов Лир и резонатора действительно очень быстро превратил все изломанные деревья обратно в нормальный сад. Опять же с помощью духов, Лира очистила одежду Эда от земли и крови, и наш сонитист, взяв из запасов ведьмочки тонирующее зелье, прямо на ночь глядя ушел в город. Мотивировал он это тем, что дело в Головастике не терпит отлагательств.

Сама Лира взяла гильзу, прокляла ее на, цитата, «притяжение подобного», и исходила всю территорию поместья, собирая гильзы и случайно выпавшие патроны. Потом она провернула это же, но со своим револьвером. Итогом стало приобретение пяти стареньких револьверов и порядка половины коробки патронов к ним.

Я же сжег те трупы, что еще не успел приватизировать Маю. Почувствовал ли я что-нибудь? Да не особо. Уж не знаю почему. Такое отношение к ужасам войны меня почему-то пугает, но Кот шлет успокаивающие волны. Странно все это.

Итогом нашей не самой продолжительной уборки стал более-менее прилично выглядящий сад. Конечно, девушкам придется постараться, чтобы все выглядело нормально, но сейчас сойдет и так. Усталые девушки вместе приготовили ужин — каша с мясом. Мне достались мои крылышки.

Уже поздно ночью вернулся Эдвин. Уставший еще больше девушек, он смог только выпить глоток воды и ушел спать. Я снова не стал говорить девушкам, что от него пахло кровью.

По итогу, мы все, вымотанные до предела как морально, так и физически, пошли спать. Завтра будет новый день и новые проблемы.

Да уж, не так я представлял себе перерождение в фэнтези-мире. Не то чтобы я прямо помнил, как я его себе представлял, но точно не так.

Глава 16. Очень, очень сложное утро

Мы с волшебником шли по утреннему городу. Было тихо и солнечно, компанию нам составляли лишь голуби и редкие-редкие прохожие, такие же сонные, как и мы вдвоем.

Прямо с утра Эдвин разбудил меня, чтобы мы, не дожидаясь обеда, пообщались с Амиром Быстрым. Эд не был настроен воевать с одним из теневых графов (так тут называли криминальных боссов), так что это должна была быть именно беседа. Возможно, на позициях сильнейших, физически. Возможно, с применением этой самой физической силы. Я указал Эду на лёгкое несоответствие в его планах, на что волшебник только пожал плечами. «Да всегда так бывает» — отозвался он.

Тем не менее, волшебник не то что бы выглядел готовым к новой битве. Вчера он выложился на полную, так что сегодня Эд щеголял тенями под глазами и в целом уставшим внешним видом. Это несколько контрастировало с его белоснежной рубашкой, клетчатым жилетом и темно-серыми брюками. Картина маслом: франт идёт домой с ночной пирушки.

— Эдвин, а что это за Красные Княжества, о которых ты постоянно говоришь?

— Хех, неужели никто тебе этого не рассказывал?

— Ну, я бы тогда не спрашивал.

— Красные Княжества, — начал лекцию Эд. — Это область на севере Горелых земель. Чтобы тебе было проще ориентироваться, скажу, что Бравия находится на западной границе. Довольно большой регион, больше обычного королевства. Располагается в исполинской долине, прорезанной когда-то давно ледником Белого Императора. Много рек, много леса, холмы, живописные горы, осс и самый вкусный сыр под солнцем и лунами. В политическом плане, обычно, представляет собой бурлящий котел из постоянно перемешивающихся и передельывающихся мелких княжеств. Иногда за год может исчезнуть большая часть правящих династий.

— Ого. А почему сложилась такая ситуация?

— Проклятие ведьмы Солнечного пика. Один раз наши предки сильно огорчили сильнейшую ведьму долины, и она наложила на всю область проклятие, которое звучит примерно так: «пусть вашу землю поливает кровь, а не дождь». Она умерла прежде, чем предки смогли заставить ее снять проклятье, так что уже около семи поколений длится такая вот интересная ситуация. Нет, конечно, есть и действительно старые династии и княжества, та же Ехонта, но в целом ситуация не меняется.

— Очень странно.

— Как и любые проклятия, — пожал плечами Эдвин. — Мы все уже привыкли. Казалось бы, мы знаем о существовании проклятия, так просто надо все узаконить верно? Не-а, всегда находится очередная семья идиотов, которые думают, что если они захватят город и сделают новое княжество, то ух, заживе-ем...

— Так было и с твоей родиной?

— Да, — чуток помрачнел Эдвин. — Артабас был именно такой историей. Сильное княжество. Князь Либель смог подчинить семнадцать городов лишь одной дипломатией. Естественно, остальные пять он завоевал, отдавая дань проклятью. Однако, в итоге получилось весьма сильное государство, по меркам Красных Княжеств. По меркам большого мира, это было бедненькое княжество, не дотягивавшее до среднего королевства. Существовал Артабас около пятидесяти лет. Все ресурсы, как природные, финансовые, так и

людские, были потрачены на Летнюю войну, Битву Девятнадцати и попытку восстановить предвоенный уровень экономики. Однако, соседи Артабаса решили, что в такое время можно и отгрызть у него город. Или два. Или три. В итоге все города Артабаса разобрали, а столицу взял штурмом Сабас, князь Соуго. Либеля казнили, гвардию разогнали, ландграфов дефенестрировали.

— Чего ландграфов? — совершенно не понял я.

— Дефенестрация. Традиционный метод казни чиновников в Красных Княжествах. Из окна выкидывают, с этажа эдак пятого. — пояснил Эдвин.

— Весело у вас там, — фыркнул я.

— Да если не обращать внимания на эту вялотекущую войну, то там очень даже можно жить. Там даже безопасно — от Горелых земель Княжества отделяет Сверкающий хребет. А на нем самом располагается старейшее княжество, Ехонта. Ехонтийцы, конечно, поголовно немного тронутые, но их боевые способности всегда на высоте. Горцы всегда умеют лить кровь, и им в их предназначении очень помогают некоторые агрессивные жители Горелья.

— Хотел бы я побывать в Красных Княжествах... — протянул я.

Не, ну а что? Не всю же жизнь мне сидеть в лавке? Я тут, в конце концов, переродился в новом мире. Имею право и попутешествовать.

— Хе, — довольно крикнул Эд. — Будем в Княжествах — лично тебя угощу оссом и семнийским сыром. У тебя, там, — он неопределенно взмахнул рукой. — Был сыр с плесенью?

— Хм, — я задумался. Толком не помню. Сыр мягкий был, твердый был, голубой... или нет? — Плохо помню, Эд.

— Как вспомнишь, скажи. Очень любопытно.

В это время мы уже шли по мосту, соединяющему город и Кузнечку. До меня снова начали доноситься ужасные запахи промышленного района.

Однако, в этот раз мы пришли в этот район не чтобы лить кровь. Ведь да, Эд? Эд надеется, но не уверен.

Мы быстро нашли здание заброшенного цеха, о котором говорил Ульрих. Выглядел он как вполне ещё достойно выглядящее длинное кирпичное здание. Два этажа, жестяная крыша, невысокая труба и заколоченные окна первого этажа. У дальнего торца здания был внутренний дворик, окружённый высокой бетонной стеной. В стене виднелись зелёные жестяные ворота. У едва приоткрытых ворот маячил неприметного вида мужик крайне усталого внешнего вида.

— Приветствую вас, — дружелюбно махнул рукой Эд, подойдя к нему.

— И вам не хворать, — ворчливо отозвался мужик, с подозрением осматривая волшебника.

Мужик как мужик, ничего особенного. Брюки, кофта. Дубинка в петле на поясе. Недельная щетина. Колтун на кисточке. Пахнет немного пивом, немного мылом, немного не самыми свежими консервами. Какой же этот нос удобная штука, человеку никогда не понять.

Я ещё чуток принюхался. Хм, неподалеку должен быть ещё один человек. Молодой пацан, ел что-то с чесноком на завтрак.

— Я хотел бы встретиться с Амиром. Нам есть что обсудить.

— А у вас назначено? — приподнял бровь стражник.

— Не знал, что Амир — аристократ, — насмешливо отозвался волшебник.

— А в чем состоит дело?

— Ну, у нас есть интересные новости для него. И одновременно небольшая сделка.

— Ла-адно, — махнул рукой стражник. — Чи, сообщи Кузнецу, пусть пришлет сопровождение.

За воротами сразу раздался удаляющийся звук быстрых шагов. Видимо, это был тот пацан.

Мы молча ждали сопровождения, а стражник сверлил нас взглядом. Какой недружелюбный. А, нет, не нас. Он сверлит взглядом только меня.

Вот что тебе надо? Лысых котов не видел? Че пялишься?

— Ты с крысой пойдешь? — спросил стражник у Эда.

Мразь.

— Ти с клысой подёсь? — злобно передразнил я стражника. Тот икнул и схватился за дубинку. — Ну че, до говорящих котов допился? Н-да, не стоило тебе пить последнюю бутылку, дружище.

Судя по звукам, Эдвин едва сдерживает хохот, глядя на бледного как мел стражника.

— Милейший, что с вами? — незаметно продышавшись, спросил волшебник неизменным голосом.

— Да так... Показалось, что ваша... ваш кот говорил.

— Вам бы позаботиться о своем здоровье, мистер. Коты же не говорят, что вы? Хотя лысых котов мало, и люди часто чувствуют себя неуютно рядом с ним.

— Я вот на него смотрю, и мне кажется, что он смеётся.

— Для вашего образования — коты открывают рты, когда им жарко. А у этого котика даже шерсти нет, поэтому ему очень жарко. Солнышко-то сегодня светит дай духи.

— А трясется он почему?

— Ох ты ж...

Эдвин наклонился ко мне и потрепал по холке.

— Ну что ж ты, дружище? Я же говорил, что тебе не стоило есть ту больную мышку.

Вот гад, а. Я едва сдерживаюсь, а он ещё подначивает.

Эдвин положил два пальца мне на голову и дал краткий импульс гармонии. Сразу похорошело, хотелось не смеяться, а мурлыкать.

— О, а вы волшебник? — спросил стражник.

— А-ага, — нараспев ответил Эд.

В этот момент раздались шаги, а спустя буквально пару секунд ворота приоткрылись. За ними стоял шкафообразный патлатый здоровяк и пацан лет тринадцати.

Шкаф смерил взглядом сначала Эдвина, а потом и меня. Осмотрев, он махнул нам рукой, развернулся и пошел обратно, не дожидаясь нашего ответа. Шкет остался у ворот.

Мы прошли по поросшему травой дворику заброшенного завода и вошли в открытую дверь.

После яркого солнечного утра в заводе было прохладно. Свет легко пробивался в помещение через окна второго этажа — перекрытий не было. Большую часть помещения занимала линия явно старых то ли станков, то ли ещё каких-то приборов.

Дальний конец помещения был приспособлен под складское помещение (что нелогично, так как двор, удобный для подвоза сырья и отвоза продукции, остался позади). Над широкими дверями склада строители приспособили широченное, почти панорамное окно кабинета начальника цеха.

Пахло пылью, плесенью, деревом, консервами, пивом и, совсем-совсем чуть-чуть, кровью. Мне здесь сразу не понравилось.

В помещении было на удивление живо — трое человек в углу перебрасывались многогранными костяшками, ещё трое перетаскивали какие-то ящики по помещению и передавали кому-то в окно.

Здоровяк (тут, в криминале, принято в качалки ходить, что ли?) провел нас через все помещение к дальнему его концу. Там мы по лесенке поднялись к кабинету начальника. Сопровождающий вошел первый, мы же зашли следом. Сам он остановился около двери, а нам коротким движением подбородка указал направление в центр комнаты.

В кабинете сохранилась старая обстановка — высокие картотечные шкафы для документации, узкая конторка, массивный деревянный стол с креслом и ещё два кресла напротив стола.

За столом сидел высокий блондин. Мне с моим-то ростиком было не особо что видно, только лишь его внимательные темные глаза, шрамик на щеке и край расшитой бисером жилетки поверх тёмно-синей блузы.

— Здравствуйте, — обозначил поклон Эдвин.

— И вам того же, — отозвался Амир (а это явно был он). — Итак, у вас ко мне какое-то дело. Я несколько занят в этот день, так что не смогу уделить вам много времени.

— О, мистер...

— Амир Лаз-гау, так же известный как Амир Быстрый.

— Эдвин Моуз, не слишком известен для прозвищ. У меня к вам есть небольшая просьба. Мне стало известно, что вы управляете старым городом?

— Тц. Какой осведомлённый, — поморщился Амир. — А можно узнать, откуда?

— От чудесника Ульриха.

— О, — Амир удивился. — А откуда вы его знаете? И как контактируете? Вы новый куратор?

— Я не куратор. Просто я буквально вчера убил Ульриха.

Воцарилась тишина. Я слышал частое сердцебиение здоровяка у двери, а вот Эд и теневой граф выглядели спокойными.

Тишину нарушил Амир.

— Не буду скрывать, что это приятная новость. Самовлюблённый ублюдок получил по заслугам. Позвольте поинтересоваться, как вы это провернули?

— Секрет фирмы, — невозмутимо ответил Эдвин.

— Ну да, ну да, — граф постучал пальцами по столешнице. — Итак, полученная вами информация достаточно актуальна. Что же в таком случае вы хотите от меня?

— Все просто. Хочу, чтобы вы сняли эмбарго с алхимической лавки Фольди.

— А, этот заказ. Да с удовольствием. Вредить ведьме — вредить самому себе. Однако вы должны понимать, что таким образом я наживу проблем с Шенном. Больших проблем.

— Это я понимаю. Вы ведь не в восторге от Шенна, я вас правильно понял?

— Мягко сказано, — Амир откинулся на спинку кресла. — Ублюдок пришел в город, за неделю навел шороху, убил одного графа и запугал остальных, в том числе и меня. Признаться, нервишки сдают, когда на твоих глазах свежую лучшую боевую тройку.

— А как на это отреагировали твои люди?

— Ну, до лучшей тройки люди тоже были, поэтому те, кто на меня работает, наложили в штаны почище меня, — невесело хохотнул Амир. — На самом-то деле ничего веселого нет.

Новости, что ты принес, удовлетворили меня, но в то же самое время они сулят большие проблемы.

— Проблему с Даудом я решу, — твердо отозвался Эдвин.

— Хах? И как же?

— Ну я же справился с неуязвимым чудесником.

— Тоже верно, но этого маловато.

— Хм, — Эд задумался. — Ты слышал о банде Беррика в Нользе?

— А кто не слышал о Беррике?

— Моя работа.

— Так может любой сказать.

Эд, немного подумав, вытащил через воротник свой свисток. Амир резко втянул воздух сквозь зубы, а шкаф едва заметно дернулся.

— Понял, — отозвался граф, чуть погодя. — Верю. То есть, недовольство Шенна я могу перенаправлять на тебя?

— Ага. Думаю, с парочкой червивых я справлюсь.

— У него больше, чем парочка червивых.

— Трое червей, один зажигалка и один глубинщик.

— Тц. Удивительная осведомленность. Ну да ладно. Твоя просьба — снять блокаду с лавки?

— Да. И дать мне инструмент сонитиста. Военного образца, струнный, гитарная модель.

— И где я тебе его найду?

— Неужели инструмент — такая великая цена за смерть Дауда?

— Я постараюсь что-нибудь сделать. Когда ты планируешь с ним разобраться?

— Когда он вернётся в город.

— Что ж, порешили, — Амир протянул ладонь Эду. Волшебник ее пожал. — Я не могу гарантировать, что мы найдем именно тот инструмент, что тебе нужен.

— Мне определенно нужен военный струнный. Идеально — гитарный. Скрипичный не подойдет никак.

— Понял. Надеюсь, ты понимаешь закон молчания?

— Понимаю. Меня не волнует тень города.

— Ну и славно. Кузнец, проводи его обратно, — кивнул Амир шкафу.

— В этот раз повезло, — выдохнул Эдвин, когда мы отошли от завода на достаточное расстояние.

— В смысле?

— Ну, вообще, я был готов их перебить. Но Амир, — волшебник покачал головой. — Он ничуть не слабее меня. Я почувствовал от него гармоники Вьюги. Он сильный, умеет использовать свою силу на полную катушку. Наверное, даже нащупал свой предел Амадея. Могли бы быть проблемы.

— Что?

— Что "что"?

— Что за предел Амадея?

— Это особенность каждого волшебника. Рано или поздно, скорее поздно, каждый практик понимает, что больше не может проводить ещё больший импульс. Он упирается в

свой предел, который описал вертексалист Амадей. Его преодолеть невозможно, это абсолютный предел потенциала развития волшебника или ведьмы. Однако, чтобы его нащупать, нужно выложиться на полную, почувствовать дыхание смерти на своем загривке. У каждого волшебника он свой, у кого-то выше, у кого-то ниже.

— Ого, даже не знал об этом. А ты, Эд?..

— Достиг ли я? Да, я знаю свой предел Амадея. И он достаточно высок для сонитиста. Повезло.

Это немного разочаровывающая информация. Я полагал, что развитие волшебника не ограничено ничем, кроме его старания, но теперь я знаю, что существует некий предел.

А что, если мой предел совсем близко? Я ведь кот, в конце концов. Коты отличаются от людей. И как теперь это узнать?

— А что за Беррик из Нальза? Или как его там, — спросил я, чтобы отвлечься от невеселых дум.

— Нольза. Беррик, волшебник-фастигиалист, заправлял в одном княжестве, Кодонне, торговлей людей. Его команда оставляла все, так сказать, самое сладкое себе. Когда набрёл на их логово, то... Ну, сложно представить смесь портового борделя и пыточной, но там было именно это. В общем, и Беррика, и его команду, все пятнадцать человек, я немного неравномерным слоем нанес на стены и потолок, сохранив только кожу с лиц. Ненавижу работоторговцев.

— Серьёзно? Настолько жестоко?

— Я не люблю работать грязно, но в тот раз постарался на славу. Инструктор был бы мной доволен.

Воцарилось молчание, перебиваемое лишь нашими шагами и свистом ветра в трубах фабрик.

— Любой волшебник, — внезапно начал Эд. — Разочаровывается, когда узнает о существовании предела. Однако, пойми — импульс не решает всех проблем. Продолжительность импульса, степень контроля Мощи, владение знаниями, основами и правилами — вот что определяет волшебника. Старайся.

Очевидно, он заметил мою кислую рожу. Ну, да, вообще-то, я действительно был разочарован. Работать и в итоге упереться в стенку — это не то, чего я хотел.

Хотя, так-то он прав. Мало провести мощный импульс, его ещё надо умело использовать.

— Спасибо, Эд.

— Обращайся, Джас.

— О-о-о, мать моя... Обязательно обращусь. Да вот прямо сейчас. Что это за хрень?!

Я пялился на группу самых странных людей, которых я когда-либо видел.

Их было пятеро. На них были неполные латы — нагрудники, наплечники, шлемы, наручи и наголенники, всё цвета бронзы. И что-то мне подсказывает, что это и есть дорогущая бронза. На нагрудниках были изображены скрещенные молоток и два гвоздя. Под броней рыцари носили белоснежные одежды. На поясе каждого из них был молот на недлинной рукоятке. Удивительно, но молоты отнюдь не были массивными. Укол головной боли подсказал мне, что это оружие в моём мире называлось "чекан". На бедрах и наручах этих рыцарей были в специальных чехлах, похожих на патронташи, закреплены большущие, сверкающие медные гвозди.

Но самое странное было не в их одеждах, смотревшихся чужеродно на фоне усталых

работяг фабрик Кузнечки, а в них самих. Уменьшенные копии гвоздей были вбиты в их тело — я лично видел своими глазами, что самый молодой из рыцарей снял кожаную перчатку и почесал кожу около шляпки гвоздя, торчавшей из его ладони. Присмотревшись, я заметил, что крошечные гвоздики были в каждой фаланге его пальца.

Самым шокирующим зрелищем был седой рыцарь без шлема. Он стоял ко мне спиной, а когда повернулся, то я чуть не заорал. Тонкий-тонкий гвоздь шляпкой торчал из его левого глаза.

— Эдвин, моя кошачья мать, кто эти фрики?

— Фрики? — недоуменно повторил Эд.

— Вот эти безумцы с гвоздями в теле!

— А, это не фрики, кто бы это не был, а боевой разъезд медянщиков. Ну, Братства Медного гвоздя.

Я молчал, не в силах что-то сказать. Я о них немного слышал. Это какие-то важные государственные парни, которые контролируют девяносто процентов оборота меди в государстве и занимаются всякими околопризрачными делами. Теперь, правда, понятно, куда они тратят медь. Вот только внешне медянщики выглядят как самые что ни на есть плохие парни. Все могу понять, но зачем загонять в себя гвозди? Неужели не хватает перчаток призраков? А гвоздь в глазу ему зачем?

— С помощью такой модификации он может видеть бесплотных призраков, — ответил Эд.

— Я говорил вслух?

— А-ага.

— Не видел их раньше в Асмине. — заметил я.

— Их было человека три, в составе городской полиции. Но недавно, как раз в Ламагге, поймали очень высокопоставленного члена Тысячи Глаз. Его привезли в крупнейший город области, то есть сюда. Естественно, его осудили на лишение посмертия и казнь души.

— Это как?

Мы двинулись дальше, прочь из Кузнечки, все дальше и дальше от Амира и разъезда медянщиков.

— Если убить человека руками, сталью, стеклом или чем-то ещё, то из него получится призрак. Если убить человека медью или правильно изготовленной бронзой, то из него не получается призрака. Однако, у него есть шанс переродиться в нашем мире, сохранив крошечную часть личности.

— Что-о-о?!

— Убил ты медью страшного убийцу, а несколько минут спустя на другом конце королевства рождается ребенок, который в будущем будет иметь шансы стать таким же убийцей, — на пальцах объяснил Эд. — Это не стопроцентный шанс, я имею в виду рождение такого ребенка, едва ли процентов тридцать, но тем не менее, рисковать мы так не можем. Однако, и на это мы, люди, нашли средство.

— И какое же?

— Скорбное оружие. Его экземпляры находятся во владении Братства, по крайней мере, все экземпляры Драконьих королевств. Оно необходимо затем, чтобы полностью стереть душу из вселенной. В любом случае, это опасное оружие, не делающее различий. С одного пореза оно убивает что человека, что галгару, что духа, начисто стирая саму вероятность перерождения. Уверен, что Скорбное оружие сможет убить даже дракона. Около Оружия

скорбит сама реальность — духи его боятся, и потому физические законы становятся скорее физическими советами.

— Сегодня какой-то день жуткой и безрадостной информации.

— Ну, есть такое, — пожал плечами Эдвин. Любит он плечами жать... — В любом случае, Шараг Пожиратель Содда этого заслуживает. Очень опасный вермиалист, получил прозвище за то, что создал мощный Разлом в городе Содд во время Трёхдневной войны, года эдак три назад. Сейчас его поймали и с превеликой радостью казнят Скорбным оружием. По этому поводу в город съедутся медянщики и черведавы, так как Тысяча точно попробует отбить столь важного культиста.

То есть, в наш тихий город понаедут сначала культисты (то есть, они уже здесь), а потом медянщики (видимо, тоже уже здесь) и некие черведавы.

Ох и веселуха тут будет, хвостом чувствую.

Когда мы сошли с мостика и только углубились в дворы старого города, к нам подскочил какой-то человек в комбинезоне рабочего.

— Эдвин Моуз? — торопливо поинтересовался он.

— Вам что-то надо?

Вместо ответа рабочий стянул перчатку с руки правой руки. На запястье я увидел тату глаза с двумя зрачками.

— Эд, это Тыся...

Я хотел договорить, но не успел. Культист вскинул руку, и с его пальцев моментально сорвалось огромное облако чернильной тьмы с бесчисленными изумрудными искрами. Облако за мгновение распространилось во все стороны. Исчез свет, исчезли запахи, приглушились звуки. Я не мог увидеть абсолютно ничего, ни малейших очертаний Эда, который стоял в полушаге от меня, ни даже собственных лап. Я не видел ровным счётом ни хрена.

— Эд!

— Да! — послышался справа возглас, сопровождающийся резким визгом резонатора.

Поняв, где Эд, я выпустил прямо, абсолютно не целясь, струю огня. Я сделал это ради света, ради пламени — все, чтобы увидеть врага и наштиговать его искрами.

Ревущее багровое пламя Инферно не смогло разогнать эту тьму.

В это время червивый напал. Я услышал звуки схватки справа от меня. Спустя секунду кто-то сильно наступил мне на хвост. Одновременно с отвратительным хрустом я почувствовал невероятную боль. Что ещё хуже, поток Мощи Инферно резко ослабел.

В следующее мгновение ботинок червивого вонзился мне под ребра, отсылая меня в полет. На чистых инстинктах я применил гару "коготь", нанеся пять глубочайших, до кости, порезов на голеностопе врага.

Однако же, культист отправил меня в полет и тем самым спас. От мощнейшего пинка я вылетел из облака тьмы, тяжело приземлился на брусчатку дорожки и прокатился по земле, спиной и левым боком собирая каждый грёбанный камушек.

Я лежал, не в силах встать, и пялился на облако. Оно было не очень большое, едва ли выше человеческого роста, но зато занимало большую часть двора. Оттуда доносились звуки какофонии Эда и лязг металла. Никаких запахов.

Я заметил, что в дворике стало темнее, словно это было не утро, а пасмурный вечер. Облако свет, что ли, высасывает?

Внезапно из облака послышался дикий, совершенно, что называется, бабский визг, и облако так же ментально, за пару секунд, развеялось. Окровавленный Эд в изорванной одежде стоял над упавшим на колени червивым и сжимал в кулаке отрубленный хвост культиста.

Червивый набрал в грудь воздуха и снова хотел заорать, но Эд плавным движением пнул его в горло. Вместо визга червивый закашлялся.

Эд отбросил хвост и глянул на меня.

— Ты как?

Я вместо ответа отрыгнул немного крови.

— Ясно.

Он подошёл ко мне и пару раз погладил меня, зарядив свою руку гармонией. Буквально за пару секунд я почувствовал себя лучше.

— Хвост сломан?

Я глянул на свой хвост. В двух местах он был изломан под резким углом.

— Ну, видимо.

— Импульс есть?

— Нет. То есть да, но очень слабый.

— Это главное, — кивнул Эд. — Сохранилась Мощь — значит все восстановимо. Но это потом, процесс небыстрый. Сейчас ещё один допрос. Эх, — он тяжело вздохнул. — Это начинает приобретать нехорошую тенденцию. Дегранты червивые, хоть бы что новое придумали...

Волшебник подошёл к надсадно кашляющему культисту, наклонился, схватил его за горло, без труда поднял его в воздух, пронес его к ближайшей стене и с размаху впечатал в нее.

— Как узнал о нас?

— Я последний из убийц, — тонкий сиплый голос несостоявшегося убийцы в точности отражал настроение в его стеклянных глазах. Невосполнимая утрата, а с ней и утрата смысла жизни. — Я был запасным, на случай, если основная команда не справится.

— И тоже не справился.

Убийца не ответил.

— Как узнал о нас?

Вместо ответа культист бросил на меня взгляд.

— Ясно, лысый кот. Спасибо за информацию и прощай.

Кинжал заревел на очень неприятной ноте. От звука Кот был готов закопаться под брусчатку, что угодно, лишь бы его не слышать.

Эд отпустил культиста и, пока тот летел вниз, взмахнул кинжалом на уровне пояса. В итоге на землю сначала на задницу упало тело, потом сбоку от него с хлюпом упала голова, а потом тело завалилось на противоположный бок. Я заметил, что линия среза шеи была неровной. Нехарактерные повреждения для резонатора — обычно он срезает идеально ровно.

Эдвин с непроницаемым лицом подобрал перчатку мертвеца, обмакнул ее в кровь и вывел на стене символ — круг со странной извилистой загогулиной, идущей из центра за пределы круга.

— Готово, — отбросил он перчатку. — Это символ Яблока. Пусть полицейские подумают на это. Все равно яблочники так делают.

— Эд.

— Да?

— Я был бесполезен?

— В этот раз — да, — безэмоционально отозвался волшебник.

— Как... Как с ними сражаться? Я ничего не видел, ни глазами, ни носом.

— Придем домой — поговори с галгарой. Ты ведь у него учишься?

Я кивком подтвердил его предположения.

— Ну вот и спроси. Галгары умеют отслеживать температуру окружения, может, он тебя научит.

Я стиснул свои кошачьи зубы. Я больше никогда не буду так бесполезен.

— Иди сюда, — в голосе Эда была неожиданная забота. Видимо, он переключился обратно из боевого режима.

Он аккуратно приподнял меня и взял на руки, стараясь не потревожить хвост.

— Спасибо тебе...

— Да не за что. Придем домой — вылечу хвост. И, Джас, не будь к себе слишком требователен. Ты же кот.

— Я должен стать сильнее, — твердо отозвался я. — Надо, так сказать, разрулить это дерьмо. Защитить Лиру. Я только смирился с тем, что я кот, как вдруг отовсюду полезли культисты. Так что это надо прекратить.

— Хах, достойная цель, — усмехнулся Эд. — Как полностью отойдешь, я расскажу тебе об академической подготовке волшебников разных доменов, тактике и способах боя.

— Буду благодарен.

Походу, мы глубоко увязли в этих культах и прочем. Тогда, идея стать боевым прямоходящим челокотом больше не звучит бредово.

— Значит, потерпел поражение? — почесал между левыми глазами галгара.

— Да. Это связано с неспособностью видеть в облаках тьмы вермиалистов.

Я ещё раз осмотрел свой хвост. Спустя всего четыре часа я был абсолютно цел. Эдвин посоветовал мне не напрягаться в волшебном плане, так что сегодня — самый подходящий день для нового урока с Гальзой.

— Да, облака — это солидное преимущество волшебников Червивого дна, — понимающе кивая, отозвался галгара. — Что ж, думаю, я могу посмотреть, что сделать с этим. Мысль есть, но нужно ее тщательно обдумать. А сейчас я лучше выдам тебе... Хм, как сказать... Ультимативное оружие.

— Что?!

— Помнишь наш разговор про обезьян? — оскалил зубы Гальза.

Глава 17. Геау-ти-Нно

Я шел из подвала на двух лапках — одной тер гудящую голову, другой — держался за живот, еще болящий после очередного приступа рвоты.

В этот раз Гальза показал мне настоящее дерьмо. Желание посещать Инферно после него упало сразу в несколько раз. Нет, я по-прежнему хочу попасть в удивительный огненный мир, но теперь — только с Гальзой рядом. А без него — ну нахрен.

И над этим я должен взять контроль? Да ну его к донным духам, это самоубийство.

Когда я подходил к гостинной, я услышал, как Эдвин рассказывал историю о нашем утре Лире. Гиз уже слышала эту историю, так как была на кассе в это время. Волшебница даже помогла Эду оказать мне первую помощь.

— ... и насколько я понял, данный дегенерат даже не подумал, что у нескольких из них ничего не вышло, и стоит сменить план.

— Насколько я понимаю, он... — осторожно спросила ведьма.

— Мертв, — кивнул волшебник. — Я узнал всю информацию, что должен был. Вот только мне теперь крайне интересен один факт.

— И какой же?

— Когда состоится казнь Шарага. Точно знаю, что его везут к нам, в Асмин, слышал об этом, когда еще был в городском круге. Но вот дата...

— И чем же важна эта информация?

— А будет хаос, — просто ответил Эдвин. — Шарага вряд ли будут держать в тюрьме. Скорее всего его доставят прямо к плахе, где и его и казнят. Однако, все червивые культы отлично себя чувствуют в городских условиях, — я вошел в комнату, и сидящий на диване Эд мазнул по мне взглядом. — Так что стоит ждать городских боев. Умные люди вряд ли будут выходить из домов в этот день. Однако, по-настоящему безопасно будет попросту уехать из города в эти дни.

— Я могу снова выключить Маяк, и наше поместье окажется за городом.

— Да, полагаю, что этого будет достаточно, — задумчиво кивнул волшебник. — Не думаю, что вермиалисты во время такой сложной операции позарятся на бродячее поместье. В конце концов, у вас есть мисс Призрак.

— И галгара в качестве небольшого сюрприза, — прогудела решетка из-за дивана.

— И галгара в качестве сюрприза, — согласился Эд. — Однако, хочу уведомить, что я желаю посмотреть на казнь Шарага.

— Мистер Моуз, а это не будет опасно?

— Зрителей казни будет очень мало, большая часть присутствующих на площади будет являться военными, медянщиками или черведавами. Однако же, и основной удар сил Тысячи будет направлен на площадь. Нельзя исключать и Червивое Яблоко. Что замышляют эти товарищи, остаётся загадкой. Я думаю, что определенная часть их сил будет неплохой помехой для Тысячи глаз, но в то же время гибель черведавов и освобождение Шарага может оказаться им выгодно. Не знаю, — раздраженно дернул плечом Эдвин. — Действия Яблока невозможно предугадать.

— Мистер Моуз, а есть причина для вашего присутствия на казни?

— А-ага. Я участвовал в Трехдневной войне. Случайно.

— Как это, случайно поучаствовать в войне?

— Я тогда искал двоюродную сестру князя Санго, крошечного княжества из всего одного города. След девушки вел в королевство Гравв, как раз в Содд. Так что я был непосредственным свидетелем последствий открытия Разлома. Столько мелких варага я не резал с самой Битвы Девятнадцати. Девушку, к слову, по итогу нашел. Отбил у двух культистов. Возвращаться к брату она отказалась, но это уже совсем другая история. Подведя итог: тогда я глотнул проблем полной чаркой, а еще поневоле поучаствовал в боевых действиях. Как вы понимаете, к войне у меня самые нежные чувства, — Эдвин фыркнул. — А потому у меня возникли схожие ощущения и на счет Пожирателя Содда. Я уверен, что искренне улыбнусь, когда его голова слетит с плеч.

— С тобой нельзя? — спросил я у Эда, повинуюсь внезапному импульсу.

— Нет, — улыбнулся сонитист. — Не пойми меня неправильно, но на нас нападали как раз из-за такой примечательной зверушки, как ты.

— Знаешь, я бы обиделся, но так-то все так. И примечательный, и зверушка.

— Ну, я рад, что ты умный. Умнее многих людей, что я встречал.

— Пытаешься подсластить микстуру? — кисло отреагировал я.

— С одной стороны да, а с другой — ты действительно отличаешься умом и сообразительностью.

Что-то у меня опять дежавю...

— Однако, — продолжил Эдвин. — Я смастерю особый амулет. Нужно будет купить три-четыре стакана воды из Последнего океана, а бронзовая проволока у меня есть. Так что у тебя есть все шансы посмотреть на казнь. Однако, я бы спокойно мог прожить и без казни. Причина туда пойти — совсем другая.

— И какая? — поинтересовался Кот. Ух, когда-нибудь я его за эти импульсы...

— Знал, что ты спросишь. Дауд, как региональный координатор, будет на острие атаки, так что на площади я как раз смогу его поймать, допросить и казнить.

— То есть, все ради этого?

— Ну да. Мне нужен Костер и Табакерка. Это все, что у меня есть.

Дверь, ведущая в магазин, открылась и зацепила колокольчик, висящий над дверью. В помещение вошёл очередной покупатель — рядовой горожанин, ничего особенного.

Лира обслужила его — покупателю требовалось зелье для заживления порезов и слабое зелье для коррекции дальновзоркости. Оплатив покупки он, косясь на все это время молча сидевшего на диване Эда, вышел на улицу.

— Возвращаясь к теме, — продолжил Эдвин. — Тебе, Джаспер, запрещено выходить в город. Хочешь гулять — иди в сад. Прости, но ты очень заметный.

Мне было обидно. В городе было крайне интересно — много людей, чуток призраков, запахи, события и места. Но, все же, я не тупое животное, и могу понять мотивацию Эда. Да и это поможет мне в моей цели — защита Лиры. Так что...

— Понимаю. Без проблем.

— Ну, я рад. Уважаемая мисс Фольди, прошу прощения за мой низменный интерес, но обед скоро?

— Да уже почти! — крикнула из кухни Гиз. К слову, я как раз уловил запах запечённой утки.

— Ну, как раз после обеда я двину в город, узнавать слухи о прибытии Шарага.

Я лежал на подоконнике и грелся.

В последнее время из-за всех сражений и болтовни с важными шишками (пусть я в последнем и не участвую) у меня мало времени на такое уютное времяпрепровождение. С удовольствием заменил бы все приключения с культом на такие вот мирные деньки.

Нагретое летним солнцем дерево. Достаточно места для меня и кадки с ромашкой. Солнце, проходя через стекло, теряет определенную часть жара, и поэтому я не растекаюсь лужицей пота, а просто наслаждаюсь.

Лира читает книгу за прилавком. Раз в тридцать секунд я слышу шелест страниц. Быстро читает.

В помещении вкусно пахнет травами и немного спиртом.

Эх, лепота. Побольше бы таких дней.

Лёгкий диссонанс вносили тихие ругательства Гиз, доносившиеся со второго этажа. Девушка тренировалась в управлении структурой материала — заполняла окна стеклом. Пока мы с Эдом ходили на переговоры, девушки собрали в ведра все до единого осколки стекла в доме. И сейчас Гиз, пользуясь своим волшебством, приращивала стеклянные обломки друг к другу, меняя их форму. Вся проблема зеленоволосой девушки заключалась в том, что стекла получались неровные, чуток бугристые, и девушка уже полдня угробила на попытки сделать стекло ровным. Гиз — идеалистка.

Ну да ладно. Я предлагал помощь, но расплавить стекло оказалось недостаточно. Упс. Хорошо, что Гиз наплевать, из чего выплавлять новое стекло.

Сонливость наваливалась на меня все сильнее и сильнее. Побороть ее могло бы лишь какое-то происшествие на улице.

И оно произошло.

Напротив входа в наш магазинчик сел бездомный. Лет сорок, чуть выше Эда. Серые спутанные волосы, залысина, один глаз скрыт под белой повязкой, другой — молочно-белый. Одежда старая и оборванная, но без грязи. В руках трость. Перед ним лежит старая, изношенная шляпа, в ней поблескивает пара монеток.

— Лира, — я повернулся и окликнул девушку, читавшую "Наставление об Отмене".

— Да-а? — протянула она, отмечая карандашом на полях что-то интересное.

— Тут напротив нашего крыльца примостился нищий.

Лира сначала глянула на меня, медленно моргнула, отложила книгу, встала и подошла ко мне. Некоторое время она изучала слепого сквозь окно.

— Пусть сидит, — наконец заключила она. — Многим людям много хуже, чем нам. Надо будет ему сообщить о предстоящей казни. А может и пару молотов подкинуть.

— Кстати о казни. Ты волнуешься?

Лира помотала головой:

— В целом нет. Нас защищают Амелия и Гальза. Я переживаю за мистера Моуза. В конце концов, он не самый худший работник, и без него мы бы не смогли выдержать это испытание.

— Тоже за него волнуюсь. Но уверен, что он справится.

Вечерело. Свет больше так не грел, так что я перекочевал с окна на диван. Сейчас я тонул в чувстве зависти к Эду. Почему диван его так любит? Или его уже стоит звать Диван? Проклятье, я даже знаю, почему диван (или все же Диван?) его так любит, но почему?

Ещё раз звякнул колокольчик, вынуждая меня повернуть голову. Начиная с самого утра, это должен был быть восьмой посетитель. Учитывая, что до этого нас посещали четыре или

шесть человек в день, то можно считать, что у нас аншлаг.

Однако, вместо нового посетителя, пришел Эдвин. Уставший, чуток наполненный, но целый. Нос подтвердил — от Эда доносился запах вина, осса и пота, но никак не крови. Да неужели, он может не лить кровь как водицу?

Сразу же за ним вошёл ничем не примечательный парень с объемистой матерчатой сумкой за спиной. Мы втроём воззрились на него.

— Здравствуйте, — немного смутился тот от внимания. — У меня посылка для мистера Моуза.

— Это я, — поднял руку волшебник.

— Ох, как забавно получилось, — хехекнул парень, снимая сумку и вручая ее принимающему. — Если бы знал, вручил ещё на улице. В общем, это вам подарок от ваших новоприобретенных товарищей.

— О, спасибо.

Мы все дождались, пока курьер откланяется и покинет магазин. Я едва сдерживал бушующего Кота — обнюхай, ну же, обнюхай! Что-то новое! Быстрее!!!

— Мистер Моуз? — приподняла бровку Лира.

— Я договорился с одним из графов, — честно ответил сонитист. — Он снял с лавки эмбарго и прислал мне инструмент.

— А вы ему?

— Честную попытку убить Дауда.

— В который раз удивляюсь вам, мистер Моуз. Вы так спокойно об этом говорите...

— Моя первая война — Летняя. Мне было шестнадцать. Сейчас мне двадцать восемь. С войной в голове и сердце непросто жить, мисс, и если она хоть раз побывала в вашей жизни, так просто она не уйдет. Извините за откровение, но на войне учили не сомневаться. Если не ты — то тебя. Красные Княжества после Битвы Девятнадцати представляли собой ту же войну ещё долгие четыре года, так что привык, и привык сильно. Я не трогаю невинных, всегда разбираюсь в проблеме. Но если передо мной ублюдок и негодяй — колебаться я не буду.

— Понимаю, мистер Моуз. Спасибо за откровенность. Позвольте же узнать...

— Да мне самому интересно... О, Джаспер!

Ага. Я уже обнюхал все, что только можно. Сумка была в том самом заброшенном цехе — консервы, пиво и немного крови. Внутри сумки лежало что-то деревянное, покрытое лаком и с, судя по всему, конскими волосами. Инструмент сонитиста. Там были ещё какие-то оттенки запахов, но донюхать мне не дали.

Эдвин автоматическим жестом, не задумываясь, отогнал меня, распустил горловину сумки и достал инструмент.

Привычный уже укол головной боли сначала оставил недоумение, а потом лёгкое воспоминание. Нечто среднее между гитарой и банджо, с длинным двурогим грифом.

Гладкие обводы из нежно-коричневого, лакированного дерева. Каплевидный корпус, острие капли смотрело от грифа. Сам гриф состоял из двух толстых металлических столбиков, квадратных в сечении. Струны, идущие от корпуса, были закреплены только на одном из столбиков, сходясь к одной точке — сильное отличие от виденных мною прежде инструментов.

Эдвин неглубоко вздохнул. Я не успел понять, это был звук удовлетворения или недовольства — это могло быть как одно, так и другое.

— Неплохо. А говорил, не найдет, — Эд нежно погладил гриф, и тот отозвался, будто исполинская кошка, нежнейшим звуком. У меня зачесался подбородок, Лира странно икнула, а диван... Плюшевый засранец заревновал — стал твёрже. Проклятье, тут сижу я, а не Эд! Нечестно!

Эд же слушал мурлыканье инструмента.

— Мы подружимся, — удовлетворённо выдохнул он, — Геау-ти-Нно.

— Что? — переспросил я.

— Геау-ти-Нно, — повторил Эд. Гитара замурчала громче. — Имя музыки.

Он взял инструмент поудобнее, зажал конец корпуса под мышкой. Его пальцы бегло пробежали по струнам, и сама ткань реальности вдруг словно вздохнула, всколыхнулась. Это был не звук, а то, что следует после него — как если бы у звука была следующая ступень эволюции.

На один аккорд все стекла в доме отозвались как одно — мы с Лирой слышали многоголосый, в разных тонах, хрустальный звон, доносящийся от обычного стекла. Стекла в окнах и витринах, стекла, обнимающего зелья, стекол в часах... Мы услышали испуганный вскрик Гиз, когда волна звука дошла и до ее этажа.

Эд хихикнул, как мальчишка. Волосы волшебника встопорщились и мелко задрожали от проводимой им Мощи. Сонитист ударил по струнам ровно три раза.

Первый удар всколыхнул атмосферу. В воздухе комнаты начали дрожать вращающиеся линзы. Из-за этого свет от желтоватых электрических ламп сменился на беготню целой стайки солнечных зайчиков. Кот заорал, что нам срочно надо это поймать. Но на то он и Кот, чтобы орать, и на то я — это я, чтобы его сдерживать.

Второй удар был обычной музыкой, обычным звуком, но при этом он доносился откуда угодно, но не от Эдвина — из углов комнаты, из кухни, из-за решетки, с второго этажа. Сам Эдвин словно безмолвно застыл, перед тем как нанести третий удар.

С ним древесина пола, штукатурка и обои на стенах пошли объемными волнами. Это выглядело настолько нереально, что меня затошнило. Ни дерево, ни обои не потрескались или как-либо повредились, но тем не менее — они колебались, высота волн достигала порядка полуметра. В таком виде подойти к Эду было невозможно.

Волшебник больше не касался струн. Сначала медленно истаяли воздушные линзы, потом пол со стенами заняли привычное, статичное положение. Последним утих серебристый звон стекла.

Лицо Эда было покрыто капельками пота. Волосы были всклокочены и лежали в беспорядке. По лицу блуждала странная улыбка, в ней было как удовлетворение, так и странная неуверенность.

Волшебник с нежностью отложил инструмент, оправил волосы, вытер пот и выдохнул:

— Ну и ну, давно так не выкладывался. Инструмент в руках словно птичку согнал.

— Птичку? — недоуменно переспросил я.

— Мистер Моуз имеет в виду, что он кратковременно потерял над собой контроль, — пояснила почему-то раскрасневшаяся Лира.

— Но вот не уверен... Геау-ти-Нно — третья нота, и она не то чтобы подходит к моему роду деятельности. Для любопытных котов — в Шуме существует девять нот. Первая отражает хаотический вихрь созидания, а восьмая — ледяную статику завершенности и упорядоченности. Все остальные идут от первого к последнему. Я привык работать с седьмыми и пятыми нотами.

— А девятая?

— С ними запрещено работать. Считай это Запретным искусством от мира Шума. Девятая нота разрушает упорядоченное и останавливает созидание. Чтобы что-то создать, нужно что-то сломать — слышал такое?

— Да.

— Девятая нота — оживший принцип энтропии. Это какофония.

С лестницы послышались шаги, и в магазин зашла Гиз. В руках она держала ведро со стеклянными осколками.

— Мистер Моуз, это было твоих рук дело?

— Ну да, — не видел смысла отпираться Эд.

— Требую устроить концерт, — заявила Гиз с лихорадочным блеском в глазах.

— Да без проблем, — хохотнул волшебник. — Закончим только со всеми культурами, и я устрою великолепный концерт. К слову, милые дамы и один взбалмошный кот, казнь состоится послезавтра в полдень, так что с утра надо свернуть Маяк.

Весь следующий день я тоже провел очень интересно. Я лежал, потом полеживал. Немного полистал книгу про Инферно. После обеда я валялся, потом я лежбанировал, ну а после ужина старательно производил лежание.

Побольше бы таких дней.

Однако, была и суета. По городу ходили констебли и военные — в боевых мундирах и при оружии. Они предупреждали население о вероятных волнениях завтра в городе. Просили всех воздержаться от присутствия на казни, если только гражданин не имеет Черного сертификата. Только в наш магазин заходило трое констеблей, так что, очевидно, звуки наведенного шороха будут слышны в предместьях.

После ужина все разошлись спать. Все, кроме Лиры — девушка пошла готовить новую партию зелий.

Я же, подчиняясь импульсам Кота, которые старательно гасил весь день, пошел в гостиную.

Размышляя о том, почему я в последнее время сильно подчиняюсь ему, и не скажется ли это на моей жизни, я не заметил, как подошёл к матерчатой сумке, в которой лежал инструмент Эда.

Я с трудом подраспустил горловину сумки и начал обнюхивать инструмент. Влияние Кота? А вот и фигушки. Уже лично мне было интересно.

Так, на грифе остался запах Эдвина. Все ещё древесина, лак, конские волосы, металл. Та-ак, можно принюхаться... хм, цветы? Розы, вроде. И немного тюльпаны. Интересно, почему инструмент пахнет цветами? Проклятье, как много оттенков!

Это все равно что перед обычным человеком поставить мешок с мелкими предметами — кубиками, перочинными ножичками, бутылочками, безделушками и прочим. И вот человек сидит и перебирает, желая узнать, что там лежит.

Влезаю глубже в мешок. Основная масса оттенков шла от отверстия в корпусе. Вдыхаю.

Корица? Собачья шерсть? Снег? Да сколько их тут?! Где побывала эта гитарка?

Надо залезть ещё глубже. Целиком забираюсь в мешок.

Тихий запах древесной стружки. Смола хвойного растения. Чуток гнилых яблок. Чей-то страх. Рулет с медом. Совиные перья, вроде...

Я вдыхал и перебирал ароматы, пока не уснул.

Я проснулся утром от того, что кто-то дёрнул мешок. Мое узилище взмыло в воздух, мотнулось и с размаху ткнулось в что-то твердое. Не менее твердые части гитары надавили на мои легкие, так что я даже не мог мяукнуть.

— Мисс Фольди, я пойду. После меня сверните Маяк. Вернусь к вечеру, надеюсь, с победой.

— Желаю удачи, мистер Моуз.

Пока я восстанавливал дыхание, Эд с мешком за плечами закрыл за собой дверь. С испугом я услышал звяк колокольчика.

Проклятье. Проклятье. Проклятье. Как бы Эду намекнуть, что я в мешке? Да неужели он не чувствует мой вес? Любопытно, что он со мной сделает? Как сильно будет волноваться Лира? И что уже она сделает со мной?

Вспомнив о лягушках, я похолодел.

Если Лира узнает, что я пробрался на казнь, то казнят уже меня. Одними лягушками я тут не отделаюсь.

Тем временем Кот выл, что мне надо хотя бы слушать окружающую среду. И, к слову, это было не лишним — город замер.

Я не слышал ничего, кроме пения птиц и шагов волшебника. Ни других шагов, ни разговоров прохожих, ни шелеста призраков (которые сами по себе были редкими прохожими), ни проезжающих всадников.

Так ещё мало того, что я ничего не видел, я даже не мог почувствовать запахов сквозь проклятуший вонючий мешок. Но уверен, что ничего бы толком не почувствовал.

Тем временем Эд все шагал по городу.

Я решил начать извиваться и пинаться, лишь бы Эд заметил. И волшебник не заставил себя ждать.

Сначала я услышал витиеватое ругательство. Потом мешок снова мотнуло. Моя бочина повстречалась с брусчаткой улицы, воздух снова ушел из лёгких.

И, наконец, я увидел рассеянный свет. Было облачно. Потом, буквально через мгновение, свет заслонил Эдвин. От него пахло испугом и злостью.

— Что? Джаспер?! — изумился он.

— Э-э-э... Хе-хе?

— Донные духи, я думал, ты умный.

— Ты говоришь это коту, Эд.

Я, вертясь как червяк, вылез из мешка и смачно потянулся.

— Ну ладно, поинтересуюсь нормально. Какого ползуна ты забыл в мешке с Геау-ти?

— Ну, она сильно пахнет. Разными вещами. Я не мог не обнюхать.

— М-да, — покачал головой сонитист. — Ты действительно кот.

— А то ты сомневался? — я встал на задние лапки и картинно подбоченился. Эд фыркнул.

— Ну, ты лысый. Спутать тебя с человеком просто. Ну подумаешь, низенький и уродливый...

— Эдвин, я тебя сейчас поцарапаю!

— Хе-хе, ладно тебе. Раз уж выбрался из дома, забирайся в мешок. Будешь огневой поддержкой, зажигалка. Повеселишься напоследок.

— Напоследок?

— Ну, с утра Лиры тебя искала. Думаю, что вечером, как все образуется, ты будешь вспоминать тех лягушек с романтичным вздохом.

Я глубоко вздохнул.

— Эд, мне ещё не поздно вернуться?

— Поздно, кот. Я разогревался и применял Шаги по волнам, так что мы уже почти у площади.

— Чего?!

До площади было идти порядка двадцати минут. Эдвин долетел до нее менее чем за пять.

— Говорю, лезь в мешок. Будешь искорками поливать червивых.

— Ты уверен?

— А что тебе остаётся? — хохотнул Эд. — Я немного могу общаться с Геау-ти. Ты ей понравился.

— Инструменту?

— Думай о ней, как о живом существе. У Геау-ти нет тела, но есть душа, а значит и эмоции, привычки, привязанности и все в таком духе. Повторюсь, ты ей понравился, и она будет тебя защищать.

— А от Леры поможет? — кисло спросил я, забираясь в мешок.

— Не, — легко ответил Эд, немного затягивая горловину. Моя голова и грудь торчали из мешка — лапками я стоял на корпусе Геау-ти.

Эдвин закинул мешок на плечи и немного напрягся. Я прямо телом почувствовал, как мелко задрожали его кости.

Брусчатка под его ногами вдруг неестественно вытянулась. Миг — и мы стояли на высоком округлом столбе, высотой метра в три. Ещё мгновение, и в десяти метрах впереди вырос такой же столб. Наш столб наклонился вперёд, а столб впереди, назад. Когда они почти соприкоснулись, Эд просто перешагнул с одного на другой. За секунду, сделав шаг, он преодолел десяток метров, а вдали вытягивались два новых столба.

Волшебник зашагал вперёд, к площади, где уже была сооружена плаха.

Глава 18. Казнь. Часть первая

Конечно же, до площади мы не могли подойти спокойно.

Эдвин заметил сидящего на крыше двухэтажного дома человека в сером плаще. Интересно, у Тысячи такая униформа?

Сложность была в том, что этот человек тоже заметил Эдвина. Он встал на ноги, и я увидел, что из рукавов его плаща вытягиваются длинные черные когти.

— Хо, а этот поопытнее... — заинтересованно протянул Эд.

Ни капли не сомневаясь, волшебник вытянул столб растянутой брусчатки повыше и шагнул на крышу. Черепица под ботинками Эда издала жалобный глиняный звяк.

— Ты самоубийца, что ли? — недоуменно протянул культист, рассматривая Эда.

Я же пялился на самого культиста. Обычный человек — голубые глаза, темные волосы, нос с небольшой горбинкой. Однако же, стоящий передо мной человек обладал силой домена Червивого дна, и явно использовал эту силу во зло.

— Нет. Слушай, я задам тебе пару вопросов, а потом уйду. Договорились?

— Ха.

Червивый оттолкнулся от черепицы и ринулся на Эда, раскинув в стороны руки с длинными, в локоть, черными когтями. Кромка блестела изумрудными искрами.

Эд стоял, не шевелясь. Когда культист подошёл на расстояние руки, сонитист неестественно быстрым движением выдернул клинок прямо сквозь ножны.

Культист ловко отшатнулся, прерывая свой рывок и теряя возможность ударить. Однако же, Эдвин применил какие-то волшебные уловки: плащ культиста украсился длинным разрезом наискось.

Червивый отскочил ещё на шаг, и начал двигаться по дуге вокруг Эда.

— И чего смотрим? — под оптимистичной интонацией Эда снова пряталась смертельно опасная сталь.

— Думаю, как тебе брюхо вспороть.

— Уважаемый, мне всего нужен один ответ...

Червивый вскинул руку, и в сторону Эда вылетело три белых росчерка. Изгибая кости, Эд тремя взмахами располовинил каждый из них.

Я кинул быстрый взгляд на упавшие на черепицу остатки этих росчерков. Длинные (около руки) белесые черви извивались в предсмертных корчах.

Чего?! Он кинул в него червей? То есть, прямо реально червей?

Я очнулся — вообще-то идёт битва. Я раскрыл пасть и выпустил во врага штук пять искр. Почти все снаряды моментально изрешетили левую ногу культиста, ну и ещё повышибали немного черепицы. Червивый заорал.

— Спасибо. Своевременно, — кивнул мне волшебник.

Эд подошёл к культисту, пинком опрокинул его на спину и ещё одним перевернул. Наклонившись, схватил его за хвост и прижал лезвие гудящего кинжала к середине хвоста. Червивый в ужасе замер и даже заткнулся. Его когти развеялись — под ними были обычные человеческие руки.

— Давай забудем все произошедшее и попробуем снова? — вежливо предложил сонитист.

— Д-давай.

— Пара вопросов, и я ухожу. Договорились?

— Я выживу?

— Ну да, — кивнул Эд.

— Д-давай свои вопросы.

— Знаешь, где Дауд?

— Готовит налет. По площади ударов не будет — слишком много черведавов. Попробуют отбить на пути. Он где-то от северных ворот до улицы Белого Императора. Может, в здании, может, на крыше.

— Медь, а не пленный, — мрачно ухмыльнулся Эд. — Сколько у Дауда людей?

— Человек сорок. Большая часть, человек двадцать пять, это наемники-горелоземельцы, с винтовками в основном. Шестеро волшебников, включая меня. Один зажигалка и один глубинщик, все остальные червивые. Все оставшиеся — рядовые, не рискующие применять волшебство. Могут что-то учудить, но не слишком сильно. Было больше, но ещё десять человек и чудесник не явились.

— Распределение?

— Наемники перекроют проход, а Тысяча глаз нападет сверху. Мы обязаны отбить Шарага.

— Ну да, ну да. Не видел у Дауда ящика деревянного и инструмента?

— Что?

Эд сделал тонкий надрез на хвосте. Потекла кровь.

— Ящик. Деревянный. С ручками. Металлический инструмент сонитиста. С острыми гранями, мать их. Говори!

— Не помню такого! Честно! Я не приближенный Дауда!

— Хорошо. Спасибо. Я ухожу.

Эд шевельнул рукой с кинжалом, и отрезанный хвост упал на черепицу. Вермиалист взвыл. Эд же отвернулся от него, подошёл к краю крыши и перепрыгнул на соседнюю.

— Будь ты проклят, ублюдок! Чтоб тебя скальники обглодали! Ублюдок! УБЛЮДОК!!! ЧТОБ ТЕБЯ! — орал червивый, в исступлении колотясь лбом об хрустящую и крошащуюся черепицу.

Эдвин даже не обернулся.

— Ты действуешь довольно... Жёстко, Эд.

— Он вообще-то пытался меня убить.

— Но рубить хвосты?

— Тц. А что предлагаешь? Оглушить? Так он проснется и побежит освобождать Пожирателя Содда. А мне очень, очень не хочется его свободы. Лучше сейчас почти бескровно лишить врага частицы силы. В конце концов, донные духи его заберут, он даже остался жив. Хотя я хотел его убить.

Я замолчал. Ну, Эдвин прав — в итоге червивый остался жив. Но мне все же было несколько противно от такого ледяного отношения сонитиста.

В нем удивительным образом жили два человека — весёлый и позитивный Эд, и бывший военный, свирепый боевой волшебник Эдвин. Они вели себя по-разному, говорили по-разному, и даже манеры у них двоих были разные. Ещё немного, и я бы мог подумать, что у Эда раздвоение личности.

Мы молча скакали по крышам. Ну, то есть, скакал Эдвин, а я трясся в заплечном мешке,

скользя по гладкому корпусу Геау-ти. Мы двинулись не к площади, а к северным воротам города, к старой крепостной стене.

С помощью своих Шагов по волнам волшебник спустился с крыши очередного двухэтажного домика на землю.

— Отсюда пойдем пешком. Наемников бить куда проще, чем вермиалистов. Тысячу оставлю специалистам, кроме Дауда. Моя главная цель — он. Сразу говорю, кот — жалеть бедных наемников не буду. Червивые не выбирали, кем рождаться, а вот наемники согласились работать с Тысячей глаз.

— Я... постараюсь тебе помочь.

Брови Эда едва-едва поднялись вверх.

— Я сделаю всё, чтобы мы с тобой вернулись в поместье в целости, — твердо произнес я.

Было ли мне страшно? А то! Но если выбирать между Эдом и каким-то наемником, то я выберу Эда. Глупый вопрос.

Волшебник присел на корточки и потрепал меня по голове.

— Вдвоем справимся, дружище? — в глазах Моуза промелькнула веселая искра Эда.

— Хе, спрашиваешь, — ухмыльнулся я.

Волшебник встал и два раза цокнул языком.

— Ну тогда пойдем. Буквально в полусотне шагов отсюда находятся четверо наемников. Ну, или ещё кого-то в доспехах.

Мандраж накинута на меня с новой силой. Проклятье, Джаспер, осознай уже, что ты сейчас ввязываешься в настоящий городской бой! Ты только переродился, ещё не успел получить сверхсильные способности для становления королем волшебников! Да тебе повезло, что ты вообще волшебник! Куда ты лезешь?!

"А в бой я лезу, уважаемый Кот. Не мешайся мне, трусливый комок инстинктов".

Я подавил нервную дрожь и двинулся за смело шагающим волшебником.

Мы завернули за угол, попав... во дворик. Ненавижу дворики. Сколько раз на нас нападали в двориках!

И, ну конечно же, около беседки в самом центре дворика сидели четверо человек самого бандитского внешнего вида. В нашем чистеньком эдаком начале двадцатого века они, внешне вылезшие из средневековья, сильно выделялись — длинные кафтаны с серебристыми пуговицами, поверх них нагрудники, на петлях на поясе висят топоры, и лишь винтовки в руках доказывают, что эти люди не попали сюда из-за временного парадокса. Тканевые маски скрывали лица.

Как и было обещано, Эдвин не церемонился. Он, размеренно шагая в сторону наемников, положил резонатор на сгиб локтя лезвием вверх и выставил лезвие в сторону сборища. Два взвизга, и половина отряда завалилась назад, пытаясь рукой сдержать кровь, льющуюся из разрезов на горлах.

— Отвечаете на мои вопросы — умрёте быстро, — с таким голосом Эду бы больше подошел домен Вьюги.

— А не пойти бы тебе, — рявкнул один, а другой поднял винтовку.

Три выстрела. Три взмаха кинжалом. Три свиста пуль, удаляющихся в небо.

— Тц-тц-тц. Бронзы не жалко? — ледяным тоном поинтересовался волшебник. — Кот, дай свой любимый приём.

Открыв пасть, я выдал небольшую очередь искр по ногам наемников. Получилось удачно — оба бойца, гнусно ругаясь, завалились на землю.

Эдвин подскочил к противникам и быстрыми движениями разрезал винтовки. Оружие превратилось в бесполезные куски металла, прикрученные к дереву. Волшебник прижал пищащее лезвие к шее одного из наемников, я же демонстративно открыл пасть, глядя на второго. Он понял.

— Где Дауд?

— Кто?

— Ваш наниматель.

— Он на соседней улице, готовится к налёту на конвой.

Взмах, и голова наемника откатилась в сторону.

— Другой будет поумнее?

В глазах мужчины сиял ужас.

— Они тихо захватили башню над северными воротами. Сидят и ждут. Мы должны были задержать подкрепление...

Резонатор Эдвина не дал ему договорить. Волшебник изменил тембр звучания кинжала, и вся кровь на нем слетела алым туманом. После этого кинжал снова спрятался в ножны.

— Идём ближе к башне, — скомандовал Эд.

Когда-то давно, когда этот мир пребывал в своих средних веках, каждый город окружался стеной. Существовали отдельные круги арбористов, занимавшихся тем, что возводили и ремонтировали стены. Прогресс не стоял на месте, как и течение времени в целом, и города разрастались за пределы надежных стен. Ну а с наступлением Нового времени артиллерия доказала, что стены весьма переоценены, в отличие от окопов. Ныне старые крепостные стены служили больше ориентирами, полицейскими управлениями и, редко, святилищами духов.

Северные ворота были расположены в такой вот башне. Насколько я знал, северная башня представляла из себя как раз этот редкий случай. Там находилось капище, куда каждый человек мог прийти и возблагодарить вездесущих духов за те или иные щедроты. И, опять же, насколько мне было известно, сейчас там засела группа вермиалистов, только и ждущих, как бы напасть на конвой с заключенным.

Проблема была в том, как туда попасть.

Мы с Эдвином подбежали к улице, ведущей как раз от площади к башне. Нам предстало уникальное зрелище — у подножия башни, располагавшейся в сотне метров от нас, стояла толпа разномастных военных: среди зеленых мундиров солдат и синих — констеблей выделялись бронзовые доспехи поверх белоснежных одежд. То тут, то там торчали разноцветные треуголки. Внезапно в толпе мелькнула уже где-то виденная мною нелепая ярко-красная шапка, похожая на сильно потолстевшую кепку.

Так-так. Башню окружают солдаты, а нам как раз нужно туда. Но нужно ли? Сколько там червивых? Справимся ли мы с Эдом, учитывая, что там элита региона во главе с координатором?

Вопрос решил сам собой. Ворота в башне открылись, и оттуда довольно быстро выкатилась здоровенная металлическая карета, заправленная шестеркой лошадей. С этого момента все понеслось кувырком.

Из подворотен и окон домов начали раздаваться хлопки выстрелов; в толпе упало

несколько людей. Быстро отреагировав, вся толпа тут же ошетибилась выстрелами, струями огня, воды, потоками какого-то искаженного воздуха. Один проворный арборист с помощью Мощи достал из брусчатки камни и начал швырять во врагов.

Из этих же самых подворотен полезли люди в кирпично-красных кафтанах под нагрудниками. Отбросив винтовки, они выхватили топоры и бежали прямо на строй солдат. Несколько наемников умудрялись каким-то образом защищать от пуль своих соратников.

Поняв, что дальний бой неэффективен, передние ряды солдат вступили в схватку. Задние ряды же разошлись, давая место карете. Силы красных кафтанов таяли на глазах.

Тут с оглушительным грохотом волна угольно-черной густой жидкости выломала заднюю стену башни и начала таять, растекаясь в воздухе уже знакомой мне искристой тьмой. Камни, раньше бывшие башней, тяжело приземлялись, крушили брусчатку. Один крупный осколок убил переднюю из шести лошадей. Остальные животные, распространяя вокруг себя слышимый даже сюда запах ужаса, остановились и беспрестанно ржали.

Из тьмы бывшего святилища вылетели семеро фигур. Удивительно, но они не были в серых плащах — на них были удобные облегающие костюмы из какой-то угольно-черной ткани. Культисты приземлились в толпу солдат, и оттуда сразу же взметнулись настоящие фонтаны крови.

Я неожиданно заметил, что Эд был от меня уже в тридцати метрах. Для кота, знаете ли, солиднейшее расстояние.

— Эдвин! — заорал я, припуская вслед за волшебником, на бегу извлекающем Геау-ти-Нно.

— Не отставай, — прокричал он мне в ответ. — Целься по Обагреным! Оставь культистов мне!

Мы на удивление быстро долетели до толпы. Пахло горелых порохом, кровью, внутренностями, огнем, паром... воняло войной.

На Эда сходу кинулся один из, как он их назвал, Обагреным. Здоровяк, чью бороду не могла скрыть даже маска, занес над волшебником топор. Эд едва тронул пальцами струны, как тот пошатнулся и отступил на шаг из-за какого-то давления. Волшебник выдал три ноты, и топорище в руках Обагреного разлетелось в щепки, которые охотно расцарапали его лицо. Непроизвольно наемник зарычал, но его рык оборвался — Эд подобрался достаточно близко. Голова и правое плечо наемника упало отдельно от туловища. Не успев затормозить, я влетел прямо в кровавую лужу. Чап-чап-чап.

Захотелось проблеваться.

В мою сторону побежал очередной наемник. Завидев меня, он скривился и занес ногу для пинка.

Да что с вами всеми, засранцы, не так?!

Волной жара куда сильнее, что был для того «м-м-м»-бандита, я усадил его на задницу. Нагрудник раскалился, кафтан тлел во многих местах, сгорели волосы на лбу и висках, о бровях молчу. Сзади подскочил какой-то военный в белой треуголке. Он положил руку наемнику на голову, и глаза того остекленели. Мгновение — его кожа и остатки волос побелели. Еще миг — и длинная бескровная трещина пошла по его телу. Я ощутил холод, идущий от трупа. Очевидно, наемника прикончил никсиалист. Меня военный не заметил.

В толпе внезапно вспухли три темных облака. Оттуда незамедлительно раздались крики, полные боли. В этот момент я заметил, что потерял Эдвина.

«Проклятье четырежды! Где этот музыкант?» — я в панике озирался по сторонам. Со

своего ракурса я видел только мельтешащие ноги и падающих людей с искаженными лицами.

— Па-а-ашла! — услышал я громкий крик. Это солдаты освободили от упряжи убитую лошадь, и карета медленно тронулась.

Я подумав, применил "коготь". Подбежал к фонарю и без труда залез на него, вонзая когти в металл как в кору обычного дерева. Вскрабкался на вершину.

Сверху открывался вид получше. Было прекрасно видно, как подходят солдатские подкрепления. В толпе раздался чей-то панический крик:

— Кто сдерживает подкреплё...

Раздалась канонада ружейных выстрелов, и крик оборвался. Вместе с паникером попадало несколько красных кафтанов.

— Освободить проход! — зычно крикнул какой-то офицер. Подчиняясь ему, солдаты образовали коридор, оттесняя в стороны поредевшие ряды Обагрённых. Это помогло — карета поехала дальше.

За ней из облака вылетел один из культистов — в своем черном изорванной комбинезоне, с тканевой маской на лице. Из рукавов торчали полуметровые когти. Вермиалист совершил умопомрачительный прыжок на крышу кареты. Та от его приземления вильнула в сторону.

Из кареты прямо на ходу выбрался человек в алом мундире. Он тоже был в маске, но его маска железная, закрывала только нос и рот. Человек без какого-либо труда тоже начал забираться на крышу.

Культист присел на одно колено и уже замахнулся когтями, как в него врезались мои искры. Пять кусочков металла прошили насквозь его руку и живот, чуток зацепив грудь. Культист зашипел.

Мои искры позволили человеку забраться на крышу. Едва встав, военный окатил завизжавшего культиста струей багрового огня. О, это же ещё один инферналист. Впервые их вижу.

В итоге на крыше остался только солдат в маске и испепеленный труп, который был небрежно столкнут ногой. Не взглянув на побоище, солдат мягким движением запрыгнул обратно в карету. Та набирала ход, направляясь к площади.

Интересно, кто это был?

Тут от ворот донесся нечеловеческий рев. Повернувшись, я наконец увидел Эдвина.

Рубашка и брюки в крови. Волосы шевелятся, будто он под водой. Пальцы танцуют по струнам Геау-ти-Нно, а красные кафтаны рядом с ним разлетаются в стороны, украшаясь глубокими порезами, теряя руки, ноги и глаза. Сонитист прорубал себе дорогу к воротам башни, туда, где висели три темных облака.

Одно из облаков начало таять. Вермиалист, поставивший его, отскочил к самым воротам. Он поднял руку, и я увидел, как его рука преобразуется в напоенный изумрудным блеском клинок. Эдвин тоже заметил это, и тут же замер. Его пальцы остановили свой лихорадочный бег.

Вермиалист развернулся на сто восемьдесят градусов, замахнулся и всадил руку-клинок в... Я проморгался, но это не помогло.

Культист вонзил лезвие в само пространство. На середине его клинок резко обрывался, но этот конец был окружен черным зияющим ореолом. Это был провал в самой реальности. Быстро-быстро провал начали окружать странные толстые нити. Они меняли тысячи цветов

ежесекундно, и от них распространялся такой сильный запах, что я за пятьдесят метров чувствовал его. Как и цвет, запах ежесекундно менялся — запах рыбы на аромат цветов, те на кровь, та на клубнику, потом гарь, мокрый песок, морозный воздух, музыка (Что? Музыка может пахнуть?!), хитин, другие цветы, кости, дождь в море, вулканический пепел, свет (Что-о?)... Миллионы ароматов из разных миров. Меня затошнило от настолько иррационального зрелища.

Все помутилось. Придя в себя, я очутился уже в десяти-двадцати метрах от фонарного столба, а Кот орал так, как не орал никогда в жизни. У Джаспера никак не получалось перехватить контроль над конечностями — паника Кота заставляла наше тело нестись с такой скоростью, что брусчатка сливалась в одно непрерывное марево.

Удивительно, но вдруг я отметил, что меня начали обгонять солдаты. Вы когда-нибудь пытались обогнать несущегося во весь опор кота? А вот у них получилось.

Внезапно что-то подхватило меня за шкуру, и мои лапы потеряли опору. Миг — и я оказался на руках Эдвина. Сонитист бежал неестественно длинными скачками. Я уже привык, что кости волшебника постоянно дрожат от проводимого звука.

— Эд, а куда мы все бежим?

— Подальше от башни! На площадь! Дауд открыл Разлом на Дно!

Глава 19. Казнь. Часть вторая

Все армейцы спешно отступали от северной башни. Сзади доносился стон рвущегося пространства. Мы преодолели уже гораздо больше сотни метров, но вихрь постоянно меняющихся запахов до сих пор преследовал меня. Было немного страшно за мое обоняние — а вдруг это навсегда?

Я прижался плотнее к Эду и обернулся. Разлом уже был выше человеческого роста — угольно-черная дыра в ткани мироздания — и продолжал расширяться. Мне уже не казалось — разлом и впрямь поглощал солнечный свет, около него царил сумрак. Достигнув определенного предела, разлом спазматически содрогнулся. Дауд, ничем не выделявшийся среди прочих культистов, отошел в сторону, пропуская из разлома первую тварь.

Варага был похож на жуткую помесь мокрицы, таракана и человека. Морда была от насекомого — жуткие челюсти и два бездушных черных глаза, отличали его лишь два расположенных по бокам от пасти пучка не то усиков, не то щетинок. Тварь была выше человека на полголова, но гораздо худее. Серовато-красный суставчатый панцирь не был прикрыт броней. Конечностей не меньше восьми, расположены асимметрично, идет на нижних трех. Никакого оружия нет.

Варага не издавал никаких звуков. Он выбрался из Разлома, потрянул головой, пошевелил щетинками. Все оставшиеся наемники из тех, что потупее (что поумнее — давно бросились наутек) тоже начали понимать свое положение и медленно пятиться прочь от разлома. Варага обернулся в сторону каждого из четверых уцелевших в бойне культистов, пошевелил щетинками и так же безмолвно бросился на ближайшего наемника. Его крик, полный боли, мгновенно донесся до нас.

Я же с ужасом смотрел на то, как из Разлома выбирается еще один панцирь. И еще, и еще, и еще...

На моих глазах начиналась катастрофа. Чтобы спасти Пожирателя Содда, родился Пожиратель Асмина.

— Эдвин, что все будут делать? — крикнул я другу.

— Военные уже дали сообщение по радиации. Основные силы сконцентрированы вокруг площади, но большая часть черведавов уже спешит сюда.

— Э-э-эд!!! — в панике заорал я.

— Что там? Твою мать!!! — так же заорал Эдвин, прибавляя ходу.

Больше десятка варага не нашлось жертв среди наемников, и они бросились вслед за нами. И надо заметить, что они были куда быстрее человека.

Несколько из бегущих с нами военных остановились и перезарядили ружья, еще один снял с руки перчатку и явно приготовился колдовать. Я замороженно смотрел на то, как варага столкнулись с неровным строем солдат.

Еще до подхода варага солдаты разрядили во врагов ружья. По улице разнеслись оглушительно громкие выстрелы, и трое вараг упали, пятная камни мостовой своей кровью, оказавшейся противного белесого цвета. Отбросив ставшие бесполезными ружья, солдаты вытащили сабли.

Волшебник в белой треуголке вскинул руку, и по улице пронесся резкий звук удара хлыста, вот только он был громче, чем предыдущая ружейная канонада. Присмотревшись, я увидел, что волшебник одним действием располовинил аж трех вараг, и их остатки сейчас

корчились на земле.

С лязгом хитина о сталь первые варага врезались в строй солдат. Звук хлыста повторился еще три раза, после чего затих. Однако я успел рассмотреть яркую вспышку среди зеленых мундиров и красноватых панцирей, после чего в руках волшебника мелькнул полностью прозрачный, будто стеклянный, клинок. Я успел заметить, как волшебник Вьюги замахивается, после чего обзор заслонил панцирь очередного варага.

— Эд, и куда мы сейчас?

— Сейчас бежим к площади! Я в строю никогда не бился!

— Чего?! Ты ж в стольких войнах...

— Сейчас не эпоха Первых королей, так что от строя мало что зависит! — на бегу объяснил волшебник. — Я одиночка, ну на крайний случай работаю в малых группах. Сейчас надо держаться ближе к площади. Там есть хотя бы шанс поймать проклятущего Дауда! Прикрой меня хотя бы в случае чего!

Я часто-часто закивал.

Бегство войск продолжалось, но наши перспективы таяли на глазах. Отродья Дна удивительно быстро покончили с остатками этих наемников, а затем и с горсткой храбрецов-асминцев. Прямо за нами, отставая буквально на полсотни метров, мчались уже более двух десятков уродливых, неестественно молчаливых тварей, и все новые и новые вылезали из раны в реальности.

Внезапно надо мной промелькнула чья-то тень. От неожиданности я дернулся и чуть не выпал. Тень приземлилась позади бегущих, сразу за нами. Это был мой «старый» знакомый — человек в костюме и в металлической полумаске. Не тратя время на пафосные позы, он просто выбросил вперед левую руку.

Камни мостовой от нас до башни моментально побелели от жара, между ними начала сочиться расплавленная порода. Клубок противоестественных ароматов перебил запах паленой плоти. Впервые с момента появления варага заголосили. Они издавали на удивление тонкий и мелодичный писк для таких отвратительных образин. Первые бегуны споткнулись и упали на раскаленные камни, забились от боли. Следующие налетали на них, путались в своих многочисленных конечностях, валились сверху. Буквально через несколько мгновений перед инферналистом спазматически ворочался ком из паникующих и пищущих от жара варага.

Волшебник опустил и встряхнул левую руку, потом с силой вскинул обе вверх и метнул что-то невидимое в этот шевелящийся ком. Прогремел оглушительный взрыв. На его фоне едва слышно раздался звон тысяч разбитых стекол. Многие из солдат споткнулись от взрывной волны и покатались по мостовой. Чуть позже всех бегущих окатило крупной крошкой из красного хитина.

Я же замороженно смотрел на темную фигуру на фоне багрового пламени Инферно. Я чисто по-человечески завидовал его невероятной мощи. Волшебник, не высказывая ни малейших признаков неудобства, стоял на светящихся белым, трескающихся камнях. Вся его фигура лучилась багровыми бликами.

«Будь у меня такая сила, можно было бы решить почти все проблемы» — подумалось мне.

— В строй, ублюдки!!! — донесся чей-то зычный, властный голос откуда-то сзади. Эдвин благоразумно замедлил бег и сместился с мостовой на тротуар. Я решил обернуться и посмотреть в направлении движения. — Все в строй!

На пути отступающих очутился какой-то, судя по всему, офицер. Он расталкивал, распахивал и протаскивал мимо себя каждого солдата, к которому мог дотянуться.

— Все в строй, выродки! Куда бежим?! ВСТАЛИ В СТРОЙ!!! Перекрыть движение площади немедленно! Перезарядить ружья! Где ружья, выродки?! — орал офицер так, что остатки стекол в домах звенели.

Раздался еще один взрыв — волшебник в стальной полумаске не терял времени. Однако же, даже он шаг за шагом отступал в нашу сторону. Вдалеке, у башни, все рос разлом, и из него лезли все новые и новые красные панцири. Отродьям Дна не было числа — на зеленые мундиры Бравии неслась монотонно-красная волна. Меня пугало то, что из общего течения постоянно выбирались отдельные особи; шевеля пучками щетинок, они расползались по крышам, забирались в проулки, пролезали в разбитые окна. Культисты, которых осталось всего ничего, вообще исчезли из вида.

Солдаты кое-как выстроились в линию и перезарядили ружья. Эдвин отошел за строй, стараясь не показываться на глаза командованию. Это была довольно нетривиальная задача, учитывая то, что волшебник был одет в штатское.

Тем временем карета с заключенным подъезжала к плахе. Присмотревшись, я заметил, что высокий дощатый эшафот был окружен людьми в одинаковых черных костюмах и железных полумасках. Большая часть из них активно крутили головами, осматривая здания, окружавшие площадь.

От созерцания каких-то местных спецагентов меня отвлек массивный ружейный залп. Повернувшись, я увидел, как построенные в несколько рядов солдаты методично отстреливают набегающих варага. Передний ряд уже отстрелялся. Пока они перезаряжались, выстрелил второй ряд. Во время стрельбы третьего ряда передний уже передернул затворы. Выстрелы раздавались каждые три-пять секунд.

Внезапно из реки красного хитина вынырнул черный костюм культиста. Шагая прямо по спинам варага, он быстро приближался к строю и явно что-то замыслил.

Прищурившись, Эдвин мягко дернул пару струн, и Геау-ти слабо пискнула. В ответ на это нога культиста, который был почти за пятьдесят метров от нас, беззвучно отделилась от тела. Вермиалист неловко взмахнул руками и упал куда-то посреди варага. Надеюсь, его сожрут.

— Ты и так можешь?! — я удивился такой дальнобойности звукового лезвия.

— Моя сила раскрывается только с Костром. Геау-ти-Нно хороша, не спорю, но она слишком миролюбива, и не любит ломать уже созданное. Был бы Костер, уже остановил бы этот прилив.

Я не ответил — удивительно, но с остановкой прилива вполне справлялись и обычные солдаты. За эти несколько десятков секунд на нашу сторону успело присоединиться и несколько волшебников, хоть и мой знакомый в полумаске отступил к эшафоту. И, наконец-то, я смог в действии рассмотреть, как атакуют волшебники разных доменов. Зрелище поистине чарующее.

Мужчина в белой треуголке и безукоризненно-белом кителе раз за разом вскидывал руки в сторону варага. Ряды противника тут же украшались вырастающими с пугающей скоростью кусками льда размером с хорошую телегу. Варага прикасались к ледяной глыбе, но отпустить ее уже не могли. Расширяющийся лед поглощал их, и они вмерзали в глыбу. Потом слышался громкий щелчок, который уже мне был знаком по сегодняшним событиям, и глыба разлеталась на мелкие осколки. Так работал никсиалист, волшебник Вьюги.

Неподалеку от него работала молоденькая девушка-фастигиалист в расшитой голубой мантии. Из ее широких рукавов вырывались неровные водяные сферы. Пролетая по дуге, они приземлялись среди красных панцирей. Но вместо того, чтобы разбиваться и растекаться по хитину, водяные шары с отвратительно громким хрустом ломали варага, продавливая короткие дорожки в построении противника.

В один прекрасный момент поле боя с грохотом, затмившим собой абсолютно все, украсилось ветвистой фиолетовой молнией. Цветастые разряды били в отдельных тварей, перекидывались на соседних, поджаривали и их соседей... За мгновение продвижение алой волны было остановлено на целых полминуты.

— О, подъехал «канонир»-вихревик, — прокомментировал Эдвин.

— Почему так решил?

— Молния — это энергия. Завихрения, в общем смысле — это энергия и изменение структуры. А «Канонир» — чрезвычайно мощный дальнобойный импульс с долгим накоплением заряда.

— Эд, а может, мне немного искр?..

— А теперь подумай, что увидят солдаты. Сидящий на моем плече лысый кот, который сыплет искрами как пулемет Сили.

— По-онял. Слушай, а они, вроде, справляются, — я кивнул в сторону солдат.

Эдвин молча кивнул. И сглазил. На наших глазах из разлома вылезла тварь явно пострашнее.

Бесформенное бугристое туловище украшалось пятью многосуставчатыми лапами и двумя парами кожистых крыльев. С огромной клювастой пасти капала слюна. Исчадие Дна подняло слепую голову к облакам и жутко завывало.

— Ого, вот это чудо, — тревожно отозвался Эд и дёрнул пару струн, разогреваясь. Инструмент отозвался низким гудением. — Даже Геау-ти боится.

И тут в дело вмешалась третья сторона.

На одной крыше, рядом с северной башней, появилась едва различимая черная фигурка в балахоне. В руках у нее была продолговатая винтовка. Плавным движением он вскинул оружие к плечу и прицелился в здоровое отродье. Из винтовки вырвалась длиннющая струя уже до боли знакомой тьмы.

Выстрелом от отродья оторвало две руки из пяти и проделало здоровенную дыру в туловище. Через мгновение до нас дошла ударная волна, которая заставила вздрогнуть остатки стекол в домах.

Проклятье, у него там артиллерийское орудие вместо винтовки?!

Однако, проблема здоровенный твари решилась сама собой. Более того, на крыше рядом с первой фигурой выросло ещё четыре. Все они спрыгнули вниз (как будто там не три этажа было), и ввязались в невидимую отсюда схватку перед разломом.

— Эд, это же Яблоко?

— Они самые. На самом деле, было довольно ожидаемо, что они соберутся закрывать разлом.

— Это ещё почему? — поинтересовался я, пока волшебник продвигался ближе к эшафоту. Люди в полумасках уже суетились около кареты.

— Яблоки — не сторонники открытых боевых действий. Их можно назвать террористами, шпионами, но не массовыми убийцами. Да и потом, разлом в Содде закрыли как раз они.

— Да ладно?!

— У них с Тысячей свои отношения, — пожал плечами Эдвин.

Тем временем солдаты начали медленно двигаться вперёд, медленно оттесняя поток варага от площади. При этом войска ещё не вступили в ближний бой — справлялись и обычными винтовками.

Я присмотрелся вдаль. У разлома была чрезвычайно мощная заварушка — там снова клубились облака тьмы, и из них вылетали, разбиваясь о камень домов, изуродованные тела вараг.

— Гляди, Джас. Ты ведь сюда ради этого пришел?

— Я просто уснул в сумке, — сварливо отозвался я, глядя на то, как из кареты выводят Шарага.

На вид этот мужчина не выделялся абсолютно ничем. Серая арестантская рубашка, да штаны. Лысый, с выступающими надбровными дугами. Взгляд погасший — хвост Шарага отсутствовал у самого корня. Руки были скованы за спиной.

Шараг обернулся и посмотрел на улицу, заваленную телами варага. В глазах его стояла тоска. Человек в полумаске тычком в плечо развернул его.

Толпа бесновалась, видя его. "Умри!", "Сдохни!" — кричали они в один голос.

На эшафоте уже стоял высокий медянщик. Полы его белоснежного балахона выбивались из-под кирасы и развевались по ветру. Рядом с ним, на отдельном столике, стоял футляр. Обычный, ничем не примечательный футляр, но от одного взгляда на него мне хотелось бежать сильнее, чем от разлома. Спасало только то, что нас разделяло метров сорок.

Две полумаски вывели Шарага на помост, все остальные, человек семь, остались у его подножья. Профессионально быстро эти двое уложили вермиалиста на плаху.

Медянщик открыл футляр и извлек из него обычный полутораручный меч, с маленькой, чисто символической гардой, абсолютно без украшений.

В себя я пришел тогда, когда Эдвин довольно чувствительно ударил меня по лбу ладонью.

— Мать твою, держи себя в руках! Шипит он тут! Ты вообще точно разумный?

Я понял, что Кот перехватил бразды правления и начал шипеть на меч.

И вот непонятно — меч как меч, не выглядит опасно или жутко. Он даже большим не кажется. Однако, от него веет чистой смертью. Казалось, что это оружие отвратительно самой природе. Я бы с радостью взял его и выкинул куда-то в самое глубокое место в океане. Или запустил на луну.

Кот вдруг зашевелился. Чего надо, предатель?

Кот сообщал, что началась охота.

На кого?

Я присмотрелся.

На самой площади народу было немного, едва ли сотня. Около четверти людей щеголяли треуголками, остальные были при оружии. Толпа равномерно перемещалась поближе к эшафоту. Но мой кошачий глаз выявил восемь или девять (тут не уверен) человек, которые двигались к помосту более быстро и агрессивно, чем прочие.

Ничто не объединяло их внешне, но тем не менее — мужчины и женщины, старики и молодые, проталкивались к помосту, распихивая людей и постепенно ускоряясь.

Я хотел предупредить Эда. Уже раскрыл рот, но люди начали атаку.

Какой-то черноволосый старик — не успел рассмотреть его лица — откуда-то вынул

белоснежную костяную маску и приложил ее к лицу. Та, несмотря на большие размеры, села как влитая. Из-под нее потекла тьма, принимая вид черного балахона. Это был тот самый вермиалист, которого я видел в замке Черного барона.

Я кинул беглый взгляд на его товарищей. Они же начали покрываться толстыми, извивающимися, черно-багровыми отростками. У каждого оскалились рты.

"На них как будто щупальца морских анемонов выросли" — подсказал укол головной боли.

Все девять вермиалистов совершили чудовищные прыжки. Белая маска приземлилась прямо на помост, в то время как остальные приземлились у единственной лестницы и тут же вступили в схватку с полумасками.

Медянщик не колебался ни секунды — он взмахнул мечом на уровне пояса, заставляя белую маску отступить.

Маска откинул широкие рукава балахона. Его руки оказались покрыты какой-то странной броней цвета выбеленной кости. Прямо из его предплечий вырвались тонкие белые нити, которые опутали, свалили и зафиксировали медянщика так быстро, что я даже ничего не успел понять. Звеня, меч выпал на помост.

Тут среагировали полумаски — один из них вскинул длинноствольный револьвер, а другой отступил на шаг и достал из кармана какую-то пробирку.

Эти же белые нити, только из другой руки, пролетели в сторону полумасок. Вермиалист не колебался ни секунды — явно острые нити буквально разрезали на куски того, что был с револьвером, он не успел даже прицелиться. Второму относительно повезло — просто отсекло руку с зажатой пробиркой. Осознав, что потерял конечность, он упал на задницу и взвыл.

Вермиалист подошёл к нему и хладнокровно свернул голову, все время удерживая беснующегося медянщика.

Кто-то из толпы пустил в вермиалиста водяной шар. Маска спокойно вытянул руку, принял на нее снаряд, прокрутился под его весом и запустил его в сторону почти прекратившегося потока варага. Шар пролетел гораздо дальше, чем вышло у самого глубинщика.

Я заметил, что в это время жуткие подручные Белой маски уже расправились с охраной и, что удивительно, бескровно удерживали на расстоянии отдельных людей из толпы — да, они их били и кидали обратно, но не убивали. Судя по буквально выпотрошенным полумаскам, труда это им бы не составило.

Они могли бы устроить кровавую баню! Так что же происходит?! Я окончательно запутался.

Маска подхватил меч и подошёл к пленнику. Его голос разнесся над площадью:

— Они имеют право судить тебя, но ты причинил слишком много страданий, чтобы отдавать им это право.

Пленник не ответил ничего. Маска подошёл ближе.

— Помнишь, как я обещал убить тебя, Шарага? — гораздо более тихо сказал Маска, и тут же громко продолжил: — Я делаю это за пожранный Содд, за разоренный бастион Алой скалы, за агентов Креста, Чайку и за тысячи людей, что ты погубил. Умри!

Маска обрушил меч на шею Шарага. Его голова упала на помост и пару раз подпрыгнула.

Со всех сторон, из каждого камня, из самой земли и воздуха донесся тихий-тихий, едва

слышимый вопль. Длился он едва ли десять секунд, но заметили это все.

Ещё мгновение — и из руки Маски вырвался огромный клуб тьмы, окутавший весь эшафот часть окружавшей его толпы. Буквально пара мгновений, и облако развеялось.

На помосте остались лишь отчего-то затихший медянщик и обезглавленный труп Шарага. Но никакой Маски и даже его ужасных подручных больше не было. Как не было и этого жуткого меча.

— Что сейчас за хрень произошла? — кратко выразил мои эмоции ошалевший Эдвин.

Глава 20. Казнь. Финал

— Эд, хоть ты понял что-нибудь, что произошло?

Волшебник и сам выглядел крайне озадаченным.

— Да не совсем. Судя по всему, Червивому Яблоку было принципиально самим казнить Шарага. Да и было за что, строго говоря. Но вот зачем они похитили Скорбное оружие...

— А почему они порубили всех полумасок, но не тронули обычных людей?

— Полумаски? А, черведавы. Ну, они естественные враги. Это единственное, что объединяет Яблоко и Тысячу — они всегда убивают всех черведавов, до которых могут дотянуться.

Ну, так. Неожиданно, но нам удалось глянуть на казнь Пожирателя Содда. Не то чтобы это было такое увлекательное зрелище, и прям не скажу, что я не сожалею о том, что заснул в сумке с Геау-ти. Однако, сейчас нам надо как-то выбираться...

— Эдвин, а куда мы так несемся? — поинтересовался я у Эда, который энергично пробивался сквозь толпу к группе солдат.

— Я иду к капитану, — волшебник тыкнул пальцем в спину высоченного мужика в синей треуголке с высоченным черным пером в ней.

— А мы разве не должны идти, ну, там, в поместье, не?

— Я же говорил, что мне нужен Дауд, — невозмутимо ответил Эд. — Я пришел за его головой, и без него не уйду.

— Эдвин! Ты хочешь идти туда?! — я ткнул лапой в грохочущий выстрелами строй зеленых мундиров, медленнодвигающихся в сторону пылающего чернотой разлома, отесняя замедляющийся поток варага. Однако, то тут, то там среди серо-красных панцирей лежали тела в зелёном. И не сказать, чтобы у каждого был полный комплект конечностей.

— А-ага, — кивнул Эд, подбираясь к капитану. — Уважаемый! Не признал?

Капитан обернулся. Это был колоритный мужик с длинными вислыми усами и неаккуратной бородкой. На правой брови был небольшой темный шрам.

— О, Моуз! Какими судьбами? — у капитана был самый глубокий бас, который я когда-либо слышал.

— Добрый день, мистер Селот. Я тут пришел на казнь посмотреть.

— Был в Содде, что ли?

— От вас ничего не скроешь, сэр.

— Обыватели не стали бы рисковать жизнями. Все знали, что будет битва, но чтобы разлом... Хорошо, что червивый этот — профан в своем деле, а то бед не оберешься, — махнул рукой капитан.

— Соглашусь, капитан. Не самый крупный разлом.

Охренеть. Тут как бы ружья грохочут, возможно, люди гибнут, а они тут обмениваются любезностями, как на послеобеденном чае.

— Крупный-то не крупный, а вот дел эти варага натворят. Наблюдатели сообщают, что их порядка восьмидесяти по городу расползлось. Ну да ладно, это будут мои проблемы. С чем явился?

— Господин капитан, буду с вами предельно честен. Мне нужно пообщаться с Даудом.

Капитан утер усы и крякнул.

— Который разлом-то и открыл?

— Он самый, — кивнул Эд.

— В вас всегда были весьма... странные амбиции, мистер Моуз. Ну, предположим, я смогу обеспечить вам мимолетную встречу. Но это при условии, если мы сможем закрыть разлом.

— И вот тут, сэр, вам пригожусь я. У меня второй класс по гармоническим колебаниям, а в руках третья нота.

Волшебник красноречиво встряхнул рукой с Геау-ти-Нно.

— Полагаешь, сможешь закрыть? — с скептическим удивлением спросил Эда капитан.

— Мы с тремя товарищами под Нарргом закрыли примерно такой же разлом. Ну ладно, чуть побольше.

Капитан какое-то время молчал, внимательно глядя на Эда. Тот без труда выдерживал его достаточно тяжелый взгляд.

— Не самым блестящим образом ты себя зарекомендовал в круге, но что ж, действовать надо. Крыса твоя с тобой идет?

Клянусь, когда-нибудь, когда я стану достаточно сильным, всех таких маминых шутников и юмористов буду бровей лишать, массово. Вместе с ресницами!!!

— Мой фамилиар — ключевая часть плана, сэр, — коротко поклонился Эд.

— Как-то она недобро на меня смотрит.

— У моего кота сегодня с утра что-то побаливает, поэтому он недоволен миром чуть больше, чем обычно.

— Не припомню у тебя фамилиара, Моуз...

— Одиночная жизнь быстро ставит на место, сэр. С фамилиаром все же как-то сподручнее.

— Ну-ну, — хмыкнул капитан. — Договорились. Ты закрываешь разлом, я даю тебе пятиминутку с Даудом, как изловим его. В любом случае, сегодня глазастые провалились по полной.

— Это точно, капитан. Это точно...

Эдвин быстро шагнул прочь от капитана. Отойдя на достаточное расстояние, он обратился ко мне:

— Эй, Джас. Знаешь что-нибудь убойное?

Внутри я весь похолодел. Да, мать его, я еще как знал «что-нибудь убойное»!

— Ну-у-у... Э-э-эм-м... Да?..

— Да или нет?

— Ну, скорее, наверное, да, чем нет.

— Сегодня ты сама определенность, — съязвил Эдвин.

— Слушай, может, я просто залью тут все высокотемпературным огнем? Или взрывов понаделаю тебе?

— Да мне-то не надо, — махнул рукой Эд. — Я собираюсь подобраться к разлому. Мне надо постоять там минут пять-шесть, чтобы понять, как его закрыть, ну и еще минуты три на само закрытие. Ты сумеешь, ну, грубо, поливать все вокруг этим твоим огнем минут десять, защищая меня?

— Э-э-э... Не-ет...

Я охренел еще больше. Соль юмора была в том, что новенькое свойство могло отводить от нас внимание не просто десять минут, а все полчаса смело. Но тут, как говорится, есть нюанс...

— Эдвин, а если, ну, допустим, есть у меня такой... эфффектик. Если я его сотворю, мы будем гарантированно защищены десять минут. А то и пятнадцать, и больше... Но...

— Да рожай уже! — одернул меня Эд.

— А если вокруг кончатся варага? То что?

Глаза Эда округлились.

— Ты в своем уме, котик?

— Ну вот если кончатся? — настаивал я. — И наша защита посчитает, что можно наброситься, там, ну, на дома?

— Хм, — Эд задумался, а потом спросил: — А сдержатъ никак?

— Да я только давеча узнал про сам эффект.

— Ну давай, — легко согласился Эдвин.

— Че?

— Да давай. Наверняка что-то мощное. Самое оно. Варага же еще из разлома продолжают лезть, так что все нормально. Кроме того, можешь попытаться направить эффект в разлом. Пойдет?

— Пойдет, — кисло отозвался я, начиная разогреваться, жалея о том, что вообще выбрался из поместья, и еще размышляя о том, как же мне объяснить Эду, что из-за отсутствия одной гара у меня не получится контролировать эффект.

— Хах, чувствую от тебя волну жара. Молодец, разогревайся. Сейчас мы с тобой перенесемся прямым к разлому!

— Что?!

За размышлениями я не заметил, что мы ушли с площади в какой-то очень глухой закоулочек между домов. Сюда не выходили окна, и вообще не было ничего, кроме трех глухих кирпичных стен.

— Понимаешь ли, Джас, парень ты надежный, насколько я могу сказать это коту, — доверительно сообщил мне волшебник. — Так что сообщу тебе одну ма-ахонькую тайну. Желательно, чтобы мало кто об этом даже догадывался, хорошо?

— Да без проблем, — мне одновременно было приятно от такого доверия, но и в то же самое время страшно оттого, что может скрывать бывший военный такого класса, как Эд.

— Я, мой дорогой Джас, могу временно увеличивать свою силу как волшебника. Увеличивать примерно до околоэфирных значений, — застенчиво улыбнулся Эд. — Так что мы сейчас с тобой прыгнем прямо сквозь Шум.

Я охренел.

— Знаю, вопросов много, — махнул рукой Эд. — Но ты уж потерпи. В первый раз это может быть неприятно, но мы с тобой пробудем там около трех-четырех секунд. Воздуха там нет, только эфир, так что удержи дыхание! Как выйдем, готовься применять свой этот тайный эффект. Лезь в мешок.

Я послушно перебрался с плеч в мешок и даже затянул горловину ниже плеч.

Внезапно по костям Эда заструилась какофония. Как я это узнал? А это все равно что провести наждачкой по каждому нерву в организме. Я едва сдержал Кота от праведного желания убить этого тупого человека.

Эд приподнялся на носки и вытянул руки вверх, напрягаясь, как струна. Какофония гремела громче и громче, а Геау-ти в руке волшебника едва слышно пицала на одной ноте.

Эд глубоко вдохнул, и я следом послушно задержал дыхание.

И тут под нами раскрылась какая-то ярко-сиреневая лужа...

...и мы туда упали.

Бесконечное пространство, во все стороны, куда ни посмотри. Мы то ли падали, то ли висели, то ли что-то еще, для чего еще не придумали слова.

Мы словно бы были посередине бескрайнего бездонного неба, в котором перемешивались светлые оттенки фиолетового — сиреневый, розоватый, мерцающий бело-фиолетовый... То тут, то там на этом бесконечном небосводе сияли прожилки золота, словно слои в мраморе. Очень редко встречались крошечные пятнышки черно-фиолетового, словно изъяны на спелом фрукте.

Но не цвет был важным.

Вокруг царил звук. Откуда-то сверху гремел бас, далеко справа звенели литавры, снизу тянулись пронзительные скрипы, тягучие прерывистые звуки обволакивали меня со всех сторон. Каждая моя косточка дрожала в унисон с отдельным звуком, все вразнобой, но создавая прекраснейшую из всех слышанных мною когда-либо мелодий. За единый миг я понял, что этот чудесный оркестр не ограничился костями. Каждый мой нерв звенел от напряжения, уподобляясь то ли скрипке, то ли гитаре, то ли контрабасу. Артерии и вены словно ветвились, пропуская сквозь себя третьи звуки, и те выходили как из трубы, волынки, саксофона... Кожа туго натянулась и изредка сокращалась, имитируя барабан. Даже мышцы, спазматично подергиваясь, выдавали звук, отдаленно напоминавший звук пианино.

Мелодия, почему-то издаваемая мною, была так прекрасна, что не хватало не то что слов, а мыслей. Из моих кошачьих глаз потекли слезы. Каждая слезинка вращалась в пустоте Шума, серебристо звеня.

Мне захотелось сказать об этом Эду, поделиться с ним этим прекрасным состоянием.

Я обернулся.

Эдвин, источая черно-фиолетовую дымку, улыбался. Я проследил за его взглядом и обомлел.

Из корпуса инструмента, который крепко сжимал волшебник, выростала полупрозрачная бесполоая фигура, источающая бледно-золотое сияние. И контуры фигуры, и ее лицо постоянно расплывались, менялись, теряя очертания и моментально приобретая новые. Завидев меня, на подобии лица Геау-ти выросло что-то, отдаленно напоминающее улыбку.

Геау-ти помахала (-ло?) мне прозрачным отростком вместо руки, и мы...

...вывалились в реальность.

Мой организм радовал своей стабильностью. Джаспер столкнулся с чем-то необычным? Джаспер подвергся воздействию мощного колдовства? Джаспер немного переел? Ответ один — нам надо проблеваться.

Но как только прошел первый шок, я решил отложить акт рвоты на потом — мы находились буквально в пяти метрах от разлома, и из него прямо на глазах выбиралось четверо новых красных панцирей.

В нос снова ударила тошнотворно-восхитительная смесь запахов. Кот же снова предложил самое действенное средство под солнцем и лунами. Я волевым усилием отказался.

— Джас, не хочу тебя торопить... — Эдвин с силой взмахнул хвостом, и один красный

панцирь распался на две части, так и не вылезая из зияющего провала в реальности, — Но применяй давай свой сильнейший прием.

Я заметил, что один глаз Эда стал темно-красным из-за лопнувших капилляров. Очевидно, он сильно выложился.

Меня охватила веселая обреченность. Хочет мой суперприем? Ну на.

Я спрыгнул с Эдвина.

— Угул га сарр, — прошептал я на языке галгар, пропуская сквозь себя сильнейший поток Мощи, фиксируя его на пике и поддерживая. Мне нужен колоссальный импульс, чтобы создавать точечные проколы в мироздании.

Через мгновение около меня вспыхнул, распространяя удушливый запах горячей серы, огонек. Он был маленький — как половина меня. Вспыхнул, погорел секунду, и пропал, а на его месте остался угул. Безрогий.

Худощавое тельце размером с меня. Ярко-алая чешуя. Покатая вытянутая голова, без единого рожка, гребня или шипа. Крошечные, светящиеся ненавистью глазки. Шесть цепких длинных конечностей. Хвост с костяным шилом на конце.

Но не это было главным. И даже не застывшая в маниакальной ухмылке зубастая пасть прирожденного хищника, настоящего чудовища в ультралёгком весе. Главным было то, что серный прыгун, как его называли ученые Солнца и Лун, был раскален настолько, что под двумя лапками, на которые опиралась эта крошка, начал плавиться камень.

Серный прыгун, или сауго-дри, повертел своей длинной мордой. Безумная улыбка берсерка не давала мне покоя. Подумав, он резво, как блоха, вскочил на ближайшего варага, который уже наострился откусить Эду что-нибудь жизненно важное.

Варага застыл. Однако же, когда от его панциря пошел воняющий горелым мясом дымок, тварь тонко запищала. Спустя краткий миг ей было уже не до волшебника — тварь извивалась, как полудохлая

многоножка, пытаясь сбросить с себя вцепившегося, как клещ, сауго-дри. Тщетно: прыгун оторвал кусок прогоревшего панциря, выкинул его за ненадобностью и начал есть тварь живьем. В это время благодаря моему импульсу под облачное небо Солнца и Лун вышли еще четверо прыгунов. И останавливаться я не собирался — меньше чем двадцать их выпускать будет малополезно.

В тот раз Гальза решил, что мне не помешает что-то в роде последнего козыря. Мол, тебе, Джаспер, иногда может потребоваться навести солидного шороху, а потому вот тебе игрушка. Сейчас, мол, дорогой мой кот, я покажу тебе одно из самых неприятных зрелищ Инферно — серные топи. Топи как топи — горячая плавкая сера. Но вот его обитатели...

Даже по меркам Инферно эти твари были неприятно горячими на ощупь, а в условиях всех прочих материальных реальностей серные прыгуны попросту поджигали одним своим наличием любые материалы, хоть немного отличающиеся от стали. Вместе с этой крайне неприятной особенностью шли: быстрый метаболизм, а потому быстрое наступление голода, стайный характер, патологическое отсутствие страха и повадки хищной, злобной, накачанной метамфетаминами саранчи (спасибо, головная боль, за новые слова).

А пока я размышлял о этой красночешуйчатой мелочевке, которая вообще-то является самым настоящим, закаталогизированным стихийным бедствием, по всей улице вспыхивали все новые и новые серные огоньки — крошечные проколы в реальности, микроскопические разломы, через которые может пролезть только такая живучая тварь, как серный прыгун.

Появляясь, серные прыгуны, недолго думая, накидывались на самых ближних варага,

плавя их панцири, сильными ручками отрывая им лапы, круша морды, отрывая куски их брони, забираясь внутрь их тел и проедая себе дорожки. И с каждым мгновением прыгунов было все больше и больше. Уж я-то постарался. Ни единый варага даже не мог посмотреть в нашу сторону — среди а-ля строя серо-красных панцирей носились кроваво-красные росчерки. В воздух поднимались струи белесой крови тварей Дна, повсюду летали куски обугленных панцирей и голодные как дьяволы сауго-дри.

Вот тебе и демонические обезьяны. Описание на удивление, до тошноты, меткое.

Я услышал, как за моей спиной полилась струнная мелодия. Пока неловкая — отдельные, несвязанные между собой ноты. Я обернулся — Эдвин дергал большим пальцем разные струны Геау-ти, наблюдая, как вяло шевелятся в ответ на его действия толстые нити не пойми чего, окаймляющие разлом.

— Тебе долго? — прорычал я, стараясь поддерживать чудовищное напряжение. Наградой мне стало еще пять серных огоньков.

— Стараюсь отыскать закономерности, — отозвался Эд, явно поглощенный другим. — Я, кстати, даже не вижу, что ты там делаешь.

— Ну, обернись, если хочешь.

Эдвин обернулся, хлопнул глазами, присмотрелся, хлопнул глазами и изрек:

— Е...ть, — дальше Эдвин витиевато ругнулся, упомянув мою маму раза три и просветив меня насчет моих ближайших родственников, и все это в одном предложении. Помолчав, он добавил: — Чтоб нам всем Лагаш на голову упал, — Лагашем звалась наша первая слева луна, если что.

После этого он с совершенно стеклянными глазами обернулся и продолжил дергать струны. Настрой его выдавал только бешено мечущийся из стороны в сторону хвост.

— Эд, что с тобой?

— Мне потом придется бежать из города.

— В смысле?

— А ведь варага и впрямь могут закончиться, — пробормотал он.

А варага действительно уменьшались на глазах. С одной стороны их давили солдаты, с другой начали жрать прыгуны, с третьей — их как-то маловато стало прибывать из разлома.

Я призвал еще семерых прыгунов и решил остановиться. Рефлекторно лизнув предплечье, я окинул глазами улочку.

Всем окружающим нас красным панцирям было не до нас — может, они и хотели разорвать проклятого людишку и уродливого кота на части, но в это время мои сауго-дри рвали уже их. В конце улицы, за расплзающимся в стороны жиденьким потоком варага я уже видел зеленые мундиры.

Наконец-то, Эдвин подобрал ноты или что он там делал, и начал наигрывать сложную мелодию. Я оглянулся на него: лицо в капельках пота, пальцы лихорадочно бегают по струнам инструмента, а Геау-ти-Нно в его руках заливается соловьем, выдавая звуки, совершенно нехарактерные для струнных. Судя по приятному ощущению от мелодии, Эд использовал гармонию. На моих глазах разлом чуть дрогнул, волокна невесть чего по краям потянулись друг к другу, и створки, образующие разлом, потянулись друг к другу в стремлении сомкнуться.

Тут на моих глазах трое прыгунов, начисто игнорируя нас двоих, прыгнули в разлом, вызвав новый поток брани у Эда. Я снова оглянулся, но уже с паническими нотками в настроении.

Орда прыгунов, насчитывавшая около тридцати-тридцати пяти особей, разделилась на три части. Первая часть, меньшая, продолжала накидываться на новых и новых варага, помогая солдатам в их нелегкой службе по отстрелу отродий Дна. Еще более меньшая часть, особей пять, уже лезла на ближайšie дома (у них были маленькие когти, не подходящие для скалолазания, но разве это могло остановить тварей, плавающих собой камень?). Эти молодцы уже вызвали небольшой пожарчик, и я не знал, как его тушить. Я же инферналист, а не пожарник.

А вот большая часть, особей двадцать, во весь опор скакали на нас с Эдом, но их глаза были устремлены в сторону портала. Присмотревшись, я увидел, как дергаются их крошечные носы. Видимо, там, в тьме Червивого Дна они могли бы найти целое гнездо тварей. Знаете, если так подумать, то эти варага внешне напоминали смесь таракана с креветкой, так что, вероятно, они могли бы быть сносными на вкус...

Как и ожидалось, серные прыгуны не смогли не заметить нас. Подавляющее большинство смотрели только в разлом, но вот трое смотрели на меня и еще четверо на Эда.

Всех своих я сумел сбить еще на подлете, экономно плюясь в них искрами. Удобная вещь. И хоть угулы были очень прыгучими сволочами, но в последнее время я уже достаточно сильно наострился стрелять с помощью гиль. А вот с тварями Эда вышел затык — одна тварюшка явно поумнела, и больше не собиралась нападать на волшебника. Еще двух я сумел сбить на подлете, но последняя должна была впиться точно в спину Эда.

Я похолодел. Температура этой твари должна была сварить всю спину Эда, и что бы я тогда делал?

Но волшебник, как всегда, удивил. Он совершенно точно не видел тварь, но особо резкий взмах хвостом — и на брусчатку полетели несколько истекающих кровопламенем кусочков, на которые Эд и порезал прыгуна.

Все остальные, сопровождаемые свистом воздуха, миновали нас и скрылись в закрывающемся разломе. И волшебник, и я шумно выдохнули.

Дальше все пошло еще тише — мне всего-то потребовалось плюнуть пять искр в уцелевшего, а потому зарвавшегося варага, который решил, что будет отменно пообедать нами двумя. Первые две отразились от его панциря, а следующие три угодили твари в морду и разворотили ее. Было мне жалко? Да ничуть! Когда на меня двинулась тараканокреветка размером с человека с явно не самыми лучшими намерениями, то я чуть не отдал концы прямо на месте, так что я просто был рад спасти свою жизнь.

Наконец, за моей спиной что-то глухо ухнуло, а потом меня окатило теплым воздухом с легким ароматом свежей зелени. За моей спиной Эдвин тяжело осел на землю. Перед ним в воздухе ничего не висело.

Разлома больше не было. Выстрелы солдат же звучали все ближе и ближе.

Похоже, сегодня Асмин останется цел.

Я терпеливо ждал Эда уже чуть больше часа. Я сидел на лавочке около каких-то кустов, неподалеку от главного военного управления Асмина, и находился в самом что ни на есть дерьмовом расположении духа.

Сам волшебник находился где-то в допросных, куда под цепями четверо медянщиков доставили Дауда. Возможно, на кого-то Шенн и производил впечатление блеском разъяренных глаз, аккуратной, агрессивно выставленной вперед клиновидной бородой или татуировками на лице. Но вот когда я увидел его в первый раз без маски, то, избитый и

окровавленный, с гвоздями, вбитыми прямо в предплечий, он не производил на меня абсолютно никакого впечатления.

После локализации прорыва Эдвин вместе с его капитаном подъехали на специально поданной карете к главному управлению и терпеливо ждали порядка четырех часов, пока им не сообщили, что Шенн задержан и доставляется сюда. Еще час мы ждали самого вермиалиста, а потом Эдвин, как и было обещано капитаном, удалился вслед за ним.

И вот, уже вечерело, на улице поднимался чуток прохладный ветерок. Мимо меня пробегали солдаты и офицеры с рапортами и отчетами, благодаря чему я знал всю ситуацию.

Мои демонические обезьянки, хоть и перепугали всех до полусмерти, никакого вреда толком нанести не успели — вовремя заметившие их волшебники городского круга заметили неладное, и двое вьюжников-никсиалистов во главе с опытным фастигиалистом потушили пожар, перебили основную массу прыгунов, доедавших недобитых варага, а потом сумели отыскать еще и сбежавших обезьянок.

По городу разбежалось около сотни варага, и совсем без жертв обойтись все же не удалось. Однако, в данный момент солдатами, констеблями и волшебниками практически все варага были найдены и убиты.

Почему же я находился в отвратительном расположении духа? Да все просто.

Каждый, мать его, каждый проходящий мимо меня солдат или полицейский, по видимому, считал своим долгом вздрогнуть, оглянуться на меня и прокомментировать мой внешний вид в стиле «как крыс-то развелось», «какой здоровый крысюк» или «вообще засрали город этими отходами с фабрик — вот сколько крыс развелось, и заметьте, господа, среди бела дня!». Первых пятерых я пощадил, а всех последующих я наказывал, так у меня больше не хватало на то самообладания.

Как только очередной государственный муж изрекал остроумное изречение насчет моей мнимой схожести с крысой, я пускал в его сторону поток низкотемпературного огня, который даже толком не мог обжечь кожу, самый максимум — ну чуть-чуть укоротить длину усов одного старикана. Потом я с ненавистью рявкал, что являюсь волшебником, который из-за физической слабости вынужден находиться в теле кота заграничной породы. Естественно, сначала я старался объяснять все именно так, но начиная с пятнадцатого комментария, я начал применять некоторые изящные словесные обороты. Спасибо, Эдвин.

Ошалевшие лица констеблей были мне наградой. Некоторые даже извинялись.

И вот, наконец-то, двери управления распахнулись, и из них появился злой и уставший Эдвин. Он вышел на вечернее солнце, прищурился, поискал меня глазами, нашел и медленно побрел ко мне. Дойдя, он тяжело плюхнулся на лавочку рядом со мной.

Выглядел он неважно — черные круги под глазами, лицо немного осунулось, а настроение у него было явно неважное. Краснота из глаза заканчивала уходить — волшебник регулярно пускал по себе гармонические колебания. При Эде была только Геаути в уже привычном холщовом мешке.

— Ну как результаты?

— Голяк, — с горем в голосе махнул рукой волшебник. — Он передал инструмент и ключи от Табакерки региональному координатору одного Красного Княжества. Они сейчас там. Джас, я чуть не запытал этого ублюдка.

— Да за такой результат я бы тоже... — невнятно отозвался я и замолчал.

По всему выходило, что Эд продолжит свою гонку прямиком в Красные Княжества, и, скорее всего, мы с ним больше не увидимся. Это было весьма печально, так как я уже успел

привыкнуть к Эду. Он был хорошим веселым парнем, и умел защищать то, что ему хоть минимально дорого.

Мы оба молчали. Начал я:

— Получается, ты уходишь?

— Получается, так, — пожал плечами Эд. — Тут будет беспокойно еще какое-то время, так что я доработаю у госпожи Фольди месяц, и пойду для начала в Диртц.

Мы помолчали еще.

— Прощаться рано еще, кот, — Эдвин тяжело встал на ноги. — Пошли домой. Я расскажу госпоже Фольди в красках о том, какой ты молодец и как бы я без тебя не справился. Но, вообще, я бы без тебя бы действительно не справился. Поддержка из тебя — огонь, юная зажигалка.

Мне стало лестно от его похвалы. Я улыбнулся, насколько это позволяла кошачья мордочка, и посеменил вслед за волшебником.

— Вот только прыгунов пореже зови. Это же бедствие.

— Понял. Эд, а Эд!

— А-ага?

— У тебя деньги есть?

— Крылья? — понимающе улыбнулся Эд.

Я же в ответ лишь облизнулся.

Пока мы шли на самую окраину города, свечерело. На небе загорались первые звезды, а луны обретали все более и более четкие очертания.

Мы с волшебником разделились. По нашей задумке, он должен был войти в главные ворота, через главный вход и торжественно объявить о нашей победе. Я же должен был через котоход пробраться в кухню, а там заныкаться куда-то подальше, чтобы Лира меня какое-то время не могла найти и праведно меня покарать.

И все шло по плану. Волшебник прошел через ворота, а я по широкой дуге обошел поместье, пробрался сквозь прутья решетки и проник на территорию сада.

Быстро добежав до котохода, я пулей взлетел по доске прямоком в темную кухню.

Как только я спустился на плитку пола, за мной громко хлопнуло окно. Я застыл.

Я не мог почувствовать никого за мной — не было ни запаха, ни ощущения присутствия. Но я слышал легкое, невесомое дыхание.

Щелкнул переключатель. Вспыхнул теплый электрический свет.

Я обернулся.

За мной стояла Взрослая Ведьма В Невероятной Ярости, по глупости нацепившая лиц Леры, моей драгоценной хозяйки. Она поигрывала... о нет. Нет. Этого не может быть...

Я уже был знаком с обеими штукаками... Прошу, не надо...

— И где мы были? — если бы голос мог бы передавать температуру, я бы замерз. Это очень сложно для меня (я же инферналист), но Лира бы справилась, я уверен.

— Хе-хе, — по моей кожистой спине начали стекать капли пота. Тут жарковато, не находите? — Эм, ну, история на самом деле смешная...

— К мухобойке я подвязала духа яростного ветра из Вьюги, — доверительно сообщила Лира. Я вздрогнул. — Стоит мне отдать приказ, и она будет гонять тебя до утра сама по себе.

— Лира, может, не надо?

— Маленький дух небесных ручьев из Последнего океана служит мне в качестве

прицела в пульверизаторе, — ведьма красноречиво поболтала в воздухе наполовину полным садовым пульверизатором. — И поверь, милый Джаспер, ты будешь молиться, чтобы там была вода.

— А что там? — с замиранием сердца спросил я.

— Скипидар, — пожала плечами Лира.

Я задумался о том, смогу ли я извергнуть достаточно сильную струю огня для того, чтобы улететь отсюда...

— Вот как я сегодня полдня носилась, так и ты будешь всю ночь. Как наскипидаренный. Хотя почему «как»?..

И Лира прицелилась в меня.

— Я ведь даже не договорил!!! — заорал я в панике, осматривая кухню на предмет возможностей для побега. Но Лира предусмотрительно закрыла все шкафчики, заслонила камин и заперла дверь.

Из прихожей донесся радостный голос Эда:

— Госпожа Фольди, мы вернулись! Мы целы и живы! Госпожа Фольди?

— Можешь не стараться, — слышался приглушённый скучающий голос Гиз. — Лира пытается Джаспера.

ДА! Эдвин! Меня тут убивают!

— Он там один с госпожой Фольди? — переспросил Эд.

— Да. За запертой дверью, — уточнила волшебница.

— Что ж, я помолюсь, чтобы его перерождение было удачным, — смиренно отозвался Эдвин.

Нииииииееет!

Рядом со мной в пол ударила струйка. Завоняло скипидаром. Мелкие капельки попали на кожу, и ее стало печь.

— Ну Лира, ну Лира! Пстой! Не стукай! ЯпростоуснулвмешкесГеау-ти! Воттакаяистория! Яслучайноправдаянехотел!!! Лира!

Пока я орал, Лира стреляла в меня скипидаром. Я успешно носился по кухне, едва уворачиваясь от палящих струй, но так не могло продолжаться вечно.

— Я сама тебя убью, ты, засранец! — кричала Лира. — Я так волновалась! А ты втихую!

— Лира, НЕТ!!!

Девушка попала мне в заднюю левую лапу. Ту сразу начало жечь.

Пользуясь случаем, девушка загнала меня в угол. Прицелилась, и...

— ЛИРА! — яростно громыхнула решетка на стене. — В гостиной посторонние! Девушка яростно взвыла, отбросила и мухобойку, и пульверизатор. Сунув руку куда-то под блузку, она достала револьвер.

Я только сглотнул.

— Сейчас я разберусь с этим... — она непечатно отозвалась о вторженце. Я замер — вот это точно было нехарактерно для Лире. — А с тобой продолжим разговор позже!

Я еще раз сглотнул.

Лира, не пользуясь ключом, распахнула дверь, чем напугала Гиз. Эдвин же уже достал из ножен резонатор и был во всеоружии.

— Если что, пулю отобьете? — поинтересовалась у волшебника ведьма.

— Да, госпожа.

— Ну и прекрасно! — рыкнула Лира. Масляно щелкнул револьвер, и девушка с ноги

распахнула дверь в гостиную.

В проем ринулся Эд, следом прошмыгнул я, а потом вошла Лира. Все тут же замерли.

Не проявляя никаких признаков враждебности, на нас смотрел человек. Он сидел в моем кресле, лицом к нам, и закуривал трубку.

Мужчине было лет едва ли сорок, плюс-минус три года. Несмотря на это, он щеголял белоснежными волосами, неопрятными прядями доходившими до уровня угла рта. Его черные глаза едва отдавали краснотой.

Одет он был в легкую рубашку и плотные брюки, немного пропоротые на колене. Шею скрывал темно-синий платок.

Я замер, не зная, что предпринять. Краем глаза я увидел, как Лира опустила револьвер. Полностью обернувшись, я заметил, как округлились ее глаза. Девушка потеряла свой боевой настрой.

— Ранф... — прошептала она. — И где же ты пропадал?

Так, погоди. Ранф?!

Глава 21. Ранф

— Я искал средство, способное снять проклятие с Фелиции, — спокойно ответил Ранф, невзирая на то, что в него буквально пару секунд назад целились из револьвера.

— И где ты пропадал? — дрожащим голосом снова спросила девушка.

— Пришлось побывать в Нао, Гаттире, а также обойти треть всех Княжеств. Было трудно, но средство я нашел.

— И когда ты прибыл?

— Сегодня днем, — Ранфу наконец удалось раскурить трубку, и он помахал в воздухе спичкой, туша ее. — В городе были беспорядки, полагаю, связанные с казнью одного тысячеглазого, смерть его душе. Пришлось переждать их в одном кабачке...

— А ты не мог... — в голосе Лира показали характерные, всхлипывающие нотки.

— Не мог бы я явиться побыстрее? — резко ответил мужчина, вскинув на ведьмочку свои красноватые глаза. — Не мог бы, Лира, не мог. Ты думаешь, на твою бабушку наложили абы что, первое попавшееся заклинание? Ты хоть знаешь, что на ней лежит?

— Я проводила тесты... Постоянно, десятки тестов...

— И ни один не помог? — голос Ранфа и не думал смягчаться.

— Нет, — на последних крупницах самообладания Лира вскинула голову. Ее мокрые глаза кидали в Ранфа молнии.

— И не помогли бы. Тебе нужны были очень дорогостоящие ингредиенты. Очень и очень дорогостоящие. Я сейчас немного отдохну, пойду в библиотеку, освежу свою память в ритуале снятия проклятий, и мы снимем его с твоей бабушки. Ты меня поняла?

Ранф нигде не сбавил этого давления. Ух, ну и нрав.

— Поняла, — всхлипнула Лира.

— Вот и славно. Бабушка бы рекомендовала тебе умыться — не пристало ведьме быть заплаканной, — проронив напоследок комментарий, Ранф полностью потерял интерес к Лире и начал пыхать трубкой, раскуривая ее.

Девушка поджала губы, развернулась и стрелой вылетела из комнаты. Я, не обращая внимания на прочих участников этого цирка, потрусил вслед за девушкой.

Несмотря на то, что коты — быстрые животные, и догнать хозяйку мне труда бы не составило, я позволил девушке почти пять минут плескаться в ванной комнате. Когда шум льющейся воды стих, я протиснулся в тонкую щелочку между косяком и дверью. Задача была нетривиальная, но помните: коты — жидкость.

Лира с подпухшими глазами и красным, растертым лицом вешала полотенчик обратно на крючок. Завидев меня, она всхлипнула, опустилась на колени и протянула ко мне руки. Я послушно забрался в ее объятия и свернулся клубочком. Девушка сжала меня и громко всхлипнула. На мою спину упали две капельки.

— Ты лучший ко-о-т, — прорыдала она, стискивая мою тушку, — Я та-ак люблю тебя-а... А ты все ходишь с этим воя-а-акой... Я так испугала-а-ась, когда-а ты пропа-а-а-ал...

Я лежал на горячих коленях девушки, меня окатывали одновременно и потоки ее слез, и различные, зачастую не самые веселые мысли. Уже мои.

Действительно, я слишком много таскаюсь с Эдом. Другая мысль: я тоже переживаю о моей хозяйке. Да, Джаспер, хозяйке, и не прикидывайся, что ты не свыкся с этой мыслью. Третья мысль: почему это Ранф оказался человеком? Ведь я отлично помнил, что мне

говорили, что он фамилиар-крыса. Или я чего-то недопонял? И почему... ну с этим позже. Сейчас надо уделить время другому, вернее, другой.

Я сконцентрировался на ощущении тепла, исходящего девушкой, и Кот послушно запустил мурлыканье. В ответ на это Лира начала плакать еще сильнее. Я позволил ей выплакаться полностью.

Спустя десять минут я, полностью покрытый слезами успокоившейся Леры, выбрался из ее объятий и залез в ванну.

— Включишь воду? Я весь мокрый.

— Ой, — немного виновато, но с легкой улыбкой ответила Лира, тут же вскочив и начав крутить краны, — Вот так нормально?

— Да, вполне.

Я заполз под включенный кран с прохладной водой — никакого рассеивателя, чистый хардкор. Лира же сама тоже залезла лицом под струю в умывальнике.

Недолго, буквально минутку, мы мылись. Лира снова использовала полотенчко, я ограничился кратким импульсом Мощи, полностью моментально высохнув.

— Лира, — начал я, выбравшись из ванны. — Приношу свои извинения за сегодняшний инцидент. От Геау-ти-Нно очень приятно пахло, и я нечаянно уснул в ее мешке. Позже Эдвин просто унес меня с собой. Не могу сказать, что я не сожалею о случившемся. Извини меня, что не поставил тебя в известность.

— Жив и здоров, это главное, — махнула рукой ведьмочка. — Ты тоже прости за мухобойку и скипидар.

— Ну, я это заслужил, — ответил, не кривя душой. Ситуация утром была крайне тупая.

— Я больше расстроена из-за Ранфа.

— Он же все вернулся. И, судя по его словам, он не в развлекательной поездке был.

— Так-то оно так, но все же... Он был очень нужен здесь. Он даже записки никакой не оставил, уехал так. Причем буквально за несколько часов до моего приезда.

— Очевидно, понадеялся на тебя, Лира, — я подошел к девушке и доверительно поставил лапку ей на... хотел бы на плечо, но ограничился коленкой. — И ты справилась. Если все пройдет как надо, бабушке уже сегодня будет лучше.

— Тоже верно, Джаспер. И еще раз, спасибо за утешения, — девушка рефлексивно вытерла рукой щеку, снова присела и погладила меня по морщинистому лбу. — Ты был мне очень нужен.

— Когда я был человеком, то иногда, когда мне было плохо... Извини, не очень хорошо помню. У меня была кошка, но она редко ко мне подходила. А если бы она подходила, когда я был в печали, то мне было бы куда лучше.

— Ну это и вправду приятное чувство, — с мягкой улыбкой отозвалась девушка. Я смотрел в ее зеленоватые, блестящие глазки.

«Красотка» — неожиданно промелькнуло у меня в голове.

Странно.

— Рад, что смог помочь, — отозвался я, смущаясь от странных мыслей, — Кстати, прости за нескромный вопрос, а почему Ранф — человек?

— А, это... Ему дали хорошее оборотное зелье. По сути, он проклятый.

— Н... Ничего себе, не знал о таком, — искренне удивился я, едва удержавшись от «ни хрена ж себе». — А оно дорогое?

Кажется, у меня появилась новая цель в жизни!

— Честно говоря, очень, — смутилась Лира. — Это многосоставный эликсир, там три декокта, под пятнадцать редких ингредиентов, да и проклинать там — страницы две формул, к семи духам, из которых два — Великих. Грыжа, а не эликсир.

Труднодостижимые ты цели себе ставишь, Джаспер, ох...

— Ну-у, ладненько, — все равно бодро отозвался я. Теперь я знаю о такой возможности, и это главное. — Я пойду, посмотрю, как там остальные.

Лира кивнула мне в ответ, выудив из кармана черный карандаш и начав подводить глазки — старая тушь-то того...

Я же отправился на поиски Ранфа.

Обнаружил я его в библиотеке. Его запах пробивался через неплотно прикрытую дверь, и мне снова пришлось протискиваться в щелочку.

Библиотека была оформлена очень красиво. Именно так должны выглядеть комнаты, в которых собираются какие-нибудь министры, заговорщики или сверхсильные волшебники. Узкие окна с тяжеленными фиолетовыми шторами, темно-бордовые узорчатые обои, все стены уставлены стеллажами, доверху забитыми книгами. В углу библиотеки стоит низенький столик с тремя массивными красными креслами. Особую, теплую и таинственную атмосферу создают тихо гудящие электрические лампы.

Ранф сидел за дальним креслом — на коленях старинная книга в иссохшем серо-белом кожаном переплете, очки без дужек на носу (они визуально прибавляли ему пару лет), потухшая трубка в зубах. Вкупе с его внешним видом создавалось впечатление отчаянно молодящегося преподавателя каких-то там наук в университете.

Мы встретились глазами.

— Кис-кис-кис? — поинтересовался он.

— Мяу, — сказал я. Именно сказал, а не мяукнул.

— Ха, непохоже, — с невеселым смешком отозвался мужчина.

— Да я и не старался, — отозвался я, прыгая в соседнее кресло.

— Проверял тебя на вшивость.

— Для вшей у меня слишком мало шерсти, — философски обыграл я.

— Ну да, ну да, — рассеянно отозвался Ранф.

Станный у нас разговор выходит. Ладненько, я-то вскрылся. А вот он...

— Почему не задаешь главный вопрос? — поинтересовался он.

— Вот только хотел. А Лира об этом знает?

Ранф глубоко вздохнул.

— Об этом знает только Фелиция. Но сегодняшний ритуал будет очень сложный, и, так или иначе, мне придется использовать свои силы, а не силы Фелиции. У нее их и так немного осталось.

— Разве зелья не действуют? — мне вспомнилась бурда в бутылочках, что втридорога брала Лира.

— Проклятье, которое действует на Фелицию, разъедает не только тело. Это одно из самых трудных и грозных проклятий. Я даже не знаю, кто его наложил. Но найду, — Ранф до хруста сжал кулак.

— Помощь Лиры в ритуале будет нужна?

— Да, без духов никак. Она с детства боялась боли, так что, полагаю, будет нужна и твоя помощь. Я почти дочитал, но мне нужно сделать еще одну вещь. Никто ко мне не шел?

— Кроме меня — нет.

— Ну и славно.

Ранф с тихим стуком отложил трубку, достал из кармана тряпочку, после чего, перегнувшись через подлокотник, откуда-то из-за кресла достал здоровенную костяную маску с тремя парами отверстий и сеткой трещин на «подбородке». Слишком большую для человека маску.

Придирчиво ее осмотрев, Ранф принялся полировать немного потускневшую кость.

Еще при первой встрече я узнал запах. От Ранфа шел тот же запах, что был в донжоне замка Черного барона. Очевидно, Ранф являлся не просто вермиалистом, а каким-то высокопоставленным культистом, одним из координаторов, или как их там.

— А ты... Тысяча? — следовало проверить.

Мужчина громко фыркнул.

— Еще чего. Червивое Яблоко.

— Название немного дурацкое.

— Оно много значит, — едва заметно нахмурился Ранф, не отвлекаясь, впрочем, от полировки. — Вытащи из яблока червя — и это будет обыкновенное, нормальное яблоко. Пригодное в пищу. Это из расхожей ехонтийской поговорки. Значит, что мы не отличаемся от обычных людей. Просто не так повезло с доменом.

— А зачем была вся эта свистопляска сегодня?

— Шараг в свое время очень сильно наделал делов, причем прямо нам в кашу, прости мою грубость. Содд был очень важной базой между Драконьими королевствами и Княжествами, нашей перевалочной базой. Наши агенты имели влияние, заметь, без всякого шантажа и угроз, на каждую мало-мальски высокую кочку в городе. Мы переправляли оттуда многих беглых червивых, и тем самым спасали немало жизней от черведавов и прочих подобных им. Мы пестовали этот город шесть лет, а потом пришел Шараг, открыл разлом, причем не абы куда, как этот недоучка-слабосилок Шенн, а на Решетку, ну да ты не знаешь... И весь наш труд, жители города и еще два моих агента оказались в буквальном смысле сожраны ордой варага-гладиаторов. Я просто не мог отпустить этого ублюдка.

— Варага еще и делятся? Я думал, варага это те, что были сегодня...

— Тебе точно нужна лекция по биологии фауны Червивого Дна? — Ранф даже отвлекся от полировки, чтобы иронично-недоверчиво приподнять бровь.

— Я стараюсь поглощать новые знания, пока есть возможность.

— Ответ хороший, но лекции все равно не будет. Ограничусь пояснением. Сегодняшние варага — не более чем аналог, ну, даже не знаю, собак? Наверное, да. Это была большая стая голодных собак. Они даже неразумные были. А Содд заполонила такая же по размеру орда, хм, боевых волшебников. Вот и соотнеси, раз ты такой разумный. Вот повернулась же судьба, — пробурчал он под конец.

Закончив с полировкой, Ранф придирчиво осмотрел блестящую маску, после чего небрежным жестом закинул ее обратно за кресло. Удивительно, но звуков не было — ни стука о стену, ни об пол. Беловолосый же снова взялся за древнюю книжку, к которой и прикасаться было страшно. Я же сидел и размышлял о том, почему в одной семье Фольди уже вторая девушка находит себе разумную зверюшку.

— Превращаться-то еще не умеешь? — внезапно нарушил тишину фамилиар Фелиции.

— Только сегодня узнал о такой возможности, — махнул я лапкой.

— Ну, в любом случае, это еще не скоро, — огорошил меня собеседник. — Там ценные

ингредиенты нужны мисками. В плане самого эликсира немного теряешь — я никогда не пил ничего более противного.

— Но ты думаешь, что я его получу?

— Лира не так уж сильно отличается от Фелиции в ее лучшие годы, — совершенно по-старчески заметил Ранф. — И если уж молоденькая волшебница из небогатой семьи в итоге получила этот эликсир, то и внучка «Смертного поля» тоже справится.

— Буду ждать, по возможности помогу.

— Вот и правильно, — вздохнул Ранф, вставая с кресла.

Потом он полуобернулся, чуть наклонился и из-за кресла вытащил до ужаса знакомый черный футляр. Я рефлекторно выпятил спину, напряжинил хвост (отчего чуть-чуть дыхнул огнем) и громко зашипел.

— Ну будет тебе, не все так страшно, я его вообще в руках держу, — усмехнулся Ранф. — Пошли, надо позвать твою хозяйку, будет нужна ее помощь. Хах, только представлю ее эмоции...

И мы вдвоем пошли за Лирой.

— Лира.

— Да?

Девушка, несмотря на поздний час, что-то готовила на кухне. Так-с, пахнет чуток подсохшим хлебом, вымытой зеленью, горчицей, копченой говядиной... Ясно, сэндвичи.

— Тебя там зовет Ранф.

— Вы уже с ним пообщались?

— Ага, мне было очень интересно.

— Он немного грозный, но не обращай на это внимания, — махнула рукой Лира. — А чего ему от меня понадобилось?

— Он сейчас будет проводить ритуал, так что надо делать приготовления. Там что-то ведьмовское нужно, так что это по твоей части.

— Да? — немного удивилась девушка. — Ну ладно, пойдем, посмотрим.

Девушка быстро вымыла руки и сбросила фартук. Я выпросил у нее ломтик копченостей, и мы пошли за Ранфом.

В гостиной его не было, зато он обнаружился в магазине, где занимался уникальным делом — с мягкой улыбкой и сверкающими любопытством глазами пугал Диван.

Он медленно подносил футляр с покоящимся в нем Скорбным оружием к нашему одушевленному дивану, и тот, несмотря на то, что был мебелью, пытался избежать соприкосновения — он изгибал поверхность спинки и сиденья, гнул подлокотники и медленно, неохотно пытался ползти с помощью ножек. Ранф же с методичностью палача и естествознателя в одном продолжал экзекуцию, пока не завидел нас.

— О, Лира! Прости меня, я несколько перегнул палку. День был трудный, извини уж старика, — как бы между делом извинился он и, без паузы, перешел к интересующей его теме: — Девочка моя, а что у тебя за диковинка? Готов поклясться, что у этого дивана есть пробужденный дух. Но вы же ему не кровавые жертвы приносили, а инвиталятора у вас нет. Что вы с ним сделали?

— Ну-у... Хе-хе... — неловко отозвался я.

— Долгая история, — отведя взгляд, отмахнулась Лира.

— Надеюсь, ты мне ее еще расскажешь, — сверкнул глазами Ранф. — В любом случае,

юная леди, вопрос к вам. Как ты с звездами призыва?

— Черчение-то? — нахмурилась Лира. — Что-то могу, что-то нет. Мне легче работать напрямую с духами.

— Звезду «Мрачного изгнания» сможешь соорудить?

— Тройной контур, подбор зел-ат-нур и отрицательное притяжение?

— Она самая, — кивнул седой. — Зел-ат-нур в модификации Веллига, отрицательное за счет глифа «Отрицание тьмы».

— Да, смогу. Очень нужна?

— Еще как, — Ранф подошел к девушке и вручил ей деревянный коробок. Девушка открыла его и явно что-то там увидела. Ее глаза чуть не вылезли из орбит.

Чё хоть там такое?

— Ты с ума сошел? — взвизгнула она. — Да нас всех повесят...

— Не истери, Лира. Никто об этой штуке не узнает. Его там едва-едва хватит на четыре звезды, потом сотрешь обычной тряпкой. Да и по сути, это обычный мелок.

— Хочу обратить твое внимание, что это мелок из костей! Из костей Белой Усыпальницы! Да в том же Гаттире за осквернение Первых королей нам такое светит!

Появившаяся было на лестнице Гиз, как только услышала про некую Усыпальницу, медленно развернулась и поднялась обратно. Очевидно, она молилась, как бы кто не узнал о том, что она слышала об этом мелке.

— Бабушка умрет через три дня. Проклятье подействует, — внезапные слова Ранфа были резки, как пощечина, и произвели такой же эффект.

— Ч-что? — не поверила его словам Лира.

— Я успел к самому сроку. Передо мной стояла невероятно трудная задача, Лира, но я справился.

— Что такое висит на моей бабушке? — голос Лире снова дрожал.

— Ну, у тебя же нет доступа к костям пещерного бегуна и инферно-сере. Так что и узнать ты никак не могла.

Лира ничего не ответила, только вся вытянулась и побледнела.

— Вижу, что поняла, ритуалистику хорошо учила, — медленно кивнул Ранф. — Теперь бери мелок и иди рисуй звезду.

Лира мелко и часто закивала, выхватила из рук Ранфа коробочку и пулей взлетела по лестнице. Ранф же, закинув на плечо футляр, последовал за ней. Я же следил за ним.

Седой зашел в комнату Фелиции, брезгливо отогнал дым от своего лица и подошел к сидящей женщине. Там он сразу же отобрал у нее трубку, закатал себе рукава и, крикнув, подхватил кресло целиком, вместе с пассажиркой, и понес ее на лестницу. Когда он вышел из комнаты, то я заметил, что прямо из его голых мускулистых предплечий тянутся уже знакомые мне тонкие белые нити. Они одновременно бережно и плотно обхватывали Фелицию, не позволяя той не то что вывалиться, а даже переклониться через подлокотники.

Ну да, он больше не собирается скрывать свое происхождение.

Таким образом Ранф донес Фелицию до четвертого этажа-мансарды. Дверь в ритуалистскую была приоткрыта, оттуда доносился электрический свет и звук шороха мелка о кирпичи.

Ранф донес кресло прямо до центра каменной комнаты. Лира с помощью небольшого бледно-синего мелка вырисовывала на стене уже вторую звезду — девять лучей, три контура, крупная вязь каких-то значков в центре. Она окинула нас быстрым взглядом, едва заметив

белые нити из предплечий старого волшебника.

Он водрузил кресло, убрал нити (те втянулись прямо под кожу), неожиданно заботливым жестом поправил сбившуюся прическу Фелиции. Та, смотря в одну точку, тихо сопела. Потом Ранф вытащил из кармана — как только уместились — три свечи из сероголубого жира. Он расставил их вокруг кресла.

— Это же свечи из сала мотылька? — уточнила Лира, закончив с второй звездой.

— Ну да, — невозмутимо отозвался Ранф.

— А что у тебя еще есть из таких ингредиентов? Ну, которые по цене как хороший дом, — добавив в голос яда, поинтересовалась девушка.

— Еще есть три чешуйки Дракона Замаура и склянка с зеркальцем, отражавшим Ясное Небо.

Я в первый раз увидел Лиру с отвисшей челюстью. То есть, натурально — широко открытый рот и выпученные глаза. Помолчав, она кое-как пришла в себя, зачем-то потеряла щеку и повернулась к третьей стене комнаты.

— Признаю, твой путь был не из легких, — наконец сказала она. В это время Ранф еще одним мелком (надеюсь, обычным) рисовал треугольник между расставленными свечами.

— Еще какой нелегкий, Лира, — только вздохнул седой.

Я молча наблюдал, как они заканчивали подготовку к ритуалу. Лира дорисовала звезды и закрыла дверь, Ранф положил на каждую сторону треугольника по ярко-голубой чешуйке с острым волнистым краем размером с ладонь. Наконец, они оба подошли к границе треугольника, отгораживающего Фелицию, с пустым взглядом покачивающуюся в кресле.

— Мне не хочется этого видеть, — тихо попросила Лира у Ранфа.

— Мне не сладить с духом одному. А у тебя еще и фамилиар. Справишься, Лира, ты сильная.

Не дожидаясь ответа, Ранф неожиданно глубоким голосом закричал. Его голос отражался от каждой стенки каменного зала:

— Услышь меня, проклятый дух! Услышь меня! Явись!

Ранф взмахнул рукой, и свечи ярко вспыхнули зеленым огнем. Неожиданно погасло электричество, и мы остались в едва разгоняющем тьму, пляшущем ореоле салатого света.

— Ты должен явиться! Я желаю узреть тебя, словно под ясным небом!

Мужчина выхватил из левого карманка обмотанный тряпицей осколок и протянул его на вытянутой руке к Фелиции, все так же покачивающейся в кресле.

Зеленый огонь перекинулся на мерцающие чешуйки — комната заполнилась изумрудными солнечными зайчиками. Слово в противовес им, в комнате стало еще темнее.

Я заметил, что ладонь Ранфа, которой он сжимал зеркальце, неестественно побелела.

С тихим хлопком над Фелицией возникла... Не могу найти другого описания — какая-то хрень. Угольно-черный, бугристый бесформенный комок с матовой поверхностью размером с арбуз. Он медленно тек, но не таял — с комка тихо падали вязкие капли размером с орех, но он не уменьшался. Из поверхности комка проступало искаженное страданиями человеческое лицо. Человек внутри комка силился то ли закричать, то ли зарыдать, но от него не доносилось ни единого звука.

Лира снова всхлипнула.

— Великие Духи... Ранф, я слышу, как она вопит! Она так страдает...

— Лира, что это? — спросил я, ощущая, как моментально пересохла моя глотка. До меня вдруг донесся густой запах запекшейся крови.

— Это Запретное искусство, — тихо отозвался Ранф. — Высшее проклятье, топливом которого является душа. На человека навешивается комок из человеческой души и трех-четырёх духов мучений. Никто еще не выдержал и полугода с этим.

— Кто, Ранф, кто допустил это? Кто сотворил это с бабушкой и с ней? — по лицу Лиры ручьем текли слезы, но не боли, отнюдь — я видел, что это были слезы от самого искреннего гнева, на который способен человек.

— Когда я найду его...

— Ты отдашь его мне, Ранф.

— Лира...

— Ты отдашь его мне. Ты не ведьма, ты не можешь слышать ее. А я слышу.

Ранф кивнул, а потом сообщил:

— Я изгоню ее. Твоя задача — не дай ей тут закрепиться.

— Да, Ранф.

Девушка размяла пальцы и откашлялась. Ее ладошка нырнула в карман и выудила оттуда некрупный драгоценный камень.

— Джаспер, я рассчитываю на тебя, — сказала она, даже не посмотрев на меня. Ее взгляд был прикован к терзаемой девушке.

— Я весь твой, Лира.

Я физически ощущал, как от черного комка исходят эманации страдания. Джаспер мог не знать этого, но Кот ощущал и сообщал ему — человек в черном комке каждый миг испытывает что-то, что за гранью допустимого и даже реального. Его (или ее) страдания даже не описать.

Мне надо было ей помочь. Даже не ради Фелиции, а ради ее самой. Никто и никогда не должен так страдать.

— Я начинаю, — сообщил Ранф.

Он стряхнул футляр с плеча, одной рукой достал из него Скорбное оружие (клянусь, я слышал, как тонко завопили духи каменных стен) и шагнул к пляшущему зеленому огню. Тряхнув рукой, он заставил тряпочку раскрыться. Там был маленький осколок зеркала. Почему-то на него было больно смотреть. Рука Ранфа моментально побелела до локтя, и он зашипел от боли.

Однако, от созерцания крошечного осколка комок проклятья словно застыл. Лицо замерло в одном положении, потеки чего-то замерли в полумиге от падения, цвет изменился на грязно-серый. Мгновением позже вся стена за комком покрылась каким-то белым пухом. Я с трудом понял, что это — толстенный слой изморози, толщиной с человеческий палец, а то и больше.

Ранф сделал еще два шага, и горизонтально взмахнул мечом.

Комок с звоном разбился вдребезги. Из него вылетело четыре комочка тумана — один красный и три густо-черных.

Лира торопливо, гортанно забормотала что-то на языке духов. Меня пронзило острым спазмом лириной Мощи. Он был сильнее, чем какой бы то ни было предыдущий. Мои нервы раздирались в клочки, но я не издал ни звука и не закрыл своих глаз — я обязан был увидеть, что будет дальше.

Красный комочек тумана замер там, где был черный ком проклятья. Черные же комочки начали бешено носиться по комнате, они яростно стучались о нарисованные мелом звезды, точно это был металл, не в силах преодолеть особый мел Ранфа.

По мере того, как ведьма бормотала свои просьбы, мольбы и приказы, они все замедлялись и замедлялись, но их движения все так же сквозили нечеловеческой злобой.

— Прости меня, Лира, — вдруг подал голос Ранф. — Я не хотел, чтобы ты знала об этом. Но я сделаю что должно, и будь что будет.

Его руки внезапно оплелись белыми, матово блестящими нитями. Рубашку и брюки скрыл выросший из ничего балахон, который даже в темноте комнаты казался бездонным провалом. В завершение на нитчатой броне Ранфа появились мириады блекло-красных бусинок.

Лира прервала речитатив, и сквозь зубы выругалась. Напоминаний не нужно было — она тут же вернулась к занятию.

Ранф вскинул руку, в которой еще миг назад сжимал зеркальце. Из нее вытянулись три нити. Они захватили ближайший черный комок и моментально подтянули его к червивому. Ранф взмахнул мечом, и каждый камушек чердака отозвался воплем. Миг — и безжалостные нити захватили второго духа. Вопль. Третий, последний, дух. И вновь вопль.

Только когда третий дух развеялся, Лира прекратила зачитывать что-то.

Ранф, не убирая балахон и броню, спрятал меч обратно в футляр и откинул его подальше от себя.

— Действуй дальше ты, — устало сообщил он Лире. — Этим было очень тяжело махать.

Лира кивнула, подошла к Фелиции, протянула руки и взяла трепещущий красный туман в ладони.

— Ну тихо, тихо, милая. Все, все уже кончилось. Теперь ты можешь отдыхать, — нежно объяснила Лира туману. Красные завитки отражались в прозрачном камне, который девушка все ещё держала в ладони. — Лети дальше, в Вечное Море. Ну тихо, тихо, солнышко. Я все понимаю. Да, это было невероятно трудно, но ты как могла сопротивлялась. Я бы так не смогла. Честно-честно. Могу спеть колыбельную. Хочешь? Давай.

И Лира тихо-тихо запела что-то размеренное и ритмичное, снова на языке духов.

Я вслушивался в слова и ничего не понимал. Но перед глазами, сами собой, вставали сцены из моих жизней. Моя здешняя мама — уже немолодая кошка черепаховой окраски, теплая солома, запах сладковатого молока... Улыбка моей прошлой мамы — одна лишь улыбка, ничего более, мягкое тепло одеяла, разноцветные бумажные игрушки, висящие над кроватью...

По мере того, как пела Лира, цвет тумана изменялся с красного на голубовато-серый. Цвет менялся едва заметно, очень и очень медленно, но мы более никуда не торопились. Ранф привалился к дальней стене и дремал, я одновременно смотрел на поющую Лиру и на свое прошлое, а ведьма пела самую красивую песню за мои две жизни.

Когда цвет комочка тумана стал обычным цветом призрака в этом мире, то комочек тихо вспорхнул с Лириних ладошек и тихо растворился в пространстве. Камень в руках Лире рассыпался на мелкую крошку.

Когда мы вышли из ритуальной, уже стоял рассвет.

Ранф развеял темный балахон, а нити снова втянулись под кожу, не оставив и следа. Единственное, что еще отмечало произошедшее — мертвенно-бледная левая рука Ранфа. Впрочем, это не мешало ему нести на руках тихо спящую Фелицию. Кресло осталось в комнате.

Мы втроем направились на второй этаж, в комнату бабушки Лире.

Остановившись, Ли́ра взяла белую как мел руку Ранфа и тихо что-то зашептала. Довольно быстро к руке вернулся ее естественный цвет.

— И ты был вермиалистом все эти годы? — спросила наконец девушка, закончив лечение.

— Да, а как же ещё. Домен, знаешь ли, не выбирают. О моем волшебстве прекрасно осведомлена твоя бабушка, но не родители. Надеюсь, твоя мама ни-ко-гда об этом не узнает, — отчеканил Ранф.

— А ты?..

— Нет, Ли́ра. Я ни разу в жизни не использовал ничего Запретного. Могущества можно добиться и своими силами, уж поверь.

— А что это были за белые нити?

— Это... долгая история, девочка моя. Долгая, полная крови и страданий история. Когда-нибудь, — покачал головой вермиалист. — Когда-нибудь, но не сегодня.

Мы дошли до комнаты Фелиции. Там Гиз уже заканчивала заправлять свежее постельное бельё.

— Мистер Ранф, могу ли я верить услышанному?

Девушка явно развешивает свои уши, где не надо.

— У тебя есть какие-то вопросы ко мне?

— Да в общем-то нет, — мотнула косичками волшебница. — Я достаточно умна, чтобы понять, что настоящая картина мира несколько отличается от общепринятой. Не все же вермиалисты поголовно уроды. Да и потом, вряд ли вы сильно изменились со времен нашего детства. Все тот же старый, добрый Ранф.

— Немного есть изменения, конечно, но не сильно. Спасибо, Гиз. Твоей адекватности можно позавидовать, — Ранф даже выглядел немного удивленным.

Гиз только кивнула.

После того, как Фелиция была уложена спать, а мы вчетвером (Эдвин неплохо выложился днем, настолько, что уснул почти сразу после прихода домой и до сих пор не проснулся) позавтракали, Ранф надел шляпу, подхватил проклятуший футляр и быстрым шагом удалился в сторону города.

Он вернулся через полчаса, без футляра и взмыленный. Но не это было удивительным. Удивительным было то, что он до смерти перепугал меня и Лиру, которые в этот момент пили горячее молоко — он попросту вывалился из глубокой тени за диваном.

— Вот проклятье, снег Вьюги им всем на головы! Чтоб век им не видеть Вечного Моря! — отряхивая обычную дорожную пыль прямо на паркет, ругался он.

— Что случилось? — изумилась Ли́ра, которая вскочила так быстро, что пролила все молоко.

— Черведавы случились, всех их скопом на Решетку! Их в два раза больше, нежели я предполагал, да ещё и Леопольд... Ли́ра, сможешь настроить переход Маяка в город?

— Конечно, но зачем?

— В городе я работал не один, там еще двое агентов, — пояснил Ранф. — Их тоже необходимо забрать.

— Вы уже уходите? — не поверила своим ушам девушка.

— Нет, уходим мы все вместе. Ты, я, Гиз, это лопоухое чудо, тот любопытный паренек, галгара и Амелия. Все уходим?

Ведьма оторопело вытаращилась на Ранфа. Тот начал терять терпение.

— Лира, это не шутки! Круг Черведавов не остановится ни перед чем! Для них хороши все средства. Да они начнут с того, что подожгут поместье! Так что давай, быстро, перенос. Мне нужен город.

Лира унеслась наверх, громко топая по ступенькам. Ранф же подошел к двери.

— Разрешите с вами? — любопытствовало «лопоухое чудо» в моем лице.

— Да пожалуйста, — фыркнул Ранф. — Все равно идти недалеко.

Буквально через минуту я снова ощутил это неприятное ощущение смещения в пространстве. Где-то наверху тихо завывала Гиз.

Ранф же решительно шагнул на улицу.

Мне было интересно, кто же мог быть «агентом» (любопытно, почему не культистом?) Червивого Яблока. Это ведь мог быть тот, кого мы знаем. Это может быть кто-нибудь из полиции, ну или из городского круга...

Мы вдвоем подошли к бездомному, что отдыхал в переулке возле нашего магазинчика.

— Подайте на жизнь, ветеран я, зрения лишился под Орвеном! — заголосил слепой нищий, сделав молящее лицо и вытянув руки в сторону источника звука.

— Базиль, хватит прикидываться.

Внезапно нищий преобразился — спина вытянулась, лицо разгладилось, в слепом глазе мелькнула туманная сталь. Он стал похож на опытного воина, ради обмана врага напялившего нищенское рубище — оно на нем смотрелось неубедительно. Ну не может нищенская рубаха обтягивать развитые мышцы.

Я подметил то, что раньше не замечал — покрытые шрамами руки, широкий улыбчивый рот, неопрятные длинные, до плеч, темные волосы. Обычно внешность нищих мы игнорируем, но это же не нищий, верно?

— Шеф, ну наконец-то, — На его голос стал таким же спокойным и рассудительным, как и его лицо. — Я уж заждался тут.

— На нас вышел Леопольд, — поделился новостью Ранф.

— Дерьмовыми новостями меня не удивить, — усмехнулся лже-нищий.

Он с усилием моргнул слепым, левым глазом, и я, осознав все подробности открывшейся картины, зашипел.

Слепой оказался не слепым. Молочно-белый — левый — глаз был лишь маскировкой: Базиль моргнул, и весь туман ушел из глаза. Его сменило нечеловечески отвратительное зрелище. В его глазном яблоке были одновременно четыре комплекса из радужки и зрачка, которые были расположены неровным параллелограммом. Ладно бы это, но ведь даже цвет радужки ни разу не повторялся!

А правого глаза под повязкой точно нет?

Я снова не сдержал Кота и зашипел. Базилью даже не нужно было поворачивать не то что голову, а даже глаз — один из его зрачков смотрел точно на меня.

— Какой грозный кот!

— Он такой же как я.

От этой новости Базиль удивленно крякнул. Потом он встал и отряхнулся, после чего он потер пальцы правой руки — из них выплеснулось облачко тьмы, которое моментально приняло вид птички и сорвалось куда-то прочь, моментально пропав из вида.

— Афины уже позвал, — кивнул самому себе Базиль. Потом он обратил один из своих взглядов на меня: — Прошу простить за невежливость. Я Базиль Оун-Гер. Приятно познакомиться.

— И мне, — немного покривил я душой.

— Пошли в поместье, дождемся Афины. Она долго?

— Да нет, минут десять отсюда. Мы уходим, шеф?

— Не будем же мы сражаться с тремя десятками опытных черведаров втроем, Баз! — раздраженно дернул плечом Ранф. — Мне это не по душе, как и тебе. Но я вчера потерял троих выворотней. Сехк рвет и мечет, поэтому я очень и очень раздражительный. Не стоит сейчас оспаривать мои решения.

— Понял, шеф, не кипятись.

Мы зашли в дом.

Ранф и Базиль только устроились на диванах и начали согласно молчать, каждый о своем, как раздался стук в дверь. Ранфу пришлось встать и идти открывать дверь. Я же снова, безмолвной тенью, увязался за ним.

За дверью стояла очень и очень необычно выглядящая девушка лет двадцати пяти. Высокая и стройная, с весьма выдающейся фигурой, которую только подчеркивал синий брючный костюм в тонкую белую полоску. Женственные губы были накрашены помадой, а по лбу до висков спускался алый узор. Все впечатление от сногсшибательной внешности портили уродливые, бугристые шрамы, тремя ручьями стекающие от волос по правому виску щеке до шеи, спускаясь куда-то под воротник.

— Вызывали, шеф? — низким для девушки голосом поинтересовалась она.

Я узнал ее. Это та самая девушка, что прикрыла нас от Тысячи Глаз в тот раз. Она меня тоже узнала — скользнула взглядом и улыбнулась уголком рта.

— Заходи, мы переезжаем.

— Вот прямо сейчас? — уточнила девушка.

— В городе сейчас Леопольд Со Коул, — поделился с ней новостью подошедший Базиль.

— О как, — девушка, судя по всему, Афина, шмыгнула в приоткрытую дверь, лишь чудом не задев ее объемистой грудью. — А куда переезжаем?

Вместо ответа Ранф отвернулся, прошел в гостиную и спросил у пустоты:

— Леди Амелия, все на месте?

Из тумана прямо перед его взором соткалась Призрак. В это время все агенты уже вошли в гостиную.

— Да, господин, — едва слышно прошептала Призрак. — Все, проживающие в поместье, сейчас на своих местах.

Охренеть. Какая разговорчивая.

— Хорошо, — кивнул Ранф. — Два указания. Пусть Лира деактивирует все Маяки, в том числе и базовый, да побыстрее. Потом проводи Гиз в туалет, она такого явно не перенесет.

Когда Призрак исчезла, Ранф подошел к ближайшей решетке и крикнул прямо туда:

— Гальза, давай сюда. Будем поместье толкать.

Прямо сразу же позади него, возле дивана, появилась массивная туша галгары.

Я охренел ещё раз. С ящера как будто спала невидимость. Как будто он тут и стоял...

— Гальза, ты тут и стоял? — едва сдерживая сыпящийся рассудок, спросил я.

— Не-а. Я в котле отдыхал, — ответил галгара. — Позже все расскажу, кот.

Ранф протянул Гальзе кусочек бумаги. Он и так был небольшой, так ещё и в руках ящера он казался сущей крошкой.

— Это что, господин?

Господин?!

— Координаты места, куда надо толкнуть поместье. Справишься?

Гальза внимательно осмотрел клочок бумажки, лизнул и понюхал его.

Ну да, ну да. Ведь так обычно люди и получают информацию...

— Толкнем, чего не толкнуть, — кивнул Гальза, изучив бумажку. — Только далековато...

— Мне это сейчас и нужно.

— Что за беготня? Добрый день, мистер... Ранф? — это спустился с лестницы Эдвин, сонный и взъерошенный.

— Да, фамилии у меня нет, — отмахнулся Ранф. — Мы немного переезжаем. У вас нет дел в городе?

— Признаться, сэр, абсолютно никаких.

— Ну и славно. Гальза, ну что?

— Наверное, готов, — пророкотал Гальза, широко разведя руки в стороны.

— Амелия, Гиз в ванной?

Призрак не появилась, раздался лишь ее шепот:

— Мисс Гиз уже готова к переносу. Юная госпожа только что выключила последний Маяк.

— Толкай, Гальза! — махнул рукой Ранф.

Гальза действительно сделал такое движение, словно всеми четырьмя руками что-то с силой толкает.

А потом начался суший кошмар.

Подобное чувство мы уже испытывали — каждый раз, как поместье переносилось по Маяку. Сильнейшее чувство дезориентации и головокружения длилось едва ли миг, но все равно вызывало целую гамму неприятных ощущений. Теперь же это чувство не ограничилось мигом.

Сорок две долгие, бесконечные секунды. Сильное головокружение, плывущие стены, бело-сине-зеленая мазня за окном, свист в ушах. На двадцатой секунде на первом этаже почему-то расколосось окно, и в помещение влетел разъяренный ветер. Он трепал одежду, кидался книгами и молочником.

Внезапно, резко все прекратилось.

Долгие десять секунд все молчали. Все, кроме Гиз — звуки ее страданий были прекрасно слышны.

Потом Афина сдвинулась, на негнущихся ногах подошла к разбитому окну, высунулась в него и присоединилась к арбористке. Эд привалился к стене и устало сполз с нее. Базиль как упал на четвереньки в самом начале, так и стоял, тяжело дыша. Лишь Ранф и Гальза сносно перенесли "толкание".

Что случилось со мной? Ну вы прекрасно помните универсальный ответ моего организма на любой раздражитель.

Громыхая по ступенькам, подобно лавине, с лестницы слетела взъерошенная Лира.

— Ранф, что происходит? Что вообще случилось?

— Ну как, что. Мы сбежали.

Эдвин внезапно встал на ноги. В его глазах раздавался лихорадочный блеск. На подгибающихся ногах он вышел в коридор и отворил входную дверь. Я, ради любопытства, последовал за ним.

Вокруг поместья не изменилось ничего — та же кованая ограда, те же деревья. Но вот трава значительно отросла, и это буквально минут за пять. Воздух стал свежее, и будто пахнет по-другому.

Но главная странность была в другом. Вокруг нас не было ни города, ни предместий. Мы находились совсем рядом с крошечной деревушкой — мне было видно три низеньких домика с соломенными крышами.

Неподалеку от деревушки, за густым лесом, высились огромные, сверкающие снежными шапками островерхие горы, тянувшиеся огромной подковой от горизонта до горизонта.

— Где это мы? — спросил я.

— Красные Княжества, — улыбнулся Эдвин. Удивительно, но он выглядел счастливым.

Из поместья медленно выбирались все жители поместья вместе с агентами Червивого Яблока. Все они сначала оглядывали деревушку, потом их взгляды упирались в горы. Все, кроме Базиля, выглядели ошеломленными.

Когда все (исключая почему-то Гальзу) собрались на улице, Ранф вышел вперед, обернулся к нам и, разведя руки, произнес:

— Дамы и господа, добро пожаловать в княжество Диртц.

Больше книг на сайте - Knigoed.net